ПИОНЕР

АВГУСТ № 8 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год

ЗЕЛЕНЫЕ ДОРОГИ— ПИОНЕРСКИЕ ДОРОГИ

Дорога идет в зеленом тоннеле. Густая листва тополей, кленов, берез смыкается над ней, надежным шатром прикрывает асфальт от лучей солнца. Зимой деревья образуют прочный заслон от ветров, от снежных заносов.

Зелеными должны стать все автомобильные дороги, и они скоро станут такими, потому что шефство над деревьями взяли советские ребята. Пионеры соревнуются в озеленении автомобильных магистралей по всей Российской Федерации. Огромны просторы нашей страны. Не считаны, не меряны ее пути-дороги. Но и многомиллионная пионерия — большая сила. Пусть каждый пионер сажает деревья, и пусть каждый охраняет, бережет, выхаживает то, что посадил, как это делают ребята, сфотографированные здесь.

Ты посадил деревцо — охраняй же его! Помоги ему вырасти и стать большим зеленым великаном, одаряющим всех тенью, прохладой и свежестью.

Ты вырастешь, вырастут твои деревья. Тысячи людей пройдут и проедут под ними и добрым словом помянут тебя, пионер!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 36-й

Здравствуй, школа! Снова за работу! Дружно и слаженно начнём новый школьный год!

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Ты найдешь

письма твоему отряду,
новый рассказ писателя В. Каверина,
продолжение повести «Отважные».

Ты узнаешь,

сколько стоит второгодник,
где было Ледовое побоище.

Ты побываешь

в будущем городе пионеров,
на школьном строительном заводе,
в гостях у художника В. А. Фаворского.

Ты прочитаешь и

о красных галстуках на стройках семилетки,
о боевом пионерском штабе во дворе
и о многом другом...

АВГУСТ

№ 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

1959 год

ПИСЬМА

ВСЕМ ПИОНЕРАМ ОТРЯДА

Дорогие ребята!

Бригады коммунистического труда передают вам горячие поздравления с новым учебным годом. Желаем каждому из вас выполнить годовую программу точно в срок и с отличным качеством: на четверки и пятерки.

С этого года вы будете учиться в новой школе. Она хорошо подготовит вас к плодотворному труду для нашего народа. Старайтесь взять у школы побольше знаний, умения, полезных навыков; они будут очень нужны вам, ребята, когда вы встанете рядом с нами в заводских цехах у сложных машин.

По поручению бригад коммунистического труда бригадиры **И. Балалаев** (автозавод имени Лихачева), **Л. Чернова** (Второй часовой завод), **Г. Масленников** (Трест «Мосстрой № 3»), **Т. Матюхина** (Второй государственный подшипниковый завод).

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ОТРЯДА

Вот и наступает новый учебный год. Этот год необычайный, он начинается в первом году семилетки. Ваши отцы и матери, старшие братья и сестры трудятся над выполнением решений XXI съезда КПСС по строительству коммунизма, берут обязательства работать и жить по-коммунистически. Будьте и вы достойны этого великого времени.

Успешное выполнение семилетки зависит от каждого коллектива — и большого и маленького, от каждого советского человека. Вас в отряде тридцать, а то и сорок пионеров. Это не так уж мало. Вы сила, вы коллектив. Пусть каждый пионер вашего отряда решит: а что он, именно он, сделает для Родины, для семилетки! Тут и роль совета отряда велика. Надо помочь найти работу по душе и по плечу каждому пионеру и каждому звену, продумать общие дела на пользу Родине. Не откладывайте этого на завтра, не тратьте ни одного дня на раскачку, соберитесь сегодня же и поговорите на совете отряда о ваших будущих делах.

А дел — больших, интересных, нужных — множество.

Включайтесь в сбор металлолома для строительства дороги Абакан — Тайшет; озеленяйте автомобильные трассы; если при вашей школе нет сада, посадите его; выращивайте кроликов, птицу; подумайте, как ваш отряд будет шефствовать над октябрятами, над малышами из детского садика, как он организует самообслуживание у себя в классе.

Почаще заглядывайте в «пионерские ступени»: они вам подскажут много полезных дел. Шагая по «ступенькам», пионеры будут становиться более умелыми, ловкими, сильными, смелыми.

Первого сентября у вас в классе еще нет отстающих, все успевают! Постарайтесь, чтобы так было и к концу года. Чтобы ни одного товарища не потерять в пути, чтобы никто не отстал от класса, не остался вне школы.

Подумайте, как организовать досуг пионеров. Пусть хорошая песня, задор и веселье будут спутниками вашей жизни.

И еще один совет, товарищ председатель, это уже тебе лично: не зазнавайся, почаще советуйся с ребятами. Помни, что тебя выбрали не за особые заслуги,— просто тебе дали очень важное поручение. Старайся выполнить его так, как подобает юному ленинцу, будь хорошим организатором, примером для товарищей в учебе, труде и общественной работе.

Желаю всему вашему отряду больших успехов!

К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!

Председатель Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Л. Балясная

Вашему отряду

САНИТАРУ ОТРЯДА

Ответственная и важная задача возлагается на санитара пионерского отряда. Он должен бороться за соблюдение образцовой чистоты в помещении и на участке школы, требовать, чтобы его товарищи были опрятны, аккуратны, подтянуты.

Помните: для того, чтобы иметь хорошее здоровье, необходимо правильно распределить свое время между учением, отдыхом, физическим трудом и занятиями спортом. Соблюдение режима дня — залог здоровья.

Больше занимайтесь физической культурой. Добейтесь, чтобы каждый пионер вашего отряда делал утреннюю гимнастику. Физическая закалка укрепит ваше здоровье и обеспечит успех в учебе.

Желаю вам, ребята, отлично учиться, быть сильными и здоровыми.

Министр здравоохранения СССР **С. Курашов**

ФИЗОРГУ ОТРЯДА

От всей души желаю твоему отряду занять все первые места в школьных олимпийских играх: по легкой атлетике и конькам, в лыжном кроссе и баскетболе, в гимнастике и в шахматном турнире, ну и, конечно, в футбольном чемпионате.

Думаешь, это невозможно! Возможно, если ты добьешься, чтобы все ребята по утрам делали хорошую разминку, все до одного занимались в спортивных секциях, если вы будете ходить в походы, устраивать кроссы, если все сдадите нормы нового комплекса БГТО. Тогда команды вашего отряда будут непобедимы!

Заслуженный мастер спорта,
вратарь сборной команды СССР **Л. Яшин**

ВОЖАТОМУ ЗВЕНА

Знаешь, как рвется цепь в машине? Сдаст одно звено — вот и вся цепь распалась. А если маленькие звенья будут прочными, нет износа цепи.

Добейся, чтобы твое звено было дружным, крепким, чтобы не порвалась пионерская спайка. Тогда вам любое дело по плечу!

Звеньевая колхоза «Путь Ильича»,
Кировоградской области,
Е. Номержицкая

РЕДАКТОРУ СТЕННОЙ ГАЗЕТЫ

Нам, работникам печати, надо думать не столько о газете или журнале, сколько о самом деле, которому печать служит. Тогда и газета будет хорошей. Что нужно отряду? Чтобы он был дружным, чтобы все хорошо учились и занимались интересными делами. Вот и добивайся этого! И, конечно, не один — газета ведь только тогда сильна, когда ее делает много ребят. Выпускайте газету почаще, а не только по праздникам, и пусть она будет небольшой по размерам и боевой, колючей по характеру.

Редактор журнала «Пионер» **Н. Ильина**

ВО ВСЕ ШКОЛЫ ВСЕМ СТАРОСТАМ КЛАССОВ
ПЕРЕД НОВЫМ ТРУДНЫМ ПЕРЕХОДОМ ЗПТ КАК НА КОРАБЛЕ ЗПТ
ПРОВЕРЬ ИСПРАВНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЗПТ ЧИСТОТУ ЗПТ ПОРЯДОК
НА ПАЛУБЕ ЗПТ ВНЕШНИЙ ВИД ЧЛЕНОВ КОМАНДЫ ТЧК КУРС НА
СЛЕДУЮЩИЙ КЛАСС ТЧК ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД ТЧК
БОЦМАН ДИЗЕЛЬЭЛЕКТРОХОДА ОБЬ ВИКТОР ПОКАТИЛО

Счастье

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рисунки П. Караченцова.

Это было очень давно. Мне было тогда семь лет.

Приходит к моему отцу Биче-ол, лоцман, и говорит:

— Биче-ол не лоцман... Пусть теперь другие ведут плоты. Я больше не лоцман. К тебе рабочим на плот пойду. Помогать буду... Молчишь? Не нужен тебе Биче-ол? Не веришь, Иван, Биче-олу?..

— Зачем не верить?.. Очень даже свободно верю,— спокойно так говорит отец.— Взять тебя в подручные—это, конечно, можно. Давай кури, Биче-ол, самосад ничего, подходящий. Кури... Ну, а поскольку дело у нас такое выходит, мне второй рабочий, пожалуй что, не потребуется. Невелик плот. Напару сплавим... А? Как, по-твоему? Вот разве что мальца своего прихвачу?.. Восьмой год как-никак, пора ему привыкать. Кури, Биче-ол, кури! Хороший табак... Завтра засветло и пойдем. Жди прямо на берегу, у плота. Будь готов.

Но не такого, видно, ответа ждал от отца Биче-ол. Он думал, что отец ему скажет: «Как так Биче-ол не лоцман? Биче-ол— лучший лоцман на Енисее! Я его к себе в рабочие не возьму! Люди мне за это в глаза наплюют». А отец: «Кури да кури!» Заладил! Будто нет ничего важнее его поганого самосада.

Биче-ол был лет на пятнадцать моложе отца. Батька мой уже семейный и детный был, а Биче-ол еще не женатый, лет двадцати, ну, двадцати одного, не более. Однако худого не скажешь — лоцман не из последних тувинских лоцманов. Очень даже хороший лоцман.

И не верится Биче-олу, что мог ему так ответить Иван, самый старый и самый первый лоцман в Туве.

— Иван,— говорит,— я два раза на мель свой плот посажал, понимаешь, Иван? Мне теперь по Сейбе и Систигхему ходить нельзя. Люди смеются!..

— На мель?! А когда ж это было? — спрашивает отец (как будто и в самом деле не слышал этой истории сто, а может, и больше раз).

— Посередке лета,— потупившись, говорит Биче-ол.— Один раз неделю сидел на реке... Без хлеба. Людей томил... И с тех пор я себе доверять не стал. Косы песчаной боюсь, порогов боюсь. Не за себя боюсь. За людей. Раз уж я лоцман такой худой, а вдруг разобью плоты, не проведу их через пороги?.. Людей сгублю. Людей! Понимаешь, Иван? Людей! Понимаешь, а?.. Я не лоцман. Не лоцман. Я больше не лоцман!

— Ай-ай-ай! — говорит отец.— Ай-ай-ай! — вздыхает и головой покачивает (огорчение свое выказывает).— Ну, что ж, раз такое дело, до завтра, значит, давай, Биче-ол!

Если б я был Биче-олом, так я бы от сраму сквозь пол провалился. Но дверь в нашем доме была распахнута, и Биче-ол, не глянув на нас, шагнул в открытую дверь.

Он не сказал «до завтра». Пошел, ссутулясь, вперед по селу к себе в дом.

Садилось солнце. Биче-ол глядел в землю, под ноги себе, и не поднимал глаз. Глядел так крепко, будто в земле мерещилось ему счастье свое найти.

Эх, разве вы понятие имеете о переживании Биче-ола?! Ведь не вы сплавляли плоты по нашему Енисею... Не вы!..

В красном свете стояли горы «Семь братьев», на другой стороне Енисея. Лысые они были. Свет как будто бы шел из их красных боков... А Биче-ол шагал и смотрел в землю. «Не лоцман, не лоцман, не лоцман»,— говорила нам с батей его согнутая спина.

Плот у отца был хороший: лесина в лесину. Лесины белые, гладкие, без сучков, а одна такая широкая, что мне ее и руками не охватить.

На берегу нас ждал Биче-ол.

Погрузили отец с Биче-олом на плот коровушку. Она была пассажиркой. Ее тоже надо было сплавлять в Кызыл. Погрузились, значит. Прыгнул на плот Биче-ол. Скинул с плеч узелок. В нем еда была, которую мать собрала ему на дорогу.

Мы снялись с причала. Отчалили, и понесло наш плот по течению.

Река в этом месте тихая, гладкая — будто заколдовалась. Но на самом деле нет такого места, где тихим был бы наш Енисей. Он сильный, скрытный. Корову может побить, медведя и то, пожалуй, уволочет.

Плывем, а все как будто на месте стоим. Бегут нам навстречу два берега. Два?.. Да нет, все четыре берега: два настоящие, а два темные, рябоватые, те, что в воде.

Жара. Мне захотелось искупаться.

Отец говорит:

— Ты покрепче за плот держись, потому что как бы не унесло.

Будто я сам не знаю! Оторвет от плота, отцу за мной насупротив течения не воротиться, только то и останется, что кое-как добиваться до берега и сидеть нагишом, ждать лодку.

Искупался я. Лезу обратно на балаган. Балаган — это, значит,— ну, как бы вам это сказать? — на втором ставе плота возвышение такое называется балаганом.

Жарища. Сомлела река. От жара не слышно птиц. Даже утка, и та проплывает около берега, а крякать ей лень. Сквозь воду видать каждый камень — такая тишь на воде. Енисеюшко не Енисей. Не он посадил на песчаную косу нашего Биче-ола! Не он разбивает лесины о скалы. Не он. Он тихонюшка. Блёсткий, тихий. Лужа, запруда — озеро, а не река.

Отец на переднем ставе, за лоцмана. Биче-ол на четвертом — рабочим. Отец:

— Вправо! Влево!

Биче-ол все делает, как говорит отец.

А на третьем ставе дремлет коровушка. Морда у ней не грустная, не веселая, а так себе, обыкновенная. Не иначе, как снится ей, что она на лугу. Пасется.

Вечер. Вызвездило. Отец говорит:

— При-и-вал!

Мы привязали плот к берегу, а сами пошли в тайгу, развели костер, вскипятили чай.

Ночь, помнится, была очень тихая. В небе месяц и звезды. В их свете видать и шишки, и ветки, и травы... Никто нигде не шелохнется: спят. А в траве — след медведя или медведицы: круглый, короткопалый.

...А вот и следы от старых костров. Мы не первые и не последние ночуем в этих местах. Ночью по Енисею не проплывешь — расколотит плот.

Подплыли ставы к скале. Ущелье узкое. Где там плоту пройти!..

— Вставай,— говорит отец.— Вставай,— говорит,— Ванятка. Скоро пороги.

Я знал, что они впереди. А какие, не знал. У нас в селе все о них наслышаны были. Когда-то на этих порогах даже очень спокойно много людей погибло, потому что тогда еще не было на Енисее теперешних лоцманов.

Уже занималась заря. Все таким же гладким и тихим был Енисей. Все так же тихо стоит на плоту коровушка. Бегут нам навстречу четыре берега: два зеленые, а два рябоватые, перевернутые вверх ногами — отражение берегов в воде.

И вдруг берега поплыли быстрей, и я стал примечать, что запенилось у бортов. Заметалась на ставе коровушка. Выспалась. Доброе утро!

А плот бежит все быстрей, быстрей. Выглянули кое-где из-под воды камни, лысые и обглоданные.

Еще шибче пошел наш плот.

— Лево нос! Право нос! — говорит отец Биче-олу.

А кругом тишина. И такой ясный блеск на воде, что хоть глаза закрывай: слепит.

Отец сошел потихоньку со своего става, привязал покрепче коровушку и меня давай привязывать к балагану.

— Если страшно станет, закрой глаза,— говорит.

А я думаю: «Как бы не так, закрою! Пошире держи карман!»

Плот летит. Вода закипает. Со всех сторон видать камни — большие такие каменья, крутолобые, черные, красные,— и каждый будто морду выставил из кипятка...

Пошел наш плот по кипящей воде.

— Давай на передний став, Биче-ол,— говорит отец. (А на переднем ставе, когда плотам идти сквозь ущелье, только лоцман один стоит.)

— Ты что?.. Ошалел, Иван?!.— спрашивает Биче-ол.

А отец:

— Становись и не разговаривай. Я старшой!

Встал Биче-ол на передний став: некогда спорить. Поменялись они местами. Теперь отец у него подручным.

— Левонус!—кричит Биче-ол отцу.

А впереди гул: это бьется вода о скалы и камни.

Подплыли ставы к скале. Ущелье узкое. Где там плоту пройти!.. Вода в ущелье дыбом стоит, тянется всеми своими перстами к вершинам гор. Страх! Аж дух заняло.

Швякнуло плот в ущелье. Над головами брызги. Нечем дышать. Как хочешь, так и дыши,— хоть водой.

Я, помнится, вскинул голову, затосковал. А наверху едва синеется небо. Снизу по ставам колотят камни. И как только не побило наших лесин?!

Начал плот изгибаться горбами. Между ставами не только что показалась вода, она стала бить оттуда ключами. Жуть! Поднялись ставы и полетели по воздуху. То поднимет их, то швякнет назад.

Биче-ол на переднем ставе так шибко вперед подался, будто метит лбом расшибить скалу.

Подняло и подбросило нас аж до самого неба!.. И швяк об валун! Валун здоровенный, волне его не перекрыть. Идут наши ставы не по воде — по камням. В брызгах, в пене... А на переднем ставе — маленький лоцман.

Летит большой Биче-ол на большую скалу, и как его только от става не оторвало?!

И вдруг плоты накрыло водой. Накрыло, а потом опрокинулось на плоты небо.

Мычит корова; известно, она животная, очень трудно ей осознать пороги.

Сделалось тихо.

Я оглянулся, а за плечами нашими водопад. Это мы водопад прошли, спустились вниз по его горбу.

— Ну что ж,— говорит отец Биче-олу,— лоцман ты или, может, не лоцман, а?

А Биче-ол смеется. Тихо. Без звука. Блестят зубы — это от солнца.

...Теперь уж нам до Кызыла близехонько — рукой подать. На бережках сидят, припухают сплавщики, рыбаки и охотники.

— Эй, Биче-Ол,— кричат с берега,— ты, кажись, лесины побил?

— Да нет, пустяк,— отвечает им Биче-ол.— Мой передний став маленечко со скалою поцеловался.

Биче-ол стоит на переднем ставе и смотрит на Енисей, как будто кто ему Енисей подарил.

— Иван!..— (А отец в то время отхлебнул чуток из берестяной фляги и схватился яичком закусывать).— Ух, и хитер ты, Иван!..

— Я ль не хитер,— отвечает отец и жует яичко...— Я сына с собою взял не для того, конечно, чтоб его о скалу побило. Сыны у меня не лишние. Они у нас со старухой наперечет.

Доедает отец яичко и чистит второе. А Биче-ол к нему через ставы:

— Иван!.. Иван!..— И больше ни слова сказать не может: растерял все слова.

— Да будет тебе! Садись, Биче-ол, и закусывай,— говорит отец.

И тут, хоть верьте, хоть нет, вдруг схватились они дубасить друг друга, как дети малые.

Нехорошо... Биче-ол, допустим, еще неженатый и молодой. А батя в годах, семейный и детный. Некрасиво: люди глядят.

— Ты бы лучше нас с коровушкой отвязал от ставов,— тихо так ему говорю.— Вам смех, а нам стоять привязанными не особенно интересно.

— Это верно, сынок,— говорит отец.— Я о вас позабыл: должно, мозги у меня со страху отшибло.

Так он мне объясняет, подмигивает и отвязывает нас с коровушкой от плота.

А впереди Енисей... Однако разве вы понятие имеете об Енисее! Ведь не вы сплавляли плоты... Не вы!

Блестит Енисей. Весь сомлел от солнца. От нашей одежи валит горячий пар.

Только-то. Вот и вся память о водопаде.

В ШКОЛУ!

Владимир ЛИФШИЦ

Первый день сентября!
Первый день сентября!
Все ребята проснулись
ни свет, ни заря
и на юге,
где алые розы цветут,
и на севере дальнем,
где вьюги метут,
и в колхозных домах,
и в квартирах Москвы,
в Воркуте,
в Ленинграде
у синей Невы!.

Первоклассник торопит
за завтраком мать:
он боится
на первый урок
опоздать.
Он сегодня войдет,
любопытством горя,
в первый раз
в первый класс
в первый день сентября.

Пионеры войдут
в чисто прибранный класс.
Сколько шуток,
веселья,
сияющих глаз!
Сколько было рассказов
на школьном дворе
о походах,
рыбалках,
о летней поре!..

Старшеклассники
тоже портфели берут.
По душе комсомольцам
ученье и труд.
Эти, школу окончив,
уйдут через год —
кто на ферму в колхоз,
кто к станку на завод...

Все проснулись сегодня
ни свет, ни заря
в первый день сентября,
в первый день сентября!

Портфель

А. ЛЕВИНА.

Рисунки Н. Шеберстова.

Когда Генка хватился, что забыл портфель, был уже десятый час. Как же это случилось?

В перемену они с Колей Смирновым выскочили на школьный двор, и Генка стал показывать, как он здорово подтягивается на турнике, и вдруг вместе со звонком во двор вывалился весь 6-й «Б». Ребята размахивали портфелями и кричали: «Пятого урока не будет! Не будет! Немка улетела в Москву!»

Генка соскочил с турника, подтянул сползшие штаны и побежал вместе со всеми. Потом они с Колей ходили к порту смотреть на новый английский пароход, который пришел ночью,—это, наверное, последний пароход в этом году: скоро Двина встанет. Потом слушали футбольный матч, яростно крутя ручки старого Колиного приемника, чтоб уловить каждое слово, доносившееся из далекого Тбилиси. И вот теперь, когда Генка добрался домой и, проглотив оставленный матерью ужин, хотел было усесться за уроки, выяснилось, что уже скоро десять часов. Просто удивительно! Ну, куда деваются дни? Только соберешься заниматься — уже ночь на дворе.

А тут еще этот портфель! Ничего не поделаешь, придется бежать в школу.

...Школа сияла всеми своими окнами. «Окнастая»,— называл ее Генка, когда был маленький. Но сейчас, увидев это сияние, он остановился. Да, ведь он совсем забыл, что вечером в школе идет другая жизнь! Генка побежал быстрее. Может, он успеет к перемене?

Он проскочил подъезд, у которого одна над другой синели две вывески: «Средняя школа № 18» и «Школа рабочей молодежи № 3», — и остановился в раздевалке. Все здесь было не так, как днем. На низких вешалках, где утром висели коротенькие пальтишки первоклассников и мешочки с калошами, теперь густо чернели ватники, брезентовые негнущиеся плащи, длинные взрослые пальто. Раздевалка пахла цементом, опилками, машинным маслом — острыми запахами работы.

Взлетев по лестнице, Генка замер у полураскрытой двери первого же класса.

То, что он увидел, поразило его. В проходе между партами торчали ноги, много ног. В сапогах, в огромных валенках, в белесых от цементной пыли ботинках, они торчали вбок от всех парт. Потому что парты были маленькие, а люди, которые сидели сейчас за ними, большие, и ноги их никак не влезали на перекладины под партами.

На доске висела та самая карта, заклеенная на сгибе папиросной бумагой, на которой два дня назад Генка долго не мог найти Памир, за что и получил двойку. Шел урок географии.

Но еще больше удивился Генка, когда он посмотрел на лица тех, кто сидел за этими партами. Это были совсем взрослые, усталые, серьезные лица. И многие из них были даже знакомы Генке. Вот на третьей парте Лида — медсестра из их поликлиники. Она приходила делать матери уколы пенициллина, когда мать зимой болела. Вон там, у окна, дядя Коля, мастер с лесозавода, отец Мишутки из пятой квартиры. Мишутка в этом году пошел уже в первый класс, а мать его, Ольга Петровна,— учительница в другом первом классе и еще сама учится в институте. На маленьких партах лежали большие, спокойные, усталые руки. Руки, в поры

которых въелось машинное масло и металлическая стружка; белесые, с отполированными мелом ногтями руки штукатуров; красные от ветра руки каменщиков и сортировщиц с лесного склада... Сколько они, наверно, умели все вместе! Они лежали на партах, отдыхая и слушая. В каждом их движении чувствовались уверенность, спокойствие, достоинство, и когда рука поднималась над партой для ответа, ладонь никак не разжималась до конца, лопаточкой, как у Генки, а оставалась полусогнутой, как будто еще держала кирпич, гайку, мастерок, доску. И блестящие головки авторучек выглядывали из больших ладоней, словно птенцы из гнезд.

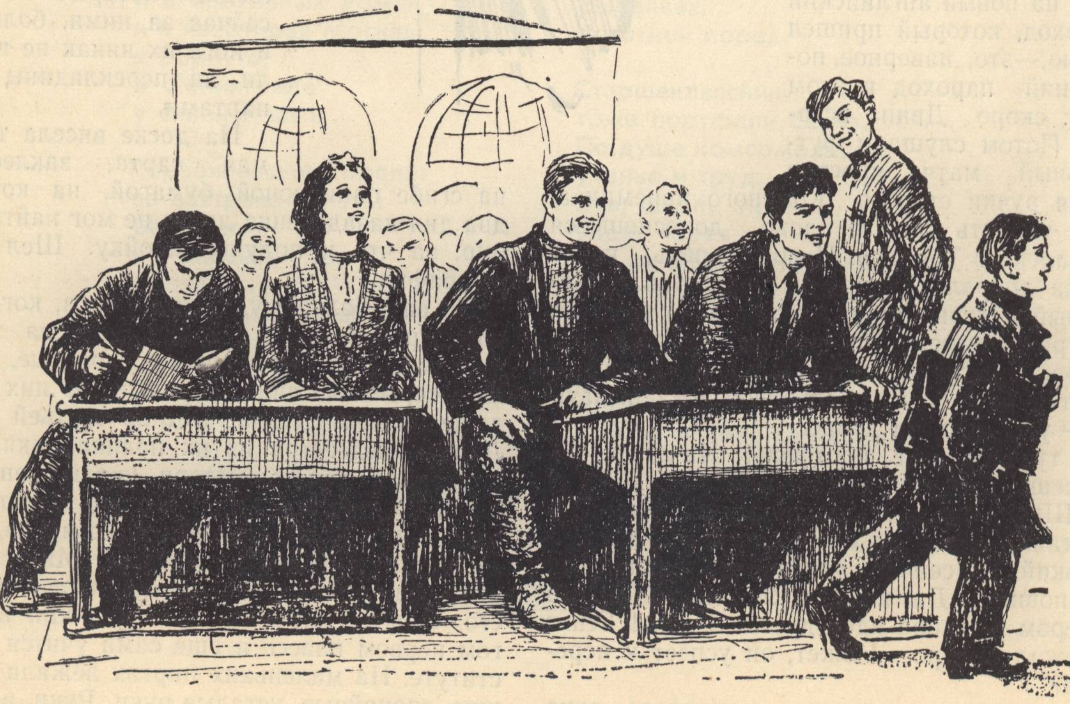
Высокий парень в куртке, явно перешитой из матросской форменки, стоял у доски. Он держал указку не тремя пальцами, как делала это учительница, а сжимал ее в кулаке так, словно это была не указка, а весло. И говорил он не по учебнику, а словно рассказывал ребятам во дворе о своей морской службе. Генке казалось, что он видит, какого цвета вода в море, и огромного, в полстола, краба на песке, и сопки, старые и гордые...

Кажется, Генка совсем забыл, зачем он прибежал в школу. Но когда Лида стала доставать тетрадки из своего аккуратного чемоданчика, Генка вспомнил: портфель!

На цыпочках, бесшумно пошел он по коридору к двери своего класса. Дверь была полуприкрыта, и Генка, у которого был немалый опыт в этом деле — сколько раз выгоняли за дверь! — осторожно заглянул в класс.

Он уже не удивился взрослым лицам. Ему очень хотелось посмотреть, кто сидит на его, Генкиной, парте. И вдруг человек, сидевший на Генкиной парте, поднял голову, и Генка узнал его. Андрей Артюхин! Ребята во дворе знали про Андрея все: и то, что он служил в армии на Дальнем Востоке, и то, что на целине на уборке он водил комбайн. И профессия у него была замечательная — пилостав. Он ставит на лесозаводе пилы,— для каждого сорта, для каждого станка свои — на обрезных и торцовых, на пилорамах и сортовке. Его пилам любое дерево по зубам. Когда в областной газете на самой первой странице был напечатан портрет Андрея, Генка и Коля обошли чуть не все газетные витрины города и нарочно громко обсуждали, похож Андрей или не похож, чтобы все люди знали, что они, Генка и Коля, знакомы с Андреем Артюхиным.

Генка думал, что он знает про Андрея все, а оказывается... Собственно, Генка не раз слышал, что Андрей продолжает учиться. Но он никак не мог себе представить, что Андрей в своей туго перетянутой гимнастерке сидит по вечерам за его, Генкиной, партой, где

— Вот это ученик! — засмеялись в классе.

вырезано Колиным ножиком «Гена—полено», решает задачи и отвечает у той же карты.

И вдруг:

— Артюхин!

Андрея вызывали к доске. Доска была разлинована желтой краской, половина — в клеточку, половина — в три косых, и висела низко-низко. Когда Андрей стоял у доски, она приходилась ему по грудь.

Учительница взяла тетрадь из стопки.

— Сочинение хорошее. Но много ошибок.

Учительница диктовала мерным голосом:

— «Огромный чугунный мост...»

Из-под руки Андрея медленно выползали на доску белые буквы. «Чугуный»,— написал он и вопросительно посмотрел на учительницу: так ли?

Генке изо всех сил захотелось подсказать Андрею, но он тоже не был уверен, нужно ли второе «н» в этом слове. Из всего, что он слышал в этот вечер, диктант поразил его больше всего.

Как же так? Ему казалось, что эти проклятые суффиксы существуют только для него, Генки, и таких мальчишек, как он, чтобы портить им существование. Но уж там, где начинается взрослая, интересная жизнь, такая, как у Андрея, у дядя Коли,— там эта чепуха совсем ни к чему. И вдруг Андрей, Андрей — герой целинного урожая, Андрей-дальневосточник, Андрей из коммунистической бригады, тоже должен заниматься суффиксами, как он, Генка!

По этажам рассыпался звонок, старый Генкин приятель, звонок-выручалочка. Но никто не выбежал из класса, как было бы в 6-м «Б». Ученики собирали учебники в чемоданчики, плотным кольцом стояли у учительского стола. Пробираясь между ними, Генка неуверенно шел к своей парте.

— Мальчик, тебе чего? — окликнуло его несколько голосов.

Андрей тоже вскинул голову на шум и сразу узнал Генку.

— Генка, ты что тут делаешь ночью? Тебе спать пора!

— Я...—неуверенно начал Генка.—Я портфель забыл.

Все засмеялись.

— Вот это ученик!

— А я смотрю, что такое, почему у меня чемоданчик сегодня в парту не лезет!..— Андрей достал из парты рыжий Генкин ободранный портфель.

— Держи свой инструмент!

Генка смущенно подхватил портфель за истертую ручку.

— Что ж так поздно хватился-то?—спросил Андрей.

— Да вот уроки сел делать, а портфеля нет!

Все опять засмеялись.

— Нечего сказать, рано за уроки садишься! — строго сказала девушка в свитере, сидевшая на одной парте с Андреем.

Генка потоптался у крыльца, пока Андрей и его товарищи не вышли из школы.

И вот они идут по мягкому, неслышному снегу. Генка слушает полупонятный ему разговор о сменах, прогрессивке, часах. У ребят в руках чемоданчики с учебниками и инструментами, и вытянутые тени чемоданчиков движутся по снегу, как товарный состав. Генка тоже вытащил свой портфель из-под мышки и несет его в руке, и тень от него стала последней, самой маленькой платформой этого товарного поезда.

И странно, портфель уже не казался Генке таким тяжелым, как всегда, хотя в нем лежали те же задачники, и тетради, и испещренный тройками Генкин дневник. Словно это был не тот самый портфель, который Генка утром забыл в школе, а действительно инструмент, необходимый каждому рабочему человеку.

Говорит седьмой этаж

Анатолий АЛЕКСИН

Рисунки Б. Винокурова.

(Продолжение)

ЗАГЛЯНЕМ В КВАРТИРЫ

— ...Внимание! Слушайте, юные жильцы нашего дома! «Боевой домовой пионерский штаб» просит вас в течение трех дней составить точные списки всех самых интересных книг, которые есть в ваших личных библиотеках. Не бойтесь, пожалуйста, никто не собирается их отбирать! Просто мы хотим устроить «великий книгообмен». Что это такое? А вот послушайте! К примеру, юный гражданин Икс имеет на руках книгу «Рожденные бурей», давно ее прочитал и хочет прочитать книгу «Остров сокровищ», которую имеет в своем шкафу юный жилец Игрек, интересующийся как раз вышеупомянутой «Бурей». Тут-то и происходит временный книгообмен. В результате Игрек получает «Бурю», а Икс «Остров» со всеми его сокровищами. И так далее...

Это ж будет замечательное дело! А то книги лежат себе на полках, пылятся, скучают без дела... А тут они будут все время в ходу! И в библиотеку бегать не нужно, там ведь тоже хорошую книжку не сразу получишь, сперва в очереди постоишь.

Только предупреждаем: всякий, кто будет рвать обложки, или книжку вместо скатерти под тарелку с супом подкладывать, или вообще «зачитает» интересную книжицу,— сразу попадет в страшную радиопередачу, которая будет называться «Нокаут в эфире». Так что уж лучше заворачивайте книгу в белую бумагу и читайте аккуратно: на чистом месте и чистыми руками.

Вот и все, что мы хотели сообщить в «Самых последних известиях». Вела передачу Таня Крутихина. А сейчас слушайте наш радиорепортаж «ЗАГЛЯНЕМ В КВАРТИРЫ!»

...Наш специальный корреспондент из квартиры номер тридцать шесть передает, что вчера вечером на эту квартиру обрушилось страшное стихийное бедствие: перегорели пробки.

В героической борьбе с этим бедствием приняла участие вся квартира: одни жильцы побежали в магазин за стеариновыми свечами, другие выкопали из сундуков керосиновые лампы, третьи помчались искать монтера, но было уже поздно, и его не нашли... Наконец сам наш специальный корреспондент Владик Вербицкий проявил замечательную инициативу: несмотря на поздний час (было уже двадцать три часа ноль-ноль минут по местному времени), он побежал в другой подъезд, в квартиру номер семнадцать, разбудил там бабушку Анну Степановну, поднял с постели Олега Брянцева и привел его непосредственно на место катастрофы. Через десять минут вся квартира воскликнула стихами поэта:

Да здравствует солнце!
Да скроется тьма!..

Наша радиостудия отмечает находчивость своего специального корреспондента и твердо надеется, что в следующий раз Владик Вербицкий или кто-нибудь из жильцов тридцать шестой квартиры дерзнет сам, презирая все опасности, залезть на времянку и ввернуть новую пробку вместо перегоревшей!

...Наш специальный корреспондент из квартиры номер десять передает, что вчера утром юная жиличка Валя Пузырева залезла в ванну и просидела там ровно один час тридцать четыре минуты. Валя учится во второй смене, и ей некуда было спешить. А все Валины соседи ушли на работу неумытые.

Сперва соседи тихо просили Валю выйти, потом они стали стучать в дверь, но Валя не отвечала. Тогда все заволновались... Думали даже, что Валя утонула, тем более, что она не умеет плавать. Стали дергать дверь и даже пытались сорвать ее с петель. Тогда Валя подала голос и этим самым голосом заявила буквально следующее:

— Я первая заняла ванну, и я имею право в ней сидеть, сколько захочу!

Хотя всем давно известно, что в ванне не сидят, а моются. Жильцы пытались объяснить это Вале, но долго они объяснять не могли, потому что опаздывали на работу.

Позже, в беседе с нашим корреспондентом, Валя заявила, что она дочитывала в ванне одну очень увлекательную книжку.

Говорят, что сегодня Валя достала какой-то новый, очень толстый и очень увлекательный роман. Бедные жильцы квартиры номер десять: им придется пойти в баню!

...Наш международный обозреватель передает из квартиры номер пять.

Вчера ровно в два часа дня из школы сюда прибыл Стасик Гавриков. В коридоре прибывшего Стасика встречали его мама, бабушка и младшая сестренка, Рита. Стасик передал им свое пальто, шапку и портфель, а никаких дружеских приветствий, вроде, например, слов «здравствуйте» или «спасибо», не передавал.

В честь «почетного» гостя был дан обед, во время которого Стасик ни с кем не обменялся речами и даже ни одного слова не произнес, а только дипломатическими кивками головы давал понять, чтобы ему принесли первое блюдо, потом второе, а потом уж и третье.

В коридоре Стасика встречали его мама, бабушка и младшая сестренка.

Зиночка Перепелкина установила новый рекорд продолжительности телефонного разговора.

После обеда, прошедшего в напряженной и недружественной обстановке, Стасик несколько раз неясными движениями губ давал понять, что ему что-то не нравится. Но что именно ему не нравилось, так никто и не понял.

После обеда «почетный» гость отправился в приготовленную для него резиденцию, то есть на диван, и проспал около полутора часов. В это время мама и старая бабушка натирали пол, а младшая сестренка, Рита, на кухне мыла посуду.

Поднявшись наконец с дивана, «почетный» гость отправился на экскурсию во двор в сопровождении своих приятелей из других квартир.

Вечером в честь «почетного» гостя был устроен просмотр телевизионной программы. Вместе с «высоким» гостем в первом ряду находилась его младшая сестренка, Рита, которой давно уже пора было спать. Но спать она не могла, потому что «почетный» и «высокий» гость не разрешал выключать телевизор до тех пор, пока не кончились все передачи и дикторша не пожелала всем спокойной ночи.

В беседе с нашим корреспондентом бабушка Стасика ничего не сказала, а только тяжело вздохнула. И мама ничего не сказала — тоже вздохнула. А младшая сестренка, десятилетняя Рита, сказала, что «это не брат какой-то, а прямо какой-то заморский барин!» Устами младенца истина глаголет!

...Наш специальный корреспондент из квартиры номер двадцать три передает, что сегодня днем юная жиличка этой квартиры Зиночка Перепелкина установила новый рекорд продолжительности телефонного разговора: она не вешала трубку в течение восьмидесяти девяти минут.

Надо сказать, что прежний рекорд продолжительности телефонного разговора (семьдесят две минуты) также принадлежал Зинаиде Перепелкиной.

В беседе с нашим корреспондентом Зиночка заявила, что свое вчерашнее спортивное достижение она не считает пределом и будет добиваться его дальнейшего перекрытия.

Мы не хотим соперничать с Зиной по части продолжительности разговоров и поэтому заканчиваем нашу сегодняшнюю радиопередачу.

До завтра, товарищи жильцы!

Ровно в двадцать часов ноль-ноль минут по местному времени ждем вас на подоконниках, а также на скамейках во дворе, возле старого деревянного столба.

До свидания!

ДЛЯ ВАС, ПЕНСИОНЕРЫ!

— Внимание! Внимание!

Говорит седьмой этаж!

Обычно наша передача начинается в двадцать часов по местному времени, то есть тогда, когда почти все взрослые уже приходят с работы.

А сегодня мы включили свой микрофон в пятнадцать часов, или, попросту говоря, в три часа дня. А почему? А потому, что передача наша будет для тех, кто уже не ходит на работу, кто своей долгой и, как это говорится, безупречной трудовой жизнью заслужил право отдохнуть. Мы так и назвали свою передачу: «Для вас, пенсионеры!».

Мы решили устроить большой концерт из разных произведений: ведь в часы отдыха приятно послушать музыку, стихи и, невзирая на возраст, потанцевать! Теперь мы почти каждый день будем устраивать такие концерты. В общем, в нашем доме пенсионеры скучать не будут!

Но сперва мы хотим немного побеседовать с вами, наши дорогие старшие товарищи и друзья. И вот что мы хотим вам сказать...

Вы, конечно, заслужили право на отдых. Это факт! Но ведь все время отдыхать да отдыхать тоже нелегко: от этого можно так устать, что не обрадуешься! И вот мы хотим, дорогие товарищи пенсионеры, сделать так, чтобы и вам было не скучно отдыхать и нам польза была.

Недавно мы прочитали вслух одну очень интересную толстую книгу — «домовую книгу» — в нашем домоуправлении. Из нее мы точно узнали, что в доме номер девять дробь три живут пенсионеры семнадцати разных профессий. И каждый работал по своей специальности лет тридцать, а то и сорок, а то и еще больше. У нас еще нет пока никакой профессии. Но мы очень хотим научиться настоящему делу. Каждый из нас чем-нибудь увлекается: кто любит радиотехнику, кто столярничает, кто хочет строить модели, а кто танцует или даже поет... Вот вы, товарищи пенсионеры, и можете помочь нам во всех этих делах!

Мы узнали, что в двадцать третьей квартире живет инженер-пенсионер, который очень много лет проработал на авиационном заводе. И мы хотим попросить его: возьмитесь, пожалуйста, руководить нашим авиационным кружком! А в шестой квартире проживает один старый слесарь; может быть, он поможет нам организовать мастерскую «Что сломалось, все починим!»? Инструментов мы столько собрали, что к Олегу Брянцеву в комнату просто не войдешь: настоящий склад. Вот если бы вы помогли нам немножко, товарищ пенсионер! Как? Согласны?..

Или вот мы хотим хореографический кружок организовать, чтобы танцевать по всем правилам науки. А в тридцать первой квартире как раз проживает бывшая балерина.

В общем, «Боевой домовой пионерский штаб» может каждому пенсионеру подобрать дело по душе. А самых активных пенсионеров мы даже решили избрать членами своего «Пионерского штаба». Разве плохо звучит: «пионер-пенсионер»? Это значит: по возрасту старый, а душой так молод, что хоть пионерский галстук надевай!

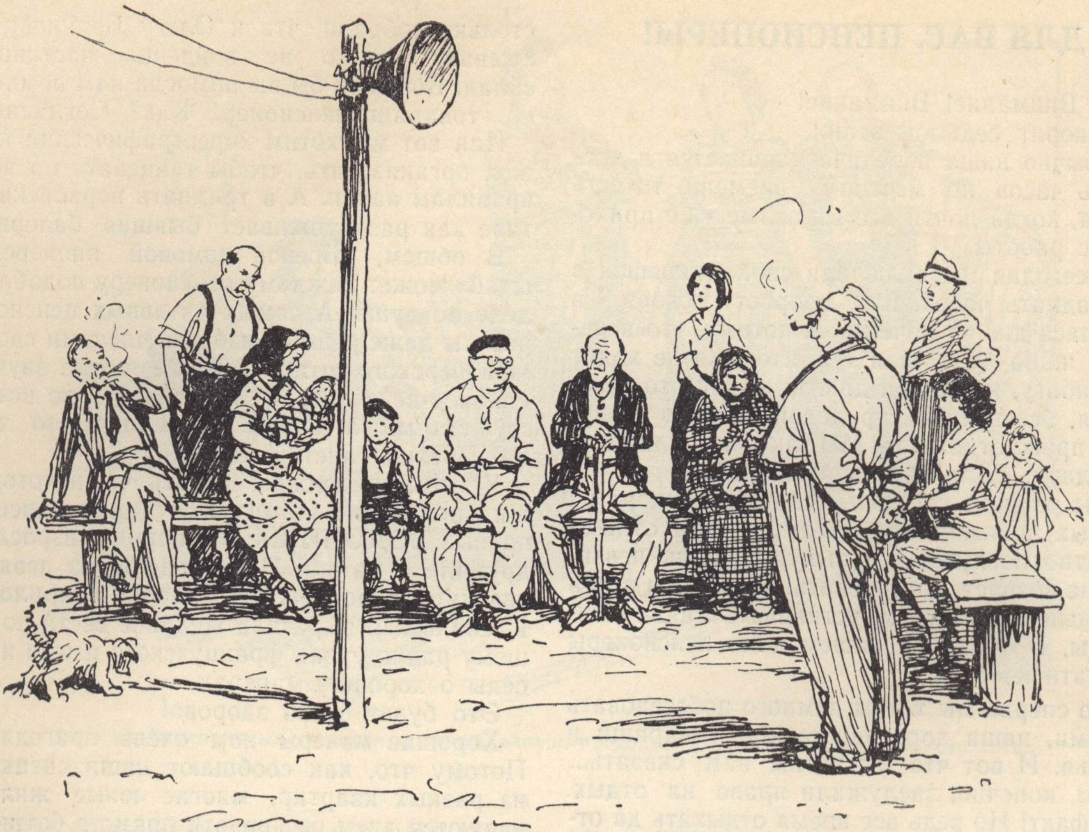
Кстати, мы должны сказать, что некоторые жильцы нашего дома уже откликнулись на призыв БОДОПИШа: «Товарищи взрослые, дружите с нами!» Наш спецкор из девятой квартиры передает, что Калерия Гавриловна Клепальская выразила желание вести по нашему радио уроки французского языка и беседы о хороших манерах.

Это будет очень здорово!

Хорошие манеры нам очень пригодятся! Потому что, как сообщают наши спецкоры из разных квартир, многие юные жильцы валяются днем на кровати прямо в ботинках и штанах; вилку держат в руке так, будто хотят проткнуть тарелку насквозь, а с девочками обращаются так, что д'Артаньян всех их по очереди вызвал бы на дуэль!..

В общем, мы поддерживаем ценную инициативу Калерии Гавриловны. И еще хотим сообщить, что, согласно непроверенным данным, Калерия Гавриловна, кажется, согласна освободить дровяной сарай и отдать его нашему «Боевому домовому пионерскому штабу». Об этом сообщил в последнюю секунду все тот же специальный корреспондент из девятой квартиры.

И, наконец, самое последнее. Мы хотим, чтобы товарищи пенсионеры помогли нам отвечать на вопросы радиослушателей. Мы хотим каждое воскресенье проводить передачи «Спрашивай, что хочешь,— все равно ответим!». Мы уже получили девяносто восемь первых вопросов. Из них семьдесят три задал Жорик Калугин из первой квартиры. Жорик интересуется всем на свете: и ракетами, и макетами, и счетными машинами, и Марсом, и атомной энергией... Но мы не могли пока еще подробно ответить на все эти вопросы. А вот некоторые товарищи пенсионеры могут: ведь среди них целых два доктора и три кандидата наук! Это все мы прочитали в «домовой книге». И мы просим това-

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж.

рищей кандидатов и докторов помочь нам. А то без их помощи нам придется переименовать свою передачу и назвать ее так: «Спрашивай, что хочешь,— все равно не ответим!».

Вот и все. А сейчас слушайте концерт! Мы начинаем со старинных вальсов, которые так любят все пенсионеры...

КТО ЭТОТ КОРРЕСПОНДЕНТ?

— Кто он? Кто этот корреспондент?! — бушевала на кухне мадам Жери-внучка.— Я найду его! Я его разоблачу!..

Ленька заперся в комнате. Но и туда долетали крики и угрозы Калерии Гавриловны.

— Это же безобразие! Я вовсе не собираюсь лезть на чердак и беседовать оттуда о хороших манерах. Французский язык!.. Пусть они сначала по-русски научатся разговаривать! А сарай? Да никогда в жизни! Я не выброшу свои дрова, которые хранились столько лет! Ни за что на свете!..

Понимаешь ли,— жаловалась она по телефону своей приятельнице,— это же настоящее издевательство! Насмешка! Они говорили обо мне в передаче для пенсионеров! Что, интересно, они хотели этим сказать? Что я приближаюсь к пенсионному возрасту?! Что общего у меня с пенсионерами, что?! Я, видишь ли, согласилась освободить сарай! По каким-то там непроверенным данным! Пусть они проверят эти данные! Ну, конечно! Ты совершенно права: просто из принципа. Никогда не освобожу, никогда!

Получив поддержку своей приятельницы, Калерия Гавриловна вновь зашумела в одиночестве на кухне. Крик ее был прерван появлением шофера Васи Кругляшкина. Вася вошел на кухню с засученными рукавами, с мылом и полотенцем в руках.

— Поздравляю вас, Калерия Гавриловна! — воскликнул он необычно дружелюбным голосом.— Прекрасное дело затеяли! Я даже не ожидал. Честное слово, не ожидал! И французский язык и хорошие манеры...

— Вот именно: их надо научить хорошим

манерам! — зло отчеканила мадам Жери-внучка.— И я пойду в домоуправление! Пусть они заставят замолчать всех этих чердачных корреспондентов! Каждый день концерты для пенсионеров! Просто решили уморить старых людей: спать невозможно, отдохнуть невозможно! И эти возмутительные сообщения!

— Какие сообщения? — удивленно заморгал глазами Вася.— Вас же на весь дом прославили! Такие хорошие дела вы придумали,— ну, просто не ожидал!

— Вы еще многого от меня не ожидаете! — решительно воскликнула Калерия Гавриловна.— В домоуправление! Я от них потребую! Они обязаны охранять своих жильцов... от произвола!..

С этими словами Калерия Гавриловна выбежала на лестницу.

Вася Кругляшкин подошел к Ленькиной двери.

— Выходи, Леонид! Не бойся!

Ленька с опаской выглянул в коридор.

— Это ты ловко придумал!—похвалил его Вася.—Начал, значит, ее перевоспитывать?— Вася вздохнул.— Только что из этого получится?

...Соседка из десятой квартиры вынимала газеты из почтового ящика. Увидев Калерию Гавриловну, она всплеснула руками:

— Я так рада! Так рада! У моей Верочки по французскому языку одни тройки. Хотела репетитора пригласить. А теперь вы поможете ей, дорогая Калерия Гавриловна! Прямо по радио. Это так замечательно! И бесплатно! Вы многим поможете...

— Да, я им всем помогу! — впопыхах проговорила Жери-внучка и ринулась вниз.

Но на втором этаже ее задержала чета пенсионеров. Они всегда ходили вместе и даже говорить умудрялись как-то вместе, в один голос.

— Прекра-асно! Просто прекра-асно! — дуэтом запели старые супруги.— Спасибо за всех наших внуков и внучек! Спасибо!..

— Пожалуйста! На здоровье...— несколько растерявшись и уже без прежней злости проговорила Калерия Гавриловна. И побежала дальше.

На первом этаже ее встретила уборщица с ведром и тряпкой в руках. От этой суровой женщины все жильцы дома уже много лет подряд слышали лишь одно:

— Ноги надо вытирать! Дома, небось, вытираете!..

Но сейчас она вдруг оказалась очень многословной:

— Вот научите, научите их хорошим манерам, Калерия Гавриловна! Тогда, небось, будут ноги в парадном вытирать. И на стенах писать не будут свои имена. И другие всякие вещи! Научите их, научите!

— Я их научу! И проучу! — на ходу бросила Калерия Гавриловна, выбегая на улицу.

Домоуправление находилось во дворе, в полуподвале.

Влетев во двор, Калерия Гавриловна остановилась. Дорогу ей преградила целая группа пенсионеров, которые только что, сидя на лавочке под деревянным столбом, слушали радиопередачу. Все стали поздравлять Калерию Гавриловну и даже пожимать ей руки.

— Хорошо, хорошо придумали! Очень благородно! Очень! Решили, значит, подарить свои знания подрастающему поколению? Вот если бы все жильцы так поступали! Это для всех нас пример! И сарай, значит, решили освободить? Пр-равильно! От-

— Я их научу!.. И проучу!— на ходу бросила Калерия Гавриловна.

крыли простор детской инициативе и самодеятельности!

— Да, да... Решила подарить... И открыть простор...— пролепетала Калерия Гавриловна, растерянно отвечая на приветствия и рукопожатия.

— Ну, не будем, не будем вас задерживать... Примите еще раз!..

Бегом спустившись в полуподвал, Калерия Гавриловна решительно распахнула дверь домоуправления и прямо с порога воскликнула:

— Слыхали? Я возвращаюсь на воспитательную работу!

— Слыхали! А как же, слыхали! — ответил управдом Порфирий Васильевич, со всех сторон обложенный паспортами и справками.— Этот «седьмой этаж» всех нас, того... к делу приставил! Ничего не скажешь: молодцы! И насчет сарая вы правильно решили, товарищ Клепальская!

— Да, решила! Если детям надо,— пожалуйста! Мне не жалко!..

«ПОЛЕТ ШМЕЛЯ»

Бабушка Олега прислала письмо на чердак.

«Большое спасибо вам, юные друзья, за вашу заботу о ветеранах труда! — писала бабушка.— Не забываете вы о нас, стариках! А о молодых вы иногда, к сожалению, забываете. И в частности, о молодых дарованиях. А ведь они есть! И живут в нашем доме. Недалеко за примером ходить: живет на первом этаже юный виолончелист Олег Брянцев. Почему же мы не слышим по радио его виолончель? А она может и должна зазвучать!

Надеюсь, что мое письмо не останется без внимания!

Одна пенсионерка».

Это было первое письмо от «взрослой радиослушательницы», и на него нельзя было не ответить. На чердаке срочно был созван совет.

— Какие будут предложения? — на правах «самого главного» спросил Ленька.

Владик ехидно хихикнул:

— А вот пусть Олег и поиграет... для своей бабуси... Такую, знаете, песенку, старую, но только с новыми словами: «Жил-был у бабушки внук музыкальный!»

— Ты бы помолчал немного! — оторвавшись от книги, произнесла «Тихая Таня». И вновь склонилась над страницей.

Олег, смущенный и растерянный, стоял в стороне, прислонившись к деревянному столу-верстаку.

Что теперь делать? Как объяснить бабушке?.. Да, хитрости до добра не доводят! И вот все эти ребята должны теперь из-за него что-то выдумывать!

Олег вдруг решительно мотнул своей большой круглой головой, словно сердито боднул воздух.

— Пойду и скажу ей всю правду!

— Правильно! — сразу поддержал Фима Трошин.

Шофер Вася Кругляшкин стоял у окна и, казалось, не слушая ребят, с интересом разглядывал провода, тянувшиеся вниз, к старому деревянному столбу. Но когда Олег самым решительным жестом подтянул пояс и с видом «была — не была» направился к двери, Вася быстрыми шагами нагнал его и остановил:

— Постой-ка, Олежка! Мы, если уж на то пошло, устроим концерт для твоей бабушки. И виолончель зазвучит! Сегодня же вечером. У кого-нибудь есть пластинки с записью виолончели, а?

— У нас дома есть, конечно...— нерешительно ответил Олег.

— Нет, ваши пластинки не нужны: бабушка их наизусть знает! А еще у кого-нибудь есть?

— Я поищу,— ответила Таня.

— И я посмотрю,— пообещал Лева Груздев.

— Вот и приносите их к восьми часам. Я сам сегодня поведу передачу, если уж на то пошло. А сейчас объявим...

Вася подошел к усилителю, включил его и каким-то не своим голосом произнес в микрофон:

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж! Только что мы получили письмо от «одной пенсионерки». Она упрекает нас за то, что мы проходим мимо творчества своих местных юных дарований. Сегодня вечером мы исправим эту ошибку. Мы покажем вам творчество Олега Брянцева. Слушайте наши радиопередачи!

Вася выключил микрофон и взглянул на удивленные лица своих юных приятелей.

— Как же это? Зачем?..— тихо, с укором произнес Олег.

— Все будет в полном порядке! — Вася хлопнул его по плечу.— Тащите пластинки! А там все поймете! Я вас не подведу!..

До вечера бабушка успела побывать во всех квартирах, где жили ее знакомые.

— Вы слышали, сегодня вечером будет «показ творчества» моего внука! Так прямо и объявили: «Мы покажем вам творчество Олега Брянцева!» Обязательно послушайте, обязательно!

«Только бы не пошел дождь! — с волнением думала бабушка, выглядывая на улицу и поднимая глаза к небесам.— А то все сорвется. Все закроют окна и ничего не услышат! И в садик никто не придет!»

Но погода была за бабушку. Солнце, которое весь день скрывалось в тучах, к вечеру, уже уходя на покой, прощально позолотило крышу, и окна, и молодые майские кроны деревьев.

Бабушкина реклама сыграла свою роль: к восьми часам вечера все лавочки во дворе были заняты и почти из всех окон высовывались лица радиослушателей. Сама бабушка расположилась в центре двора, у садового столика. Она надела свое лучшее платье, замысловатые старинные серьги и вообще выглядела именинницей.

— Прошу тишину! Пластинку на диск! Включаю микрофон!

А на «седьмом этаже» шла подготовка к передаче. Никто из ребят еще не понимал, что именно затеял Вася Кругляшкин.

Солидный Лева Груздев, любитель шахмат и музыки, принес долгоиграющую пластинку.

— Это концерт для виолончели с оркестром в четырех частях,— сообщил он.

— С оркестром не подойдет! — сказал Вася. И отложил пластинку в сторону.— У нас ведь здесь нет оркестра...

— Как это «у нас здесь»?..— не понял Лева.

Но Вася ничего не ответил. Он взял в руки другую пластинку, которую принесла «Тихая Таня».

— «Полет шмеля» из оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане»,— прочитал Вася.— Это, кажется, одна чистая виолончель, да? Без всякого сопровождения?

— Без всякого! — подтвердила Таня.

— И очень хорошо! У нас ведь тут нет никакого сопровождения.

Фима Трошин первый разгадал Васин замысел.

— Ведь это же нечестно! — тихо сказал он.— Это же обман!

— Я не хочу!..— твердо сказал Олег.

Вася лукаво подмигнул им обоим: дескать, успокойте свои нервы.

— Обмана не будет! — весело заверил

Вася.— Прошу тишину! Пластинку на диск! Включаю микрофон!..

«Тихая Таня» послушно положила пластинку на диск самодельного электропроигрывателя.

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж! — не своим голосом начал Вася.— Двадцать часов ноль-ноль минут по местному времени! Начинаем нашу очередную радиопередачу! Сегодня мы покажем вам творчество юного жильца нашего дома Олега Брянцева, из квартиры номер семнадцать! Слушайте «Полет шмеля» из известной вам оперы Римского-Корсакова!..

И вот быстрым сказочным шмелем закружились, зажужжали по двору виртуозные звуки виолончели.

— Это все-таки нехорошо... нечестно получается,— шепотом произнес Фима Трошин.

— Да уж, такую славу создавать! — с затаенной завистью шепотом поддержал его Ленька.— Чужим смычком жар загребать.

— Ефим! Леонид! — с веселой усмешкой прошептал Вася.— Все будет честно-благородно. И никаких чужих смычков! Соблюдайте спокойствие: микрофон включен!

— И пусть включен! А я выключу! — неожиданно вспылил Олег.— Это же самый настоящий обман! Фима прав!..

Вася расширил свои зрачки и трагическим голосом произнес:

— Ты мне не доверяешь? Дайте дослушать музыкальную классику в тишине!

Ребята притихли. А шмель прокружил по двору, то долетая до самого чердака, то спускаясь вниз — к садовому столику, к гордой и не верящей своим ушам Анне Степановне.

Но вот виолончель умолкла. Ее сменил голос шофера Васи:

— Мы обещали показать вам творчество Олега Брянцева. И показали его! «Полет шмеля» передавался благодаря радиоусилителю, который смонтировал Олег Брянцев, по проводам, которые он протягивал, через динамик и репродуктор, которые он устанавливал во дворе... Итак, вы увидели творчество Олега. И блестящие результаты этого творчества! Дорогая Анна Степановна, бабушка Олега, вы можете сегодня гордиться своим внуком! Вы хотели, чтобы он любил свой инструмент? Он и любит инструмент, а верней даже сказать, инструменты: напильники, паяльники, рубанки — добрые рабочие инструменты! И мы уверены, что вы искренне радуетесь этому! Ну, а сам музыкальный номер исполнял лауреат Всесоюзного конкурса...

(Окончание в следующем номере.)

Мечта и быль

— Пип-пип-пип! — услышал я знакомые позывные.

Я обернулся и увидел вращающийся в воздухе «волчок». Ось его торчала вертикально, а на оси сверху было укреплено какое-то плоское «блюдце». Яркий свет прожекторов заливал его поверхность, выложенную, словно паркетный пол, из отдельных плиток.

— Это космическая станция, работающая на солнечных батареях! — произнесла девушка, стоявшая возле меня с указкой в руках.— Смотрите, смотрите, сейчас вы увидите оранжерею станции!

В самом деле, «волчок» повернулся, и показались круглые иллюминаторы, сквозь которые видны были зеленые растения.

— Человек и в космос заберет частичку земного уюта,— продолжала девушка.— Но растения здесь не для украшения, они помощники космонавтов: поглощают выдыхаемый человеком углекислый газ и возвращают кислород...

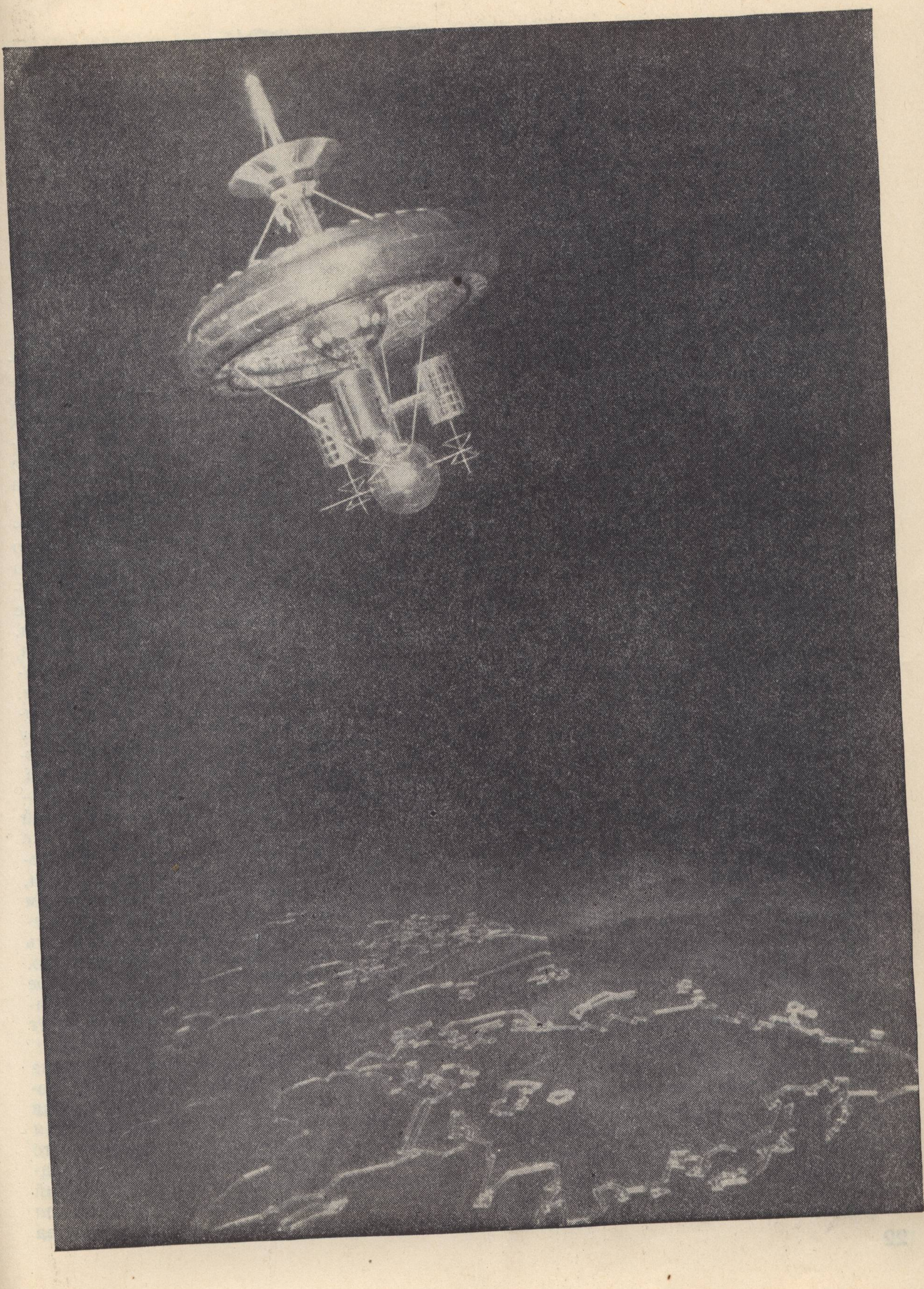
Я рассматривал космическую станцию, вернее, небольшую модель ее на Выставке достижений народного хозяйства СССР (фотографию ее вы видите на следующей странице). Здесь, в павильоне Академии наук, мечта и быль, фантастика и реальность так переплелись между собой, что невольно то и дело сбиваешься с будущего времени на настоящее. И этот макет еще не существующей космической станции тоже состоит из элементов будущего и осуществленного.

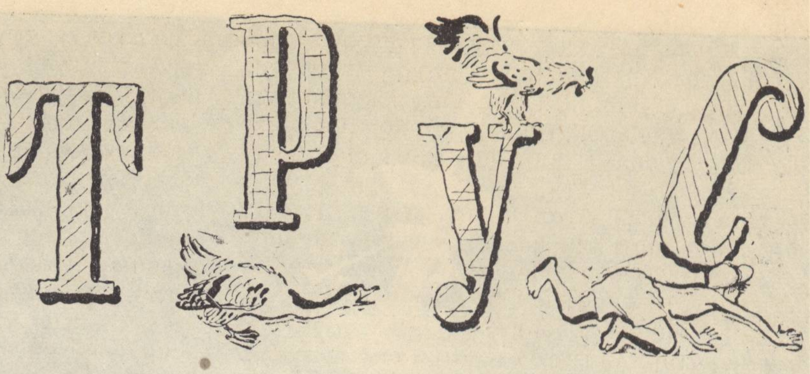
Взять хотя бы плоское блюдце, укрепленное на оси «волчка». Оказывается, чешуйки — это кремниевые полупроводниковые батареи, такие же, как на третьем советском спутнике Земли. Под действием солнечных лучей они вырабатывают электрическую энергию, а она заставляет работать измерительные приборы и радиопередатчик «Маяк», сигналы которого до сих пор звучат над нашей планетой.

Трудно поверить, что солнечный свет дает энергию этим приборам, но достаточно протянуть руку и заслонить свет, как сигналы тотчас же смолкают, и «космическая станция» замедляет свой ход.

В ближайшие годы подобные станции закружатся вокруг Земли. Люди построят их прямо в космосе, принося на ракетах отдельные узлы и детали. Эти станции будут служить перевалочными пунктами на пути к другим планетам. С них люди будут наблюдать за Землей, изучать окружающие небесные тела, космические лучи и радиоволны, приходящие из космических глубин. Смотришь на «волчок», и трудно поверить, что такие станции будут летать в космическом пространстве. Но вот рядом лежит слегка покореженная при падении геофизическая ракета. Возле нее — парашют. Она совсем недавно вернулась из космоса. А ведь и она несколько лет назад была только смелой мечтой.

Л. Голованов

Трус

В. КАВЕРИН

Рисунки А. Брея.

Я не мог заставить себя спрыгнуть с мусорного ящика, и мама сказала, что я трус. Возможно, что это было действительно так. Входя в темную комнату, я кричал на всякий случай: «Дурак!». Я боялся гусей, которые почему-то гонялись именно за мною, гогоча и низко вытягивая шеи. Еще больше я боялся петухов, в особенности после того, как один из них сел мне на голову и чуть не клюнул, как царя Додона. Я боялся, что кучера, приходившие с нянькиным Павлом, начнут ругаться, и когда они действительно начинали ругаться, мне, очевидно, тоже от трусости, хотелось заплакать.

Правда, в Крыжовниках я переплыл речку, но храбро ли я ее переплыл? Нет. Я так боялся утонуть, что потом целый день еле ворочал языком и совершенно не хвастался, что в общем было на меня не похоже. Значит, это была храбрость от трусости?

Странно, но, тем не менее, я, по-видимому, был способен чувствовать храбрость. Прочитав, например, о Муции Сцеволе, положившем руку на пылающий жертвенник, чтобы показать свое презрение к пыткам и смерти, я сунул в кипяток палец и продержал его почти десять секунд. Но я все-таки испугался, потому что палец стал похож на рыбий пузырь и нянька закричала, что у меня огневица. Потом палец вылез из пузыря, красный, точно обиженный, и на нем долго, чуть не целый год, росла тоненькая, заворачивающаяся, как на березовой коре, розовая шкурка.

Словом, похоже было, что я все-таки трус. А «от трусости до подлости один шаг», как сказала мама. Она была строгая, в пенсне и однажды за обедом хлопнула Пашку суповой ложкой по лбу. Отца мы называли на «ты», а ее — на «вы». Она была сторонница спартанского воспитания. Она считала, что мы должны спать на голых досках, рубить дрова и каждое утро обливаться до пояса холодной водой. Мы обливались. Но Пашка утверждал, что мать непоследовательна, потому что в Спарте еще и бросали новорожденных девочек с Тернейской скалы, а мама не только не сделала этого, а, наоборот, высылала Лизе двадцать пять рублей, чтобы она могла заниматься в Петербурге на виолончели.

У нас был разговор после того, как она заметила, что я не мог спрыгнуть с мусорного ящика. Она посоветовала мне сознаться, что я струсил, потому что человек, который способен в этом сознаться, впоследствии еще может стать храбрецом. Но я не сознался.

Интересно, что мне не нравилась мысль, что я трус, и хотелось как-нибудь забыть о ней, сделать вид, что ее как бы нет. Но оказалось, что это трудно. Читая Густава Эмара «Арканзасские трапперы», я сразу же догадывался, что эти трапперы не пустили бы меня даже на порог своего Арканзаса. Роберт — один из детей капитана Гранта — вдвоем с Толькавом отбился от волчьей стаи, а между тем он был на год моложе меня. В каждой книге на трусов просто плевали, как будто они были виноваты в том, что родились не храбрыми, или как будто им нравилось бояться и дрожать, вызывая всеобщее презрение. Мне тоже хотелось плевать на них, и Пашка сказал, что это характерно.

— Следовательно,— сказал он,— в тебе все-таки есть зачатки храбрости, которые надо развить, пока не поздно. Иначе они могут зачахнуть.

В нашем дворе красили сараи. Для начала он предложил мне пройти по лестнице, которую маляры перебросили с одной крыши на другую. Я прошел, и Пашка сказал, что я молодец, но не потому, что прошел — это ерунда,— а потому, что не побледнел, а, наоборот, покраснел. Он объяснил, что Юлий Цезарь таким образом выбирал солдат для своих легионов: если от сильного чувства

Глава из повести «Неизвестный друг», которая полностью будет напечатана в журнале «Октябрь» в этом году.

солдат бледнел — значит, он может струсить в бою, а если краснел — значит, можно было на него положиться. Потом Пашка посоветовал мне спрыгнуть с берега на сосну и тут как раз усомнился в том, что Цезарь пригласил бы меня в свои легионы, потому что я побледнел, едва взглянул на эту сосну, которая росла на крутом склоне берега, с толстыми, выгнутыми, как лиры, суками. Сам он не стал прыгать, сказав небрежно, что это для него пустяки. Главное, объяснил он, прыгать сразу, не задумываясь, потому что любая мысль, даже самая незначительная, может расслабить тело, которое должно разогнуться, как пружина. Я сказал, что, может быть, лучше отложить прыжок, потому что одна мысль, и довольно значительная, все-таки промелькнула в моей голове. Он презрительно усмехнулся, и тогда я разбежался и прыгнул.

Забавно, что в это мгновение как будто не я, а кто-то другой во мне не только рассчитал расстояние, но заставил низко наклонить голову, чтобы не попасть лицом в сухие торчавшие ветки. Я метил на самый толстый сук и попал, но не удержался, соскользнул и повис, вцепившись в гущу хвои, исколовшей лицо и руки. Потом подлец Пашка, хохоча, изображал, с каким лицом я висел на этой проклятой сосне. Но все-таки он снова похвалил меня, сказал, что зачатки храбрости безусловно разовьются, если время от времени я буду повторять эти прыжки, по возможности увеличивая расстояние.

Я очнулся на плоту...

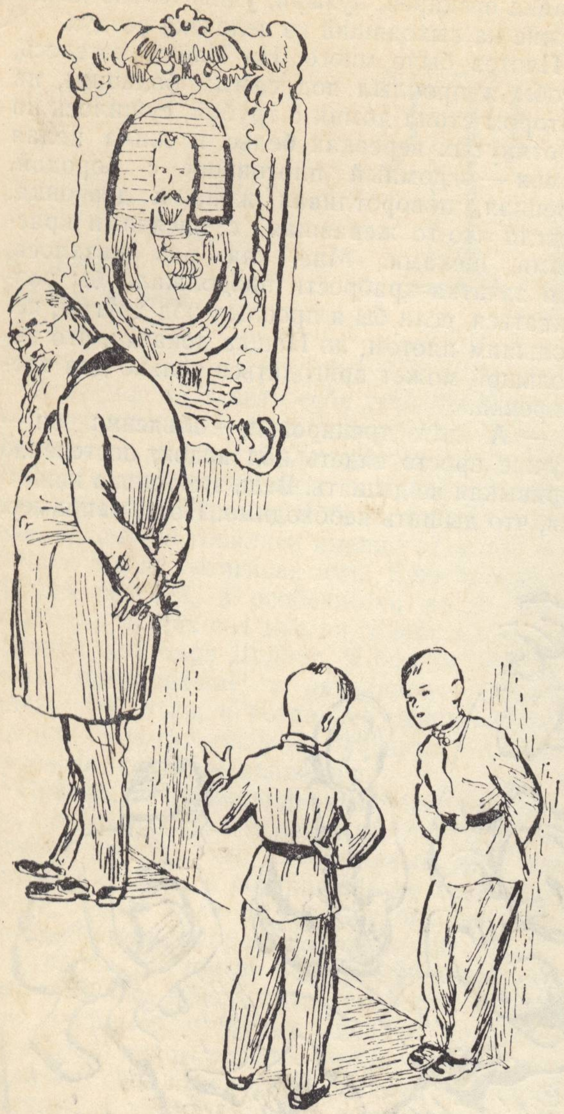
На Песчинке стояли плоты, и Пашка посоветовал мне проплыть под одним из них, тем более, что в то лето я научился нырять с открытыми глазами. Это было жутковато — открыть глаза под водой,— сразу становилось ясно, что она не приспособлена, чтобы через нее смотреть, и что для этого существуют воздух, стекло и другие прозрачные вещи. Но и она тоже была как-то тяжело-прозрачна, и все сквозь нее было зеленовато-колеблющимся: слоистый песок, как бы с важностью лежавший на дне, пугливая стайка пескарей, пузыри, удивительно не похожие на выходящий из человека воздух.

Плотов было много. Но Пашке хотелось, чтобы я проплыл под самым большим, на котором стоял домик с трубой, сушилось на протянутых веревках белье и жила целая семья — огромный плотовщик с бородой, крепкая, поворотливая жена и девчонка, всегда что-то жевавшая, с висячими красными щеками. Мне как раз казалось, что зачатки храбрости продолжали бы развиваться, если бы я проплыл под другим, небольшим плотом, но Пашка доказал, что небольшой может пригодиться только для тренировки.

— А для тренировки,— объяснил он,— лучше просто сидеть под водой, постепенно привыкая не дышать. Ведь это только кажется, что дышать необходимо. Йоги, например, могут по два—три месяца обходиться без воздуха.

Я согласился и три дня просидел под водой, вылезая, только чтобы отдохнуть и поговорить с Пашкой, который лежал на берегу голый, уткнувшись в записную книжку,— он отмечал, сколько максимально времени человеческая особь может провести под водой.

Не помню, когда еще испытывал я такую гнетущую тоску, как в эти минуты, сидя на дне с открытыми глазами и чувствуя, как из меня медленно уходит жизнь. Я выходил си-

Борода покосился на меня, но ничего не сказал.

ним, а Пашка почему-то считал, что нырять нельзя, пока я не стану выходить красным. Наконец однажды я вышел не очень синим, и Пашка разрешил нырять. Он велел мне углубляться постепенно, под углом в 25—30 градусов, а я сразу ушел глубоко, потому что боялся напороться на бревно с гвоздями. Но поздно было думать о гвоздях, потому что плот уже показался над моей головой — неузнаваемый, темный, с колеблющимися водяными мхами. По-видимому, я заметил эти мхи прежде, чем стал тонуть, потому что сразу же мне стало не до них и захотелось схватиться за бревна, чтобы как-нибудь раздвинуть их и поскорее вздохнуть. Но и эта мысль только мелькнула, а потом слабый свет показался где-то слева, совсем не там, куда я плыл, крепко сжимая губы. Нужно было повернуть туда, где был этот свет, эта зеленоватая вода, колеблющаяся под солнцем. И я повернул. Теперь я уже не плыл, а перебирал бревна руками, а потом уже и не перебирал, потому что все кончилось, свет погас...

Я очнулся на плоту и еще с закрытыми глазами услышал гудение, в котором неясно пробивались те самые слова, за которые я не любил друзей нянькиного Павла. Гудел и говорил слова плотовщик, а Пашка сидел подле меня на корточках, похудевший, с виноватым лицом. Я утонул, но не совсем. Щекастая девочка, сидевшая на краю плота, болтая в воде ногами, услышала какое-то бульканье, и плотовщик вытащил меня за голову, высунувшуюся из-под бревен.

Лето кончилось, и начались занятия, довольно интересные—в третьем классе мы уже проходили алгебру и латынь. Юрка Марковский нагрубил Бороде — это был наш классный наставник,— и тот велел ему стоять всю большую перемену у стенки в коридоре, а нам — не разговаривать с ним и даже не подходить. Это было возмутительно. Юрка стоял, как у позорного столба, и растерянно улыбался. Он окликнул Таубе и Плескачевского, но те прошли, разговаривая: притворились, подлецы, что не слышат. Мне стало жарко, и я вдруг подошел к нему, заговорив как ни в чем не бывало.

Мы немного поболтали о гимнастике: правда ли, что к нам приехал чех, который будет преподавать сокольскую гимнастику с третьего класса? Борода стоял близко, под портретом царя. Он покосился на меня своими маленькими глазками, но ничего не сказал, а после урока вызвал в учительскую и вручил «Извещение».

Ничего более неприятного нельзя было вообразить, и, идя домой, я думал, что лучше бы Борода трижды записал меня в «кондуит». Отец будет долго мыться и бриться, мазать усы каким-то черным салом, чтобы они стояли, как у Вильгельма Второго, а потом наденет свой парадный мундир с медалями — и все это, сердито покряхтывая, не укоряя меня ни словом. Лучше бы уж пошла мать, которая прочтет «Извещение», сняв пенсне, так что станут видны покрасневшие вдавленные полоски на переносице, а потом накричит на меня сердито, но тоже как-то беспомощно. Ужасная неприятность!

Пошла мать и пробыла в гимназии долго, часа полтора. Должно быть, Борода выло-

жил ей все мои прегрешения. Их было у меня немало: географ запнулся, перечисляя правые притоки Амура, и я спросил: «Подсказать?» У нас учился сын вице-губернатора Крейтон, чистенький, затянутый, с красными бровками. Все ему было ясно, все он объяснял тоненьким уверенным голосом, так что я от души удивился, узнав, что он не понимает, как происходит размножение в природе, которое мы как раз проходили на уроках природоведения. Я объяснил, и он в тот же день изложил своей бонне это поразившее его естественноисторическое явление. Бонна упала в обморок, хотя я держался в границах урока. Словом, были причины, по которым я бледнел и краснел, ожидая маму и нарочно громко твердя латынь в столовой.

Она пришла расстроенная, но чем-то довольная, как мне показалось. Больше всего ее возмутило, что я хотел подсказать географу притоки Амура.

— Я не знала, что мой сын хвастун,— сказала она с презрением.— Да еще и невежа.

— И трус,— сказал я и заплакал.

Это был позор, тем более, что еще утром Пашка рассказал мне о спартанском мальчике, который запрятал за пазуху украденную лису и не заплакал, хотя она его истерзала. Но я не заревел, а просто вдруг закапали слезы. Мама села на диван, а меня посадила рядом.

— Нет, ты совсем не трус,— сказала она.

Пенсне на тонком шелковом шнурке упало, вдавленные красные полоски на переносице подобрели.

— Я сказала вашему Бороде, что горжусь тем, что ты подошел к Марковскому,— сказала она.— Подрывать чувство товарищества — это еще что за метóда!

Она стала длинно объяснять, как, по ее мнению, должен был в данном случае поступить классный наставник.

Я не слушал ее. Неужели это правда — я не трус?!

Целое лето я старался доказать себе, что я не трус. Сидя под водой, я мучился, думая, что лучше умереть, чем бояться всю жизнь, может быть, полстолетия или даже больше, если я буду жить долго, как дед. А оказалось, что для этого нужно было только поступить так, чтобы мне потом не было стыдно.

Бьют часы

Ирина СНЕГОВА

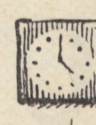
Бьют часы. Кого? Зачем?
Бьют... За что? Скажите...
Бьют часы четыре... семь...
«Всем, всем, всем: спешите!»

Бьют меня, тебя, его,
Чтоб спешили к цели,
Бьют за то, что ничего
Сделать не успели.
Бьют не в бубен — бьют в набат,
Бьют тревогу грозно.
«Торопитесь, — говорят, —
Чтоб не стало поздно!»

Рисунки В. Цельмера.

Бьют подъем и бьют отбой,
Бьют отъезд и встречу,
И яснее этот бой
Самой ясной речи.

Бьют часы... Жесток их бег,
Точно их движенье...
Мчится время... С ним весь век
Мы ведем сраженье.

Хочешь победить в бою,
В жизни сделать что-то?
Бьют часы... Всю жизнь свою
Торопись, работай!

УДСШ

Это паспорт станка «УДСШ-1». «УДС-1» — значит универсальный деревообрабатывающий станок первой модели, а «Ш» — значит школьный. Да, школьный, потому что сконструировали, изготовили по собственным чертежам все его детали и собрали станок пионеры и комсомольцы таганрогской школы № 2 имени А. П. Чехова.

На завод, выпускающий «УДСШ», приходят письма. Вот письмо из Курской области: «Межколхозная строительная организация хочет приобрести станок». А это из Сталинградской области, от Василия Ивановича Комиссарова, колхозного плотника и столяра: колхоз тоже не прочь иметь «УДСШ» — ведь станок и распиливает дерево и шлифует его лучше любого краснодеревца.

Школьный завод расположен в трех классных комнатах. При заводе свое конструкторское бюро. Для «УДСШ» требуется более ста наименований деталей, значит, точных, технически грамотных чертежей надо тоже более сотни листов. Это если деталь изготовляет один рабочий. А если десять человек будут делать одинаковые детали? Каждому нужен чертеж. Помножь-ка сто на десять! Заводу требуются тысячи чертежей.

На верхнем снимке вы видите работу в бюро. Главный конструктор Володя Ангарский, главный инженер Володя Лисоченко и конструктор Галя Ступак обсуждают новую конструкцию станины станка.

Нижний снимок слева показывает работу над станком в цеху. Володя Самойленко закрепляет деталь, чтобы обрабатывать рукоятку для станка. А на нижнем снимке на этой странице вы видите уже готовый станок.

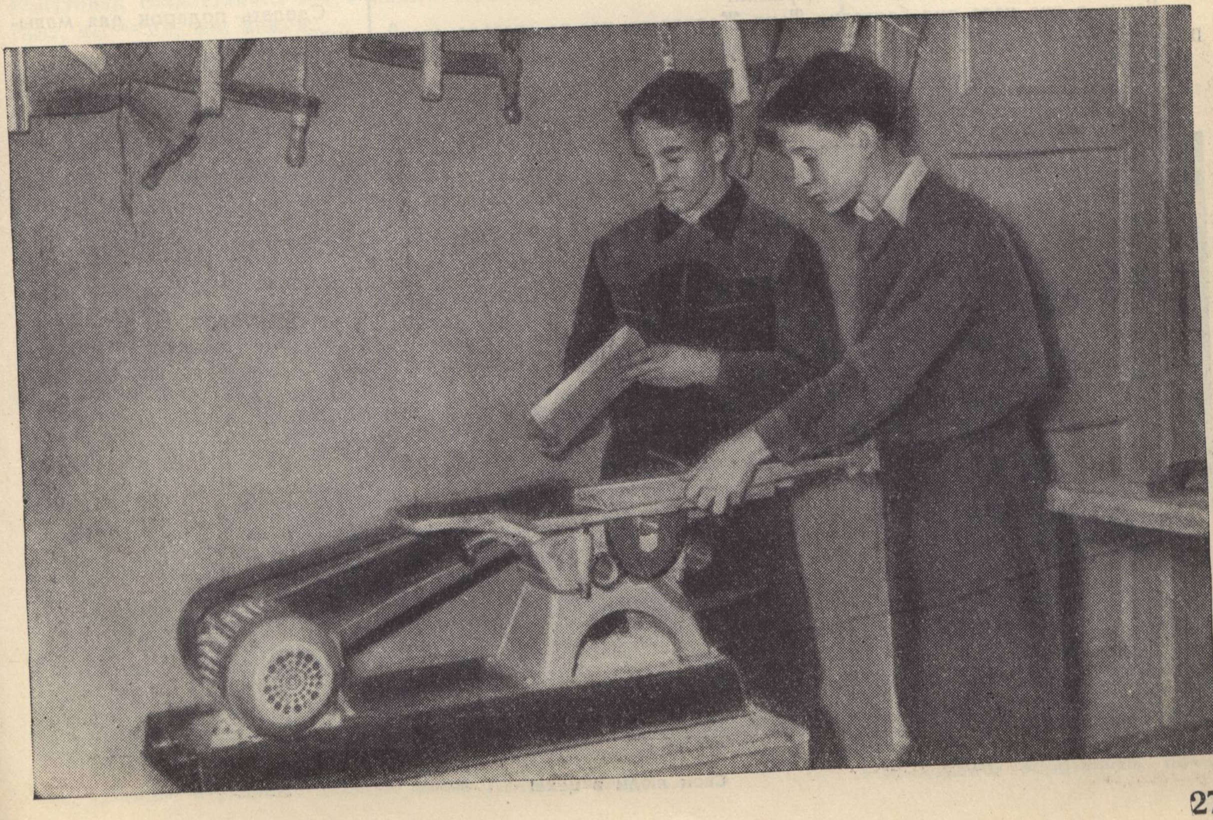

Пятнадцать таких станков ребята подарили сельским школам, у которых еще нет своих заводов.

А недавно юные конструкторы придумали для «УДСШ» долбежное приспособление и монтируют более совершенный станок — «УДСШ-2».

Теперь у завода новое задание: в школе решили построить легковую машину-амфибию. Машина будет на трех колесах, мотор мотоциклетный. Ребята собирают технические сведения о мотоцикле «ИЖ-49», промеряют колеса мотороллера, измеряют сиденья в автомашинах, чтобы выбрать для амфибии самое подходящее.

Интересно строить машины, нужные и полезные людям! Так говорят ребята из таганрогской школы № 2 и просят всех читателей «Пионера»: поделитесь опытом, расскажите, что вы сделали в своих мастерских.

В. МИХАЙЛОВ

Фото С. Карасева.

ЕСЛИ ВЗЯТЬСЯ ДРУЖНО...

ЗНАКОМСТВО У «КОФЕЙНОЙ» МАШИНЫ

В цехе стоял вкусный запах кофе. Между безостановочно движущимися механизмами ходили люди в чистейших белых халатах. Солнце с утренней свежей силой вкатывалось в большие окна цеха.

Кофе попадал в этот цех уже готовый, молотый. В «кофейную» машину закладывались только листы бумаги. Закладывались они целыми кипами. Машина осторожно брала один лист, сгибала его несколько раз, клеила из него коробку, всыпала в нее точное количество кофе (200 граммов — не больше и не меньше), запечатывала коробку и вывозила ее к ленте транспортера. Все это делалось без участия человеческих рук. Работницы из бригады коммунистического труда только «кормили» машину бумагой, просматривали готовые пачки кофе, укладывали их в ящики. Конечно, они еще внимательно следили за тем, чтобы машина работала хорошо, без сучка, без задоринки.

Ровно в два часа дня бригадир Тоня Желудкова что-то сказала своей подруге; они засмеялись, и Тоня куда-то убежала.

Вернулась она через несколько минут, и вернулась не одна...

За ее спиной я увидел какие-то странные фигуры. Белые халаты ви-

ПОПРОБУЙ СДЕЛАТЬ, — ИНТЕРЕСНО!

Когда наступает новый учебный год, каждому хочется, чтобы в его отряде было что-то новенькое, чего не было раньше. Вот какие необычные дела подсмотрел я у ребят в разных городах. Одни дела для звена, другие — для отряда, третьи—под силу только дружине.

Попробуй сделать такое же,— это интересно!

Вожатый Сима Соловьев

МАЛЫЕ СТУПЕНЬКИ

Утром в шестом классе появился плакат с заголовком: «Кто быстрее? Кто лучше?» На плакате лесенка из пяти ступенек с какими-то надписями. Прочитаем их:

Посадить по дереву.

Собрать 10 килограммов лома.

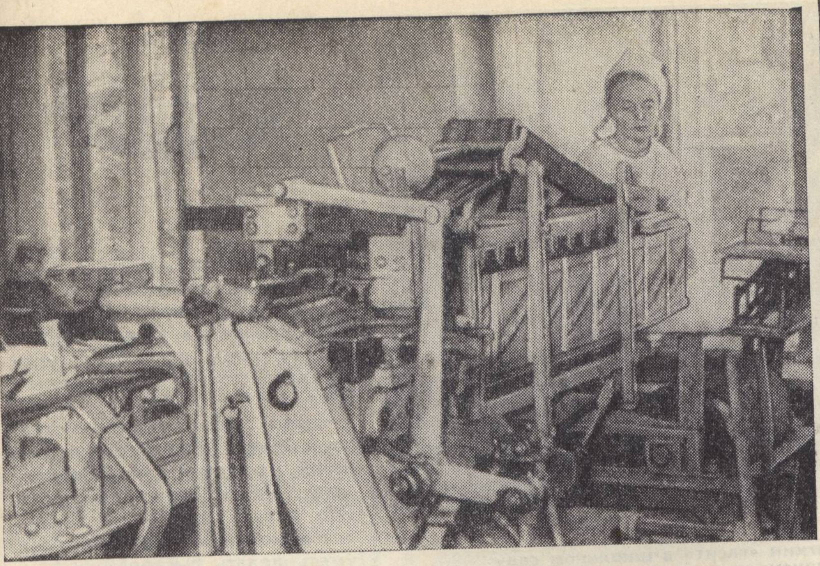
Сделать подарок для малышей.

Разучить звеном песню для сбора.

Выполнить нормы ступенек по бегу и прыжкам.

Свои люди в цехе!

Сложная машина отдает готовые коробки прямо в руки Тане Никитиной.

сели на них до пят, рукава были подвернуты, на головах красовались сделанные из газет шляпы, вроде корабликов, которые ребятишки пускают в весенних лужах. Но, тем не менее, странные фигуры эти уверенно подошли к машине и, поздоровавшись с работницами, начали помогать им считать и укладывать готовые пачки кофе.

— Это кто же такие? — спросил я у Тони.

— Наши друзья пришли, наши «спутники»,— объяснила она.— «Спутники семилетки»... Мы с ними очень сдружились. Они нам помогают, мы — им, чем можем...

Так я познакомился с пионерами из пятого класса «В» 348-й школы Бауманского района Москвы.

ПОЧЕМУ «СПУТНИКИ»!

Как возникла эта дружба? Почему так крепко сдружились молодые рабочие бригады коммунистического труда и пионеры?

Сейчас воплощается в жизнь семилетний план, принятый XXI съездом Коммунистической партии. Когда этот великий план будет полностью осуществлен, к сегодняшним пионерам уже придет юность. Они начнут свою трудовую жизнь в условиях необыкновенного расцвета науки и техники. Страна наша станет еще богаче и сильнее, каждый советский человек будет жить еще лучше и радостнее.

Но цель коммунизма не только в том, чтобы создать человеку новые условия жизни. Его великая цель в том, чтобы воспитать нового человека. И не случайно именно сейчас, когда советские люди закладывают семилетний материальный фундамент коммунизма,— именно сейчас появились на заводах, на фабриках, на стройках бригады коммунистического труда. Почему это произошло?

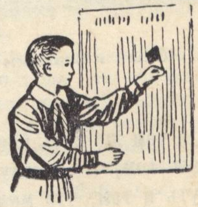
Может быть, потому, что для успешного выполнения грандиозных планов семилетки необходимо работать особенно хорошо, работать с душой, по-коммунистически?

Разумеется, это верно.

Но ведь и раньше наши рабочие были ударниками, стахановцами, передовиками социалистического соревнования, новаторами. И раньше такие передовики были не исключением, не единицами,— существовали и ударные бригады, и ударные цехи, и целые ударные заводы.

В отряде три звена, а внизу плаката три флажка: красный, зеленый и синий. То звено, которое раньше всех выполнит первое задание, получит красный флажок и поднимет его на первую ступеньку. Но может случиться, что пылу у ребят хватит только на первый шаг, и зеленый или синий флажок другого звена раньше других поднимется по малым

ступенькам. Договоритесь с вожатым, как отметить победителей. Может, устроить для лучшего звена интересную экскурсию?

СОЛДАТСКИЙ ЧАС

...Прозвенел звонок с последнего урока, и вслед за ним раздался горн. Выходи строиться! Сегодня в отряде солдатский час.

Если вы дружите с бойцами соседней части и бывали у них в гостях, вы, наверно, знаете, что такое солдатский час. Шестьдесят минут — и ни минуты больше! — дается на то,

чтобы погладить форму, постирать и пришить чистый воротничок — словом, привести себя в порядок.

Вот и ваше звено ровно за час должно помыть пол в классе, погладить формы, постирать и подшить воротнички, почи-

Юный пожарник Толя Касаткин «гасит» в школьном саду палящие солнечные лучи.

Так в чем же суть бригад коммунистического труда?

Суть в том, что коммунистический труд неотделим от всей жизни человека. Суть в том, что молодые рабочие решили не только **трудиться**, но и **жить** по-коммунистически. Они берут на себя обязательства не только выполнять и перевыполнять производственные задания, но и быть в повседневной жизни людьми, достойными нашего замечательного времени. Члены бригад коммунистического труда — хорошие работники, верные друзья, образованные люди, честные патриоты. А разве не к тому же стремятся наши ребята? Разве для пионеров главное не в том, чтобы трудиться и жить по-коммунистически? Так у кого же им учиться этому, если не у друзей из бригад коммунистического труда?

ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Председатель совета отряда Валя Хромченкова показала мне большой альбом, обернутый в красную бумагу. Это был дневник отряда, который можно назвать «вахтенным журналом «отряда-спутника». Я читал краткие записи пионерских дел. Смотрел на рисунки и фотографии и видел, что здесь отражены дела, мысли, стремления пионеров. Какой разносторонней жизнью стремится жить этот отряд! Как волнует его все, что творится в мире, все, чем живет наш народ!

Я выписал несколько страничек из дневника. Посмотрите, как много можно успеть сделать за очень короткое время.

Воскресенье. День выдался хороший. До этого всю неделю шли дожди. В 8 часов утра мы собрались у школы и двинулись в путь. Нас было 22 человека, и с нами поехал пятый класс «Г». Мы заняли весь вагон. Песни, смех и шутки слышались со всех сторон. Ведь это первый наш поход в этом учебном году! Вот и царицинские озера. Старинный парк, Екатерининский дворец с его пристройками, интересный рассказ нашей вожатой Наташи перенесли нас в далекое прошлое. Наташа рассказала о чудесном архитекторе Баженове. Наша футбольная команда выиграла у пятого «Г». Рая Архипцева, которая много лет занимается туризмом, учила нас, что надо брать в поход и как укладывать рюкзак.

Понедельник. Заседание совета отряда. Слушали о работе вожатых второго класса «В» Силиной Лены и Свинкиной Нади.

ПОПРОБУЙ СДЕЛАТЬ, — ИНТЕРЕСНО!

стить обувь, причесаться... Совет отряда побеспокоится, чтобы к этому дню были приготовлены ведра, тазы, щетки, тряпки, крем для обуви, утюги, хозяйственное и туалетное мыло...

Через 60 минут — новый горн. Жюри (члены совета дружины, вожатые, учителя) решает, какое звено победило. Это очень важно — не только все самому уметь делать, но и уметь делать быстро!

НАШИ ПОДШЕФНЫЕ РАБОЧИЕ

Нет, я не ошибся: рабочие пятого цеха не только шефы отряда, но и его подшефные. Что может делать отряд в цехе?

Если можно, помогайте убирать цех. Раза два в месяц это нетрудно.

Выпустите в цехе пионерскую стенгазету, расскажите о ваших отрядных делах, о том, как вы готовитесь к труду. Это всем будет интересно.

Подготовьте хороший концерт самодеятельности и выступите перед рабочими в обеденный перерыв. Они с удовольствием послушают вас. А к празднику организуйте цеховой пионерский почтамт. Наверно, у каждого рабочего есть в вашем же районе товарищи, которых хочется поздравить с праздником. Купите на почте бланки телеграмм. Ваши подшефные заполнят их, а вы разнесете их по адресам. Когда пойдете с телеграммами, не забудьте надеть пионерскую форму.

Вторник. В Доме пионеров открылся музыкальный лекторий. Семнадцать пионеров посетили его.

Среда. Экскурсия по ленинским местам Бауманского района.

Пятница. Сбор «Наша Родина».

Двадцать дней мы ходили по квартирам бывших комсомольцев нашей школы. Мы узнали об их жизни, собрали их фотокарточки. Все комсомольцы встречали нас гостеприимно. Мы пригласили их к себе на сбор. На торжественной линейке мы приняли в пионеры Касаткина Анатолия.

Воскресенье. В Музее революции. Мы прослушали рассказ о героизме нашей молодежи в годы гражданской войны. Очень понравилась панорама взятия Зимнего дворца.

Понедельник. Начали шефство над пенсионерами.

Вторник. Посланы письма в школы КНР и ГДР.

Среда. Отправлено письмо в Герасимовку, в школу, где учился Павлик Морозов.

Четверг. Учились ухаживать за комнатными растениями.

Суббота. Посетили Планетарий. Тема: «Форма и движение Земли».

Вторник. Беседа в Третьяковской галерее «Как смотреть картины». Художники Саврасов и Перов.

Вторник. Сбор «О честности и правдивости» (вынесен выговор Саше С.).

Историю этой записи надо рассказать подробнее, но сначала о другом.

СКОЛЬКО СТОЯТ ВТОРОГОДНИКИ?

Отряд взял обязательство: «Всем классом — из класса в класс». Значит, надо помогать отстающим, подтягивать их. Это очень важное обязательство! Хорошо учиться, не оставаться на второй год — это долг юных ленинцев. Если у нас в стране не будет второгодников, то народу будет легче выполнить семилетний план. Каким образом?

Я был на сборе, где пионеры «отряда-спутника» занимались весьма убедительными подсчетами.

— Сколько стоят нашему государству второгодники? — говорила Люся Белоусова. — Давайте решим простую задачу.

Она взяла в руки мел и начала писать на доске.

— На каждого школьника тратится ежегодно 883 рубля. В нашем классе могли остаться на второй год пять человек. Значит, $883 \times 5 = 4\,415$ рублей. В нашей школе 30 классов. Если в каждом классе останется на второй год по пять человек, тогда $4\,415 \times 30 = 132\,450$ рублей. Представьте себе: в одной нашей школе может пропасть сто тысяч рублей! А ведь в Москве около тысячи школ! Это значит, что второгодничество стоит миллионы, десятки миллионов. На эти деньги можно было бы построить новые школьные здания, новые дома, стадионы, даже целый дворец...

На сборе присутствовала бригадир бригады коммунистического труда Тоня Желудкова. Когда она увидела эти цифры, она сразу попросила слова.

— Что же это получается, ребята? — взволнованно сказала Тоня. — Мы, рабочие, стараемся сберечь каждую копейку. Наша бригада, например, обязалась экономить этикетки, а цена одной этикетки всего 4 копейки. Вы же, оказывается, растрачиваете наши сбережения на второгодников. Это большой нам убыток. Так не годится. Надо вам взяться как следует!

— А что с ними сделаешь, с двоечниками? — крикнул кто-то из ребят.

— Как что сделаешь? — удивилась Тоня.— В дружном коллективе все сделать можно. Вы ведь видели, когда были на комбинате, как у нас в бригаде дружат — полная взаимозаменяемость: бункерщица может работать за машинистку, контролер конвейера — за бункерщицу. А сколько у

ПОПРОБУЙ СДЕЛАТЬ, — ИНТЕРЕСНО!

ПРАЗДНИК ДЕДУШЕК И БАБУШЕК

Такой замечательный праздник придумали и провели пионеры 35-й школы Перми. В завкоме комбината «Красный Октябрь» ребята взяли адреса восьмидесяти старых рабочих и работниц, ушедших на пенсию, и послали им открытки — приглашение на праздник. Пришли все.

«Официальными» хозяевами вечера были октябрята. Они встречали гостей, прикалывали им самодельные значки из ленточек. Каждый должен был познакомиться с кем-нибудь из дедушек или бабушек и провести с ними весь вечер. Но вы, конечно, понимаете, что октябрята много сделать не могут. Поэтому концерт — самый лучший! — устроили пионеры, стол — с пирогами, конфетами, чаем — тоже накрывали стар-

шие ребята. Знаете, какой праздник получился! Не всем октябрятам хватило гостей, и обиженные хозяева-малыши сначала пробовали пуститься в рев. Но пионеры быстро все урегулировали. Сидят в зале дедушки, а у каждого на коленях внучонок, а то и два... Потом все вместе пили чай, и старые рабочие вспоминали свое детство. Интересно их послушать! Даже не верится, что было такое время, когда маленьких ребят не пускали ни в школу, ни в клуб...

нас раньше времени уходило на уборку машины! Двое убирают, а остальные домой уходят. Сейчас взялись мы за это дело сообща. За десять минут приберем и все вместе домой уходим. Если дружно взяться — большие дела поднять можно!

Пионеры «отряда-спутника семилетки» все делают сами. За ними не ходит уборщица с веником. Они убирают свой класс, чинят парты, натирают полы. Больше двух тысяч рублей уже сэкономили ребята на том, что теперь школа не знает платных полотеров, около тысячи рублей сберегли они школе, организовав бригады по наблюдению за экономией электроэнергии: нынче в школе зря не горит ни одна лампочка!

А сколько металлолома собрали ребята! Сколько бумаги-макулатуры! Сколько сшили вещей для подшефного детского сада! Сколько сделали, работая на пищекомбинате! Разве расскажешь обо всем подробно в дневнике?

ВСЕ ЗА ОДНОГО

Саша С. — взъерошенный, вертлявый, беспокойный парнишка — совершил кражу. Он украл в Доме пионеров голубя. Все были возмущены.

— Выгнать его надо из пионеров за такие дела! — требовал на сборе беспощадный Слава Любин.

— Верно! — поддержали его многие ребята.

— Выгнать!

— Исключить...

— Нет, ребята, так нельзя,— сказала Аня Сунгатова. — Мы должны его не отталкивать от себя, а воспитывать.

— Ой, девочки! — сказала Валя Игнатова. — Если его отец узнает, он его излупит. Он ведь очень бьет Сашу...

Мнения разделились. Спор становился все более и более резким. Ребята один за другим вскакивали с мест, шумели, волновались. И вот когда общее напряжение, казалось, достигло предела, дверь отворилась, и в класс вошел Сашин отец. Прямо как в театре. Ребята даже рты пораскрывали от неожиданности. Стало очень тихо. Саша побледнел и опустил голову.

— Что тут у вас происходит? — строго спросил Сашин отец.

Вперед вышла Валя Хромченкова и коротко рассказала о Сашином поступке. Отец нахмурился. Ребята затаили дыхание.

— А ну, негодяй, подойди сюда! — медленно сказал отец.

Саша попятился. Отец сделал к нему шаг и занес руку. И тут все ребята, как по команде, вскочили с мест. Они кинулись к Саше, окружили его, защищая своими телами.

— Мы просим вас не бить Сашу,— сказала Валя Хромченкова. — Никогда его не бить. Мы обещаем вам, что больше он никогда не сделает ничего подобного. Мы берем ответственность за него. Садитесь, пожалуйста, и давайте спокойно поговорим...

Сашин отец сел. И долго-долго говорили ребята о Саше, о его судьбе, о пионерской чести, о достоинстве советского человека.

Саше не дали спуску. Ему вынесли выговор. И все ребята поняли в этот день, что значит пионерский коллектив. Он накажет, но он и защитит.

* * *

Надежда Константиновна Крупская рассказывала, что когда Ильич говорил с детьми, он часто спрашивал: «Не правда ли, ты вырастешь хорошим коммунистом?»

Ленин видел в своих мечтах смелого, сильного, беззаветно преданного народу, образованного, честного, трудолюбивого человека.

В простых делах для своего народа и воспитывается характер настоящего ленинца.

ПОПРОБУЙ СДЕЛАТЬ, — ИНТЕРЕСНО!

КОНКУРС ПЯТИ ДОЩЕЧЕК

Председатель совета отряда объявил: в следующую субботу каждый должен принести пять дощечек определенного размера, гвозди, столярный клей, молоток, пилу, рубанок, стамеску.

Так был организован «конкурс пяти дощечек». Проводить его лучше всего в столярной мастерской, но можно и просто в классе, если предупредить, чтобы ребята поосторожнее обращались с мебелью.

Условия конкурса простые: вот тебе материал, вот столярный инструмент. Времени — два — три часа. Что, какую полезную, интересную вещь сделаешь ты из пяти дощечек? Полочку? Каркас для почтового ящика? Пять лопаток для подшефного детского сада? Кормушку для птиц? Скворечник?

Нетрудно будет определить, кто победил, у кого самые умелые руки.

В предгорьях Сихотэ-Алиня, где когда-то с верным проводником Дерсу Узала нехожеными тропами бродил Арсеньев, лето приходит к концу.

Молодые жители этих мест, все лето вместе с отцами-охотниками промышлявшие зверя и птицу, собираются на зимние квартиры. По горным тропкам, по быстрым речкам спешат они из тайги в школьные интернаты, и 1 сентября, как и во всей Советской стране, в таежных школах ребята сядут за парты.

Вот и сюда, в удэгейский поселок Гвасюги, где не первый год стоит школа-интернат, быстроходные глиссеры по бурной реке Хор привезли из тайги маленьких пассажиров.

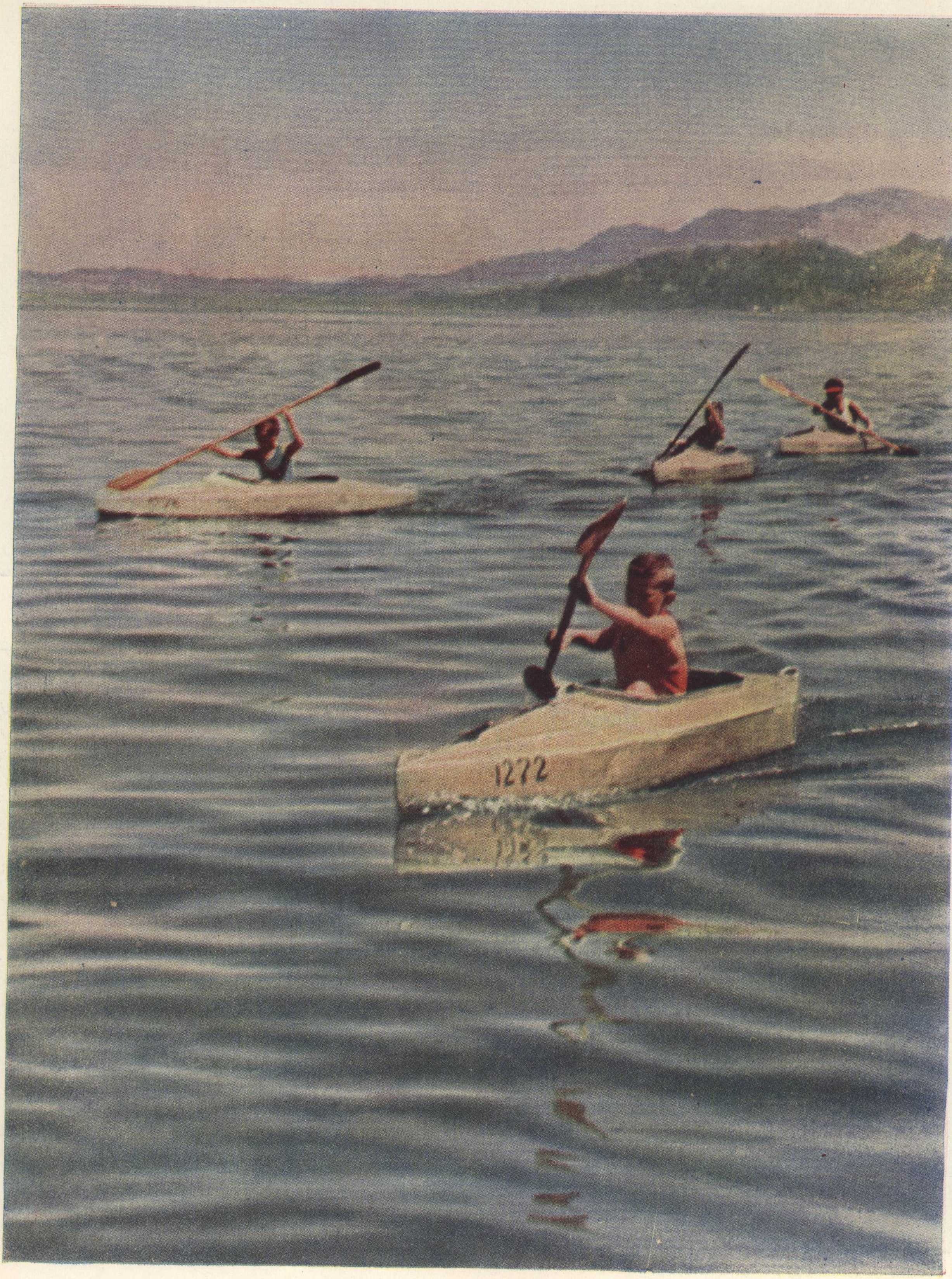

Таежный поселок Гвасюги. Здесь есть школа-интернат, и, как во всякой школе, ребята тут отвечают у доски, готовят уроки и собираются на пионерские сборы.

Фотографии В. Минкевича.

Сегодня полный штиль. Быстро скользят по воде легкие байдарки. Ребята из Аджарской детской спортивной школы вышли в море на тренировку.

Фото Е. Удовиченко

Где было Ледовое побоище?

Рисунки О. Рево

Г. КАРАЕВ,
руководитель экспедиции Академии наук СССР

Это произошло более семисот лет назад. Закованные в железные доспехи немецкие рыцари-меченосцы попытались вторгнуться в пределы новгородско-псковских земель у Чудского озера. Они захватили Псков. Опасность нависла над вольным Новгородом.

В ту пору древняя Русь стонала под тяжестью татаро-монгольского ига. Истоптанная, истерзанная, лежала русская земля. Но перед лицом грозной опасности народ обрел новые силы. В Новгороде собралось большое войско. Его возглавил новгородский князь Александр Ярославич, прозванный Невским за победу над шведами, одержанную на реке Неве.

Подходила весна, но еще стояли морозы, когда русское воинство освободило Псков и двинулось вслед за остатками отступавших рыцарских отрядов, и передовой русский отряд был наголову разбит.

Узнав об этом, Александр, как повествует летопись, «воспятися на озеро», то есть отступил на ледяную поверхность Чудского озера. Вслед за ним двинулось и войско врага.

И тут-то 5 апреля 1242 года разыгралось знаменитое Ледовое побоище, которым до сих пор справедливо гордится русский народ. «Бысть сеча тут велика»,— говорится в летописи.

Под натиском новгородских, псковских, суздальских воинов рыцари были опрокинуты. Русское войско преследовало отступающих тевтонов семь верст, до «Соболичьского берега». При этом многие из них были убиты, многие пленены, а «иных вода потопи».

Где именно это было? На каком месте Чудского озера разыгралось великое сражение?

«На узмени, у Воронея камени»,— отвечает на этот вопрос летопись. На первый взгляд ответ кажется довольно точным. Стоит только найти «узмень» и «Вороний камень», и как будто задача решена... Но за семьсот лет очертания озера изменились, старые названия забыты... Что такое «узмень», где она? Какой «Вороний камень» имеется в виду, ведь на Чудском озере камней много? Где был «Соболичьский берег», к которому гнали рыцарей? В задаче, которую предстояло решить, три неизвестных, все три нужно найти...

Ученые делали различные предположения, называя то один пункт, то другой... Иные даже говорили, что «узмень» — это деревня Узменка, совершенно не считаясь с тем, что тогда было бы написано «у Узмени», а не «на узмени», как сказано в летописи.

И вот летом 1958 года в деревню Самолву, расположенную близ древнего Чудского озера, прибыла экспедиция. В нее входили гидрологи, археологи, водолазы, аквалангисты — подводные пловцы... Загудели машины... Над суровыми просторами Чудского озера, над лесистыми его берегами, над островами, поросшими кустарником, закружились вертолеты.

Гидрологи, оснащенные по последнему слову техники, исследовали дно, археологи раскапывали древние могилы... Цель у всех была одна — найти место Ледового побоища, удовлетворяющее всем трем условиям, о которых говорится в летописи.

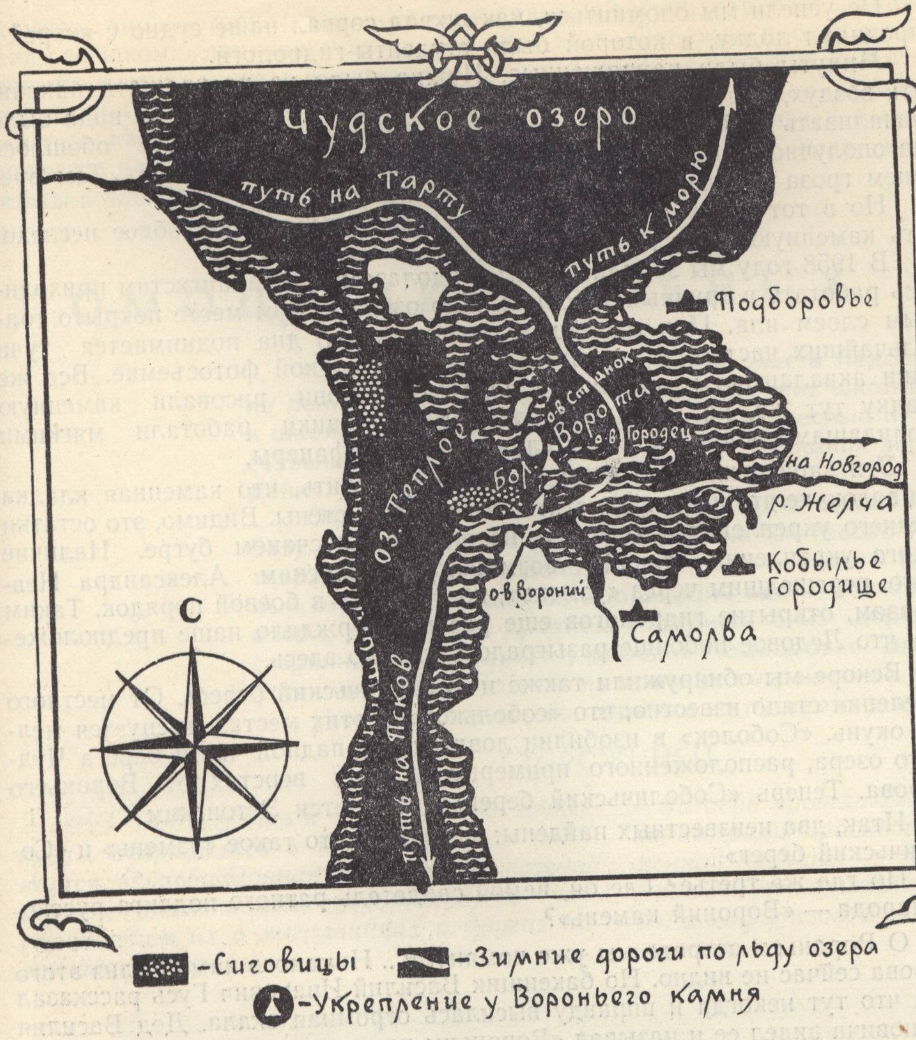
Предварительные изыскания мы начали еще в 1956 году, но только в 1958-м деятельность экспедиции развернулась по-настоящему. Работы шли в северной части Теплого озера, примыкающего к Чудскому. Выбирая место, мы исходили из предположения, что единственными зимними дорогами, по которым могли продвигаться войска в то древнее время, были реки. Рекой, по которой, вероятно, двигались из Дорпата (ныне Тарту) главные силы рыцарского войска, была Эма-Йыга, впадающая в Чудское озеро. На русском берегу в озеро впадает река Желча. По Эме-Йыге и Желче проходили в то время зимние торговые пути. В южной части Чудского озера эти пути скрещивались, где-то здесь находилась «узмень», то есть «узкость», узкое место.

Если «узмень» будет найдена, если на ней есть «Вороний камень», а в «семи верстах» — «Соболичьский берег», значит, здесь и происходило Ледовое побоище.

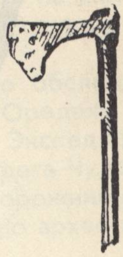
Первое слово было за гидрологами. Промеры глубин, направления течений, характер дна дают возможность судить, каким было озеро сотни лет назад.

Хотя озеро и называется Теплым, вода в нем холодная. Нелегко было работать аквалангистам.

Работы экспедиции показали, что в XIII веке Теплое и Чудское озера были меньше и имели другую форму. Прежние очертания их нарисованы черной краской.

После долгих поисков студенты-гидрологи обнаружили следы древней «узмени». Русло ее проходит через так называемые «Большие ворота» — пролив между островами Станок и Городец.

Одновременно с работой гидрологов археологи производили раскопки на острове Городец, самое название которого свидетельствует, что здесь в давно прошедшие времена был укрепленный, огороженный населенный пункт.

Наши поиски увенчались успехом — были найдены остатки Городца, относящиеся к XIII веку... Находка укрепила нашу уверенность в том, что место поисков выбрано правильно.

Но мы продолжали искать подтверждения. Еще в 1957 году под водой близ острова Городец были обнаружены остатки древней каменной кладки. Впервые их увидел водолаз Плакущий.

Я хорошо помню день, когда он взволнованно сообщил нам со дна озера об этом по телефону. Мы были так увлечены открытием, что не заметили, как на небе возникла темная туча, налетел ветер и хлынул ливень. Озеро закипело пенистыми волнами.

Не успели мы опомниться, как шквал сорвал наше судно с якорей опрокинул лодку, в которой были студенты-гидрологи.

Минуты были напряженные. Нужно было не прекращать накачи вать воздух, иначе водолаз мог задохнуться, и в то же время надо был причаливать к берегу, помочь гидрологам... К счастью, все обошлос благополучно: Плакущий и гидрологи были подняты на борт. Тем вре менем гроза стихла, и мы смогли продолжать работу...

Но в тот год у нас еще не было возможностей подробнее исследо вать каменную кладку.

В 1958 году мы занялись этим. Водолазам и аквалангистам приходи лось работать в трудных условиях. Дно озера в этом месте покрыто тол стым слоем ила. При малейшем движении со дна поднимается туч мельчайших частиц, и эта муть мешает подводной фотосъемке. Все ж наши аквалангисты вышли из положения: они рисовали каменную кладку тут же, на дне... «Подводные» художники работали мягкими карандашами, «полотном» им служили куски фанеры.

Эти зарисовки дали возможность определить, что каменная кладка под водою не что иное, как остатки крепостной стены. Видимо, это остатки древнего укрепления, стоявшего некогда на песчаном бугре. Наличие такого укрепления давало возможность войскам Александра Нев ского, перешедшим через «узмень», построиться в боевой порядок. Таким образом, открытие гидрологов еще раз подтверждало наше предположение, что Ледовое побоище разыгралось именно здесь.

Вскоре мы обнаружили также и «Соболичьский берег». От местного населения стало известно, что «собольком» в этих местах именуется мелкий окунь. «Соболек» в изобилии ловится у западной части берега Чудского озера, расположенного примерно в семи верстах от Вороньего острова. Теперь «Соболичьский берег» называется Эстонским.

Итак, два неизвестных найдены: мы знаем, что такое «узмень» и «Соболичьский берег»...

Но где же третье? Где он, немой свидетель ратного подвига русского народа — «Вороний камень»?

О Вороньем острове мы уже помянули... Никакого камня близ этого острова сейчас не видно. Но бакенщик Василий Иванович Гусь рассказал нам, что тут некогда и вправду высилась огромная скала. Дед Василия Ивановича видел ее и называл «Вороньим камнем».

— Большущая была. По восемь лодок приставало к ней, когда рыбаки-то отдохнуть на нее выходили,— рассказывал Василий Иванович.

Если бы «Вороний камень» был обнаружен здесь, на «узмени», в «семи верстах» от «Соболичьского берега», задача была бы решена!.. Но как ни искали водолазы и аквалангисты, ничего похожего на дне не находилось. Огромная скала, о которой говорил Василий Иванович, казалось, исчезла бесследно.

Погода становилась все ветреней, холодней. Все трудней было работать аквалангистам. Но тщетно обшаривали они дно, тщетно прислушивались мы к их сообщениям — камня нет и нет!..

...И все-таки «Вороний камень» был обнаружен. И нашли его в том месте, куда уже много раз спускались наши подводники. И немудрено: «Вороний камень» оказался составной частью древнего укрепления, которое впоследствии мы обследовали.

Итак, задача решена...

Теперь на основе материалов, полученных экспедицией, можно примерно восстановить картину событий, разыгравшихся на Чудском озере более семисот лет назад. После разгрома своего передового отряда русское войско перешло озеро через «узмень» на том участке, где еще держался твердый лед. Тут, имея в тылу укрепление у «Вороньего

камня», оно построилось в боевой порядок и вступило в бой с вражеским войском, двинувшимся вслед за ним. Одержав победу у «Вороньего камня», воины Александра Невского погнали тевтонов «на семь верст до Соболичьского берега». И тут, на «сиговице» — так называет местное население участки озера, которые замерзают позднее и бывают покрыты слабым льдом,— враги нашли бесславную смерть: были убиты, взяты в плен, а «иных вода потопи»...

ПОМОЩНИКИ УЧЕНЫХ

Работе экспедиции по отысканию места Ледового побоища помогали ленинградские ребята. Пионеры средних школ № 157, № 197, № 253 и школы-интерната № 7 совершили интересные путешествия по местам, связанным с исторической битвой, и сообщили экспедиции ценные сведения.

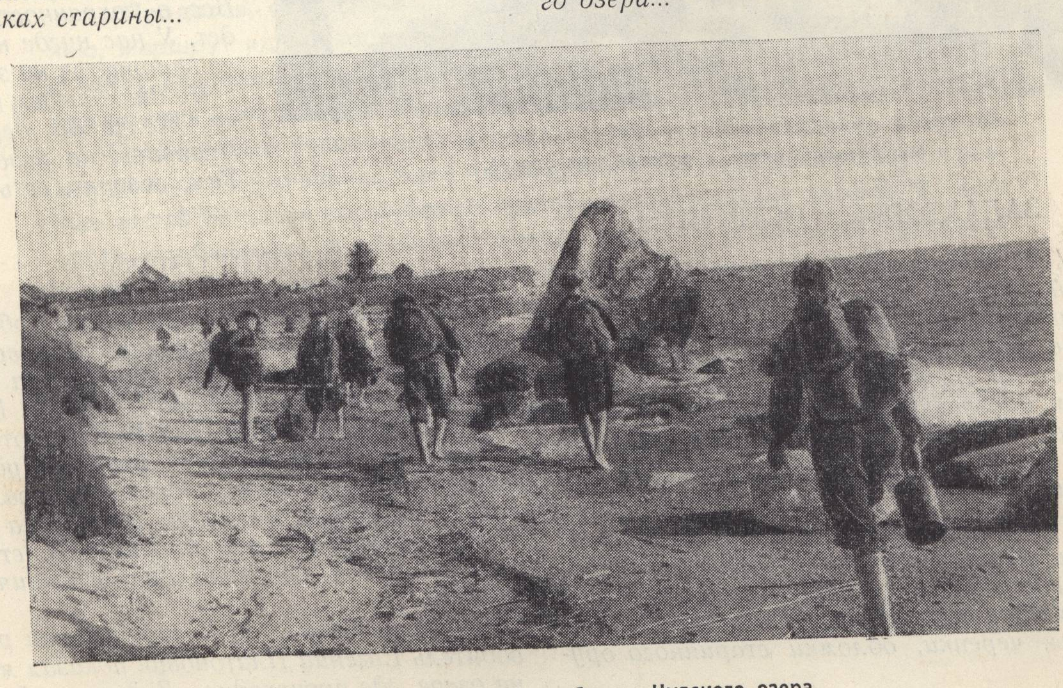
Отряд из пионеров 157-й и 193-й школ подробно обследовал базу древнего судостроения в районе Ям-Тесово на реке Оредеж, подтвердив связи этого района с Чудским озером в XIII веке. Экспедиционный отряд 253-й школы, прошедший вдоль восточного берега Чудского озера, сообщил о древнем городище близ деревни Сторожинец и о старинных погребениях у деревни Подборовье. Это помогло археологам установить место одной из древних пограничных застав.

Ниже мы помещаем отрывки из путевого дневника этого отряда.

СТОРОЖИНЕЦ

13/VI. Подъем был в 6.30. Немного подзакусив, отправились в путь. Сегодня начинается экспедиционная работа. В каждой деревне разыскиваем старожилов и расспрашиваем их о могильниках и других памятниках старины...

За день прошли 22 километра. Для стоянки выбрали красивое место: посреди низменной равнины — два холма с как бы срезанными верхушками, у подножия — озерко, а на горизонте — узкая полоска Чудского озера...

Приятно идти по песчаному берегу Чудского озера.

Мы предположили, что один из этих холмов — остаток древнего городища. Обследовали его, измерили и все записали. Это было наше первое открытие.

ЮШКИНО — ЗАЛАХТОВЬЕ

14/VI... После обеда мы отправились в Залахтовье. Двое ребят пошли узнавать о памятниках и могильниках... Движемся дальше. И вот наконец мы на берегу Чудского озера. Кто-то говорит:

— Если б мы не знали, что это — озеро, то подумали бы, что вышли к морю.

Оно и вправду огромное! Так приятно идти по песочку босиком, радуясь ласковой волне, которая омывает наши ноги!..

Мы познакомились с работой археологов.

ЗАЛАХТОВЬЕ — ОСТРОВЦЫ

16/VI. Обследовали могильник. Это уже третий большой могильник на нашем пути. Измеряем его, фотографируем, расспрашиваем о нем встретившегося лесника... Идем по чистому сосновому лесу... На привале читаем биографию Александра Невского — и снова в путь... За сегодняшний день мы очень устали. Но какой у нас был к вечеру аппетит!..

17/VI. Подборовье... Роемся в песках-развеях и находим черепки старинной посуды. В беседе с одним стариком узнаем, что в этих местах жители часто находят древние монеты, черепки, обломки старинного оружия.

18/VI. На лодке переправились в Самолву, где работает экспедиция под руководством Г. Н. Караева... Разбили на ночь палатки. Улеглись на сене. Нет, вы не знаете, что значит спать в палатке на сене!

Евгений Платонович, наш руководитель, перед сном сказал, что это — настоящее блаженство.

Нет, это что-то большее!

19/VI. Ждем Г. Н. Караева, он должен на днях приехать. Наша хозяйка, около усадьбы которой мы остановились, предобрая женщина, расспрашивает о нашем походе, заботится о нас, дает советы, где лучше купаться, отдыхать... Она отдала в наше распоряжение лодку, бинокль, указала, где брать дрова... А какой у нее чудесный вишневый садик! Совсем как в стихах Шевченко!

Хозяйка помогает Г. Н. Караеву в сборе материалов. И у мужа её было собрание старинных предметов: монет, оружия... Но все это захватили гитлеровцы в войну. Как жаль!

К нам здесь все сочувственно относятся. А Анна Ивановна, хозяйка, когда мы уходим, говорит:

— Не беспокойтесь. Все в сохранности будет. У нас нигде ничего не запирается на замок.

На днях поедем по реке Желче до деревни Низовицы на разведку. Там, говорят, есть курганы.

ТЕПЛОЕ ОЗЕРО

20/VI. Сегодня мы пришли в село Кобылье Городище. Здесь есть старинная церковь, построенная в честь победы Александра Невского; она перенесена сюда с острова Городец, так как вода подмыла берег, на котором стояла церковь. В этом году уровень Чудского озера высок, и многие дороги были залиты водой. По виду эта церковь похожа на крепость: окна узкие, как бойницы. В стенах есть отверстия-голосники для усиления голоса.

С берега Кобыльего Городища наш руководитель Евгений Платонович показал место на озере, где происходило Ледовое побоище.

21/VI. На моторной лодке едем по реке Желче до деревни Низовицы. Это разведывательная поездка.

Низовицы... Ищем старожилов. Нам указывают на Ивана Степановича Марфина.

Он сообщает нам, что в трех километрах к северу от Низовиц есть остатки древнего городища. Рассказывает легенду о золотой бочке.

Оказывается, Г. Н. Караев интересовался не только местом Ледового побоища, но и коммуникациями, то есть путями сообщения, XIII века.

Он предполагает, что по реке Желче проходил один из торговых путей XIII века, и считает, что в верховьях Желчи есть пункт, откуда проходил волок на реку Люту, а оттуда — на Плюссу и Лугу.

Судя по названию, таким пунктом была деревня Волошна.

На обратном пути нас застал дождь. По дороге к нам присоединилась группа эстонских аквалангистов, идущих к Караеву.

ПО «УЗМЕНИ» К «ВОРОНЬЕМУ КАМНЮ»

22—23/VI. Сегодня была беседа с Караевым. Георгий Николаевич рассказал нам, как работает экспедиция по уточнению места Ледового побоища. Завтра начинается работа аквалангистов и водолазов, а также испытание металлочувствительных приборов на предполагаемом месте битвы. По виду один из этих приборов похож на маленький самолет.

Мы показали Караеву и другим членам экспедиции собранные нами материалы. Всех заинтересовало сообщение о древнем городище в Сторожинце.

После беседы мы плыли на катере «Лещ» по «узмени», увидели место, где был «Вороний камень», обогнули остров Городец... Здесь в 1242 году была историческая битва с немецкими рыцарями. «Кто с мечом к нам войдет, тот от него и погибнет!» Как верны эти слова Александра Невского и по сей день!

Молодцы, выполнили задание!

...Проделав, согласно выдвинутому руководством экспедиции заданию, маршрут вдоль восточного берега Чудского озера, отряд прибыл к месту расположения базы экспедиции в деревне Самолва и сообщил ряд ценных в историко-археологическом отношении данных.

Сообщенные участниками отряда сведения содействовали работам экспедиции по уточнению мест нахождения в XIII веке русских пограничных застав на западных рубежах новгородско-псковских земель. В частности, сообщенные участниками отряда сведения о древнем городище у деревни Сторожинец подтвердились произведенными затем в этом месте археологическими исследованиями.

Руководство экспедиции выражает благодарность руководителю отряда тов. Николаеву Е. П. и всем участникам отряда за их активное участие в исследовании славного исторического прошлого нашей великой советской Родины.

Руководитель экспедиции Академии наук СССР
генерал-майор **Караев**

Рисунки П. Кирпичева.

КОРШУН И КУРИЦА

В те времена, когда птицы еще умели говорить, между Коршуном и Курицей царило полное согласие. Они очень дружили и пользовались любым случаем, чтобы оказывать друг другу услуги. Поссорились они из-за иголки.

Однажды Курице вздумалось пробраться через колючий кустарник, и она слегка порвала перья на кончике левого крыла. Чтобы починить свой наряд, Курица побежала к другу и попросила его одолжить ей иголку.

Коршун был счастлив, что может чем-то помочь приятельнице, и тут же вручил ей иголку, но предупредил, что вернуть иголку нужно поскорее, так как эта вещь ему очень дорога.

Курица была весьма неряшливая и взбалмошная особа. Кончив починку, она положила иглу на землю и принялась болтать с проходившей мимо соседкой о своих новорожденных цыплятах.

Эта увлекательная беседа длилась больше часа, и лишь когда соседка ушла, Кури-

ца вспомнила про иголку. Она принялась искать ее... Но — увы! — иголки не было.

Раздосадованная, Курица стала разгребать землю вокруг. Но тщетно она скребла и ковыряла — иголка не находилась.

Пришлось Курице признаться Коршуну, что она потеряла его иголку. Коршун рассердился и сказал:

— Я не могу обойтись без этой иголки. Устраивайтесь, как хотите, но отыщите ее, или вы дорого мне заплатите!

С этим они расстались. Курица побежала домой и снова принялась скрести, ворошить, искать повсюду... Но все без толку!

Тогда она вернулась к Коршуну, чтобы снова просить прощения.

Коршун, который злился все сильнее, сказал ей:

— Раз так, то я съем твоих детей и детей твоих детей. Только это возместит мне потерю моей иголки!

С тех самых пор коршуны, которые очень злопамятны, поедают маленьких цыплят, а куры, в надежде отыскать иглу и спасти своих птенцов от гибели, без устали разгребают землю.

Перевела Л. Зонина.

КТО СТАРШЕ?

Однажды затеяли лесные и полевые звери великий спор, кто из них старше и достоин наибольшего уважения. Долго они спорили и в конце концов решили обратиться к пауку Ананзи, чтобы тот их рассудил.

Пришли они к Ананзи.

— Мудрый Ананзи, зашел у нас спор о том, кто из зверей раньше всех на свет появился. Рассуди нас, пожалуйста.

Ананзи приказал принести ореховую скорлупу и взобрался на нее с таким важным видом, словно он был вождем племени и восседал на резном стуле.

Первой заговорила цесарка. Она сказала:

— Клянусь, что я старше всех живущих на земле. Когда я родилась, кругом горела трава. Огонь тушить было некому, я бросилась в пламя и затоптала его. Мои лапки сильно обгорели. Видите, они и до сих пор красные.

Посмотрели звери на цесарку и убедились своими глазами, что это сущая правда: лапки у нее были красные. Они сказали:

— Да! Конечно, она самая старая!

Тогда попугай возразил:

— Клянусь, что я старше цесарки. Когда я родился, на свете еще не было никаких инструментов. Я ковал первый железный молоток собственным клювом, и от этого он у меня загнулся.

Поглядели звери на клюв попугая, удостоверились, что он загнут, и вскричали:

— Да ведь попугай и вправду очень стар!

Тут заговорил слон:

— Клянусь, что я старше цесарки и попугая. Я родился с длинным-предлинным носом. На него пошло столько материала, что другим уже не хватило. Вот почему у всех зверей и птиц носы короткие.

Оглядели звери хобот слона и единодушно согласились:

— Да-а! Пожалуй, слон действительно самый старый!

Тут вмешался дикий кролик:

— Клянусь, что нет зверя старше меня. Когда я появился на свет, еще не было разницы между ночью и днем, вот почему я вижу в темноте так же, как при свете.

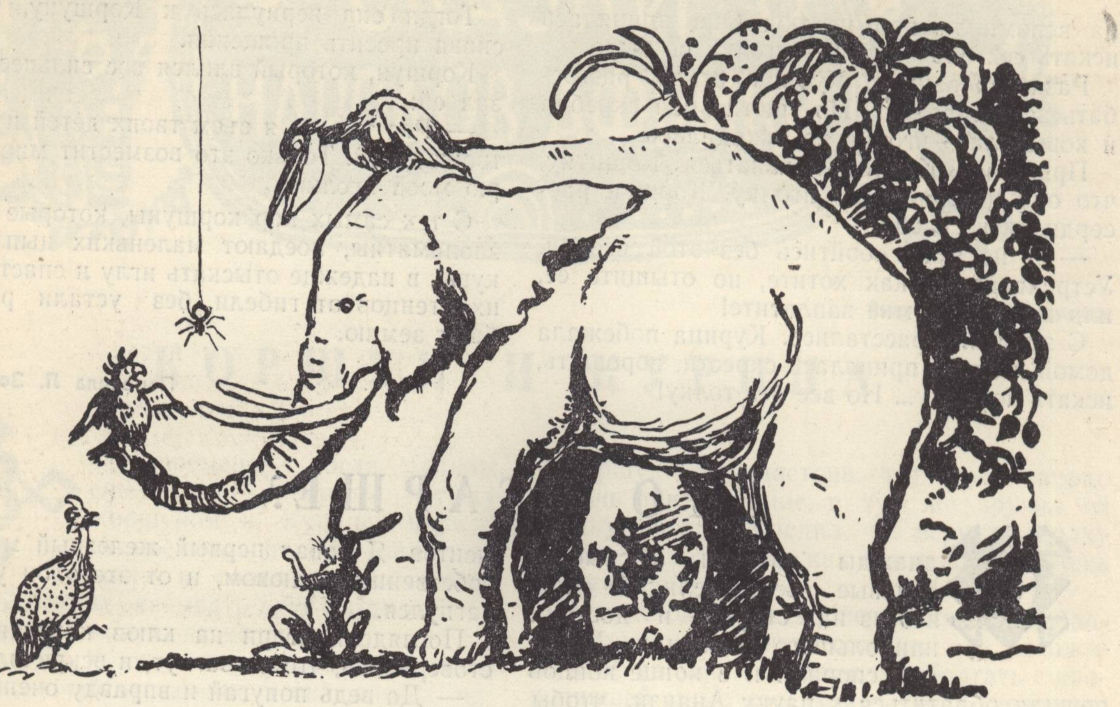

Звери одобрительно закивали головами и высказались в один голос:

— Да-а-а! Не иначе, как он самый старый!

Последним заговорил пеликан:

— Ну нет, клянусь, что все вы признаете меня старейшим. Ведь когда я родился, земля еще не затвердела и была мягкой, как масло, так что по ней

и ходить было невозможно. Хорошо, что у меня на ногах перепонки, а то я бы и шагу ступить не смог.

Это было самое веское доказательство, и звери без колебаний решили:

— Ну кто же может быть старше пеликана?

Затем они приготовились выслушать мнение паука Ананзи. Паук сидел на скорлупке и, покачав головой, произнес:

— Вот если бы вы явились ко мне сразу, не пришлось бы вам затевать весь этот долгий спор, потому что именно я старше вас всех. Когда я родился, земли еще не существовало вовсе, так что и стоять-то было не на чем. Пришлось мне повиснуть на собственной паутине.

Услыхав эти слова, звери сразу порешили:

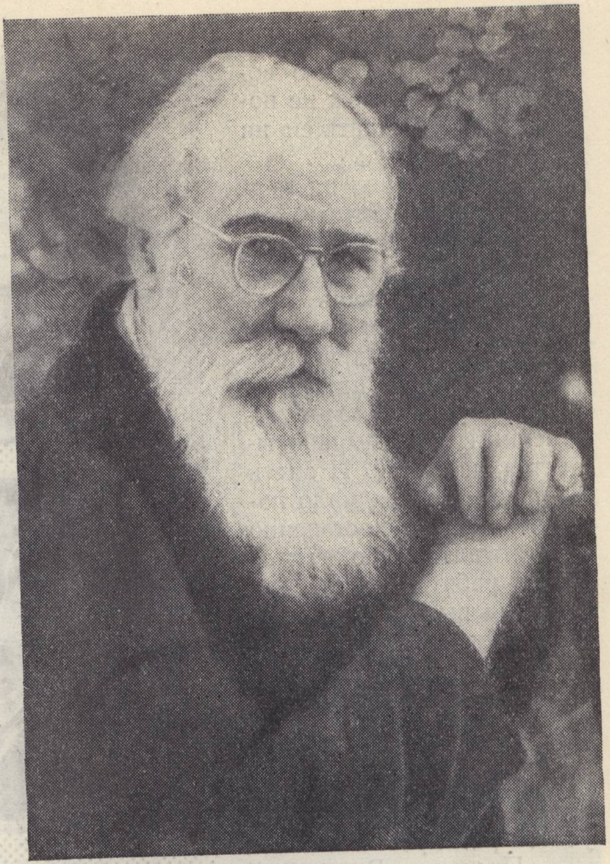
— Да, конечно, нет на свете никого, кто был бы старше паука Ананзи. Какие же могут быть в этом сомнения?

Вот почему и до сих пор все звери почтительно обходят паутину.

Пересказала Л. Завьялова.

Беседа
с народным художником РСФСР
В. А. ФАВОРСКИМ

О КРАСОТЕ И ХОРОШЕМ ВКУСЕ

С художником Владимиром Андреевичем Фаворским мы беседовали в саду. Соседи, друзья, домочадцы художника, заходившие сюда, невольно вступали в разговор; дочка Владимира Андреевича, тоже художница, работая в цветнике, время от времени вставляла слово... Даже деревья, даже тюльпаны, красные чашечки которых так весело выделялись на сочной зелени, принимали посильное участие в беседе: не они ли напомнили Фаворскому тот школьный сад, куда его недавно зазвали пионеры?

* * *

— Очень хороший сад. Отличный. Все там есть: яблони, вишни, цветы великолепные. Все насадили ребята. Красивый сад. А мог бы стать еще лучше, если бы...

— Если бы, Владимир Андреевич?..

— Но ведь в саду могут быть не только цветы и деревья. Есть еще вещи, способные подчеркнуть, усилить его красоту. Скажем, ограда... Самый простой забор можно сделать очень красивым, живописным. И хорошо бы поставить в саду вазы, статуи,— словом, внести декоративный элемент...

Тут кто-то из вошедших заметил, что иная статуя не только не украсит сада, но может даже испортить впечатление.

— Случается,— согласился художник и улыбнулся в бороду.— Тут перед ребятами нелегкая задача. Две даже. Во-первых, выбрать хорошую вещь, в самом деле художественную, чтобы она выдержала соседство с деревьями и цветами.

— А какую же вещь можно назвать художественной? Как это определить?

— Ну, конечно, в двух словах этого не объяснишь. Например, статуя... У нас иной раз не только ребята — и взрослые даже, желая похвалить статую, говорят: «Совсем как живая». Похвала ли это?

Если речь идет о буквальном, чисто внешнем сходстве с оригиналом, то ничего лестного в таких словах нет. Скажем, иная статуя пионера может издали показаться живым мальчиком. А вглядишься в нее — и остается пренеприятное впечатление. Нос, как у живого, руки и ноги, как у живого, а настоящей жизни-то и нет. Художник точно скопировал то, что видел, а биения жизни, ее музыки не смог передать. Муляжи — слепки овощей, фруктов, которые в витринах иногда выставляют,— тоже очень «правдоподобны», чучело тоже похоже на живое существо. А что в них художественного?

Нет, искусство не копирует жизнь. Оно так же, как и наука, познает жизнь и преображает ее. Наблюдая жизнь, художник отбирает самое характерное и воплощает его так, как это ему одному свойственно. В настоящем художественном произведении непременно сказываются особенности художника. Если бы искусство заключалось только в рабском подражании жизни, то не было бы у нас разных художников, все бы рисовали и лепили одинаково...

В статуе-«муляже» нет ни капли творческого воображения. И я бы не посоветовал украшать ею ни сад, ни комнату...

— Ну, знаешь, на первых порах ребятам, пожалуй, трудновато будет отличить настоящую художественную вещь от подделки,— говорит дочь Владимира Андреевича, работающая в цветнике.

— Разумеется, художественный вкус вырабатывается не сразу. И здесь одни объяснения мало помогут. Нужно постепенно воспитывать свой глаз. Пусть ребята почаще бывают на выставках, в музеях. Пусть внимательно рассматривают творения настоящих художников: скульптуру, живопись, главное, живопись. Тогда они постепенно и в прикладном искусстве научатся разбираться.

— Простите, Владимир Андреевич, но какая же связь между живописью и прикладным искусством? Что общего между картинами больших мастеров и, ну, скажем, разными там статуэтками, мебелью, одеждой?..

— Как это «какая связь»?! Да самая прямая! Всегда, в эпохи, когда искусство было развито, живопись влияла на прикладное искусство. Художник, так сказать, задавал тон, он был родоначальником определенного стиля. И, следуя за художником, краснодеревщик делал мебель, портной придумывал модели одежды.

Но это—начало другого, большого разговора. Вернемся к нашей теме. Да, ребятам нужно почаще и поглубже знакомиться с подлинными произведениями искусства. И народное искусство нужно лучше знать! Вот ведь ребята, живущие на Украине, в Средней Азии, в Прибалтике,— с какими чудесными вещами они встречаются ежедневно! Скажем, народный орнамент—сколько тут воображения, вкуса, какие краски чудесные! Человек, воспитанный на настоящем народном искусстве, никогда не поставит в сад или в комнату бездарную, безвкусную вещь.

Да ведь необязательно покупать в магазине вазу или статую. Можно ведь и самим их сделать: почти в каждой нашей школе есть свои талантливые скульпторы, художники. Ничего, если их работы еще несовершенны, зато это свое! И тут не нужно бояться фантазии, воображения. Смотрите, как интересно, выразительно, смело рисуют и лепят малыши! Конечно, они не знают перспективы и других законов, которые нужно знать. Но законы законами, а воображения в себе убивать не надо. Посмотрите опять-таки на народное искусство — какие смелые творения подчас создают безымянные художники!

— Владимир Андреевич, вы сказали вначале, что перед ребятами при украшении сада или дома две задачи. Одна—выбрать хорошую вещь... А другая?..

— Другая — найти ей место. Это ведь тоже очень важно. Знаете, как проигрывает даже прекрасный памятник, если его неудачно поставили? При выборе места все нужно учесть: и смысл изображенного, и форму,

Посмотрите на левую страницу. Видите, как расписали художники В. Орлова, Ю. Нерода, Г. Кретова и Э. Визин обыкновенные тарелки! Рисунки на них совсем несложные, а на стене тарелки выглядят очень красиво.

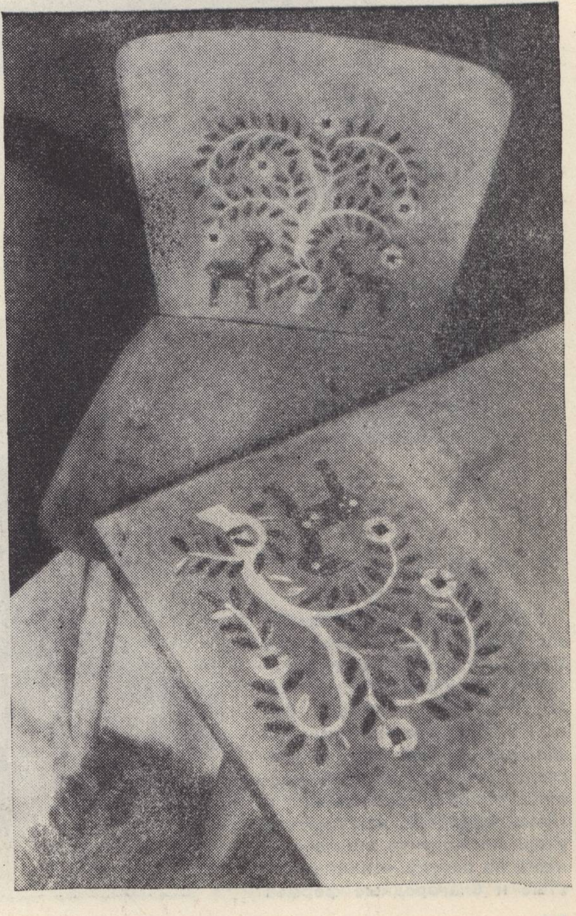
А нравится ли вам эта декоративная ткань работы художника А. Чертока; детская мебель, сделанная учащимися Рижского училища прикладных искусств; кувшин с кружкой работы художника М. Ратиса? Разве вы, ребята, не могли бы так же разрисовать или вышить занавески, или расписать столик и стул для своих младших сестренок и братишек? Можете использовать эти рисунки, а можете придумать другие, по своему вкусу.

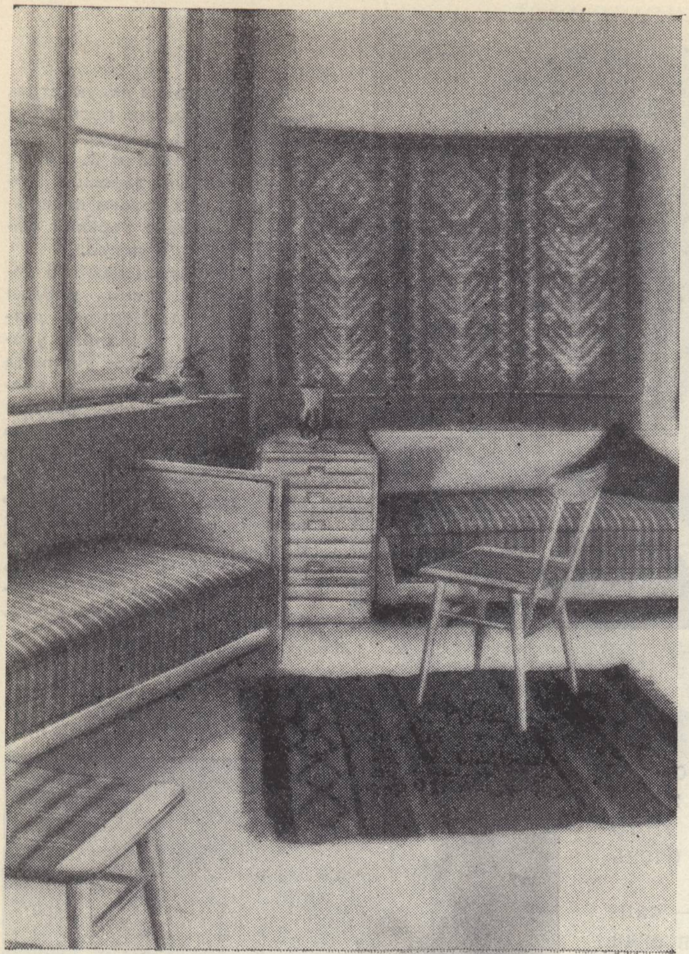
и цвет... Возьмите хоть у нас, в Москве... Как хорош памятник Островскому возле Малого театра, с которым вся жизнь этого драматурга была связана! Очень, очень удачно выбрано место!

У архитекторов есть такое понятие — «ансамбль», совокупность... Так вот, надо всегда думать об ансамбле — как выглядит эта вещь в совокупности с другими, на фоне других. Это не только к саду относится, но и к квартире. И прежде всего к оформлению школы.

У нас иногда думают: «Чем больше, тем лучше». И понатащат в школу всяких вышивок, салфеточек, понавесят картинок. А в итоге получается не красота, а пестрота. По-

тому что это делается без всякой мысли о целом, об общем впечатлении. А ведь школу можно оформить просто, скромно и в то же время весело и красиво. Нужно только, чтобы все было продумано, все сделано в одном стиле — от школьной вывески до надписей на библиотечных шкафах. И о красках, которые будут преобладать в оформлении, тоже нужно хорошенько подумать...

Тут я рассказала Владимиру Андреевичу о рижской школе № 4, где была недавно. В этой школе ребята каждый год решают сообща, какой цвет будет преобладать нынче в надписях на стендах, плакатах: синий, зеленый или красный. Как просто и вместе с тем красиво убраны там пионерская и комсомольская комнаты! Какими веселыми цветами и картинками встречает первый класс малышей! Как приветлив увитый зеленью уголок, где ожидают малышей родители!

— Вот видите, это в Латвии...— сказал Владимир Андреевич.— Везде, где прикладное искусство тесно связано с народным, дома и школы обставлены красиво. И нужно, чтобы так было везде. В этом деле ребята очень многое могут сделать и в школе и в квартире...

Уютно, удобно и красиво обставлена эта комната! Мебель сделана выпускниками Училища прикладных искусств города Риги из дешевого материала — фанеры. А как чудесно выглядит этот настенный коврик: солома, вплетенная в ткань, сверкает, как золотой узор! Посмотрите внимательнее и на посуду — какие простые и благородные формы!

Конечно, выбор мебели от ребят не зависит. Но многие вещи, да и самую комнату мальчик или девочка с художественным вкусом, с фантазией может до неузнаваемости преобразить. И материал для этого требуется самый нехитрый... Знаете, мне пришлось как-то жить в избе с потолком, оклеенным бумагой. Так я сделал на нем из бумаги же аппликацию: облака и летящие птицы. Получилось очень неплохо.

Ребята, умеющие рисовать,— а ведь почти все ребята рисуют! — могут очень красиво расписать, скажем, розетку, с которой свисает ламповый шнур, или сделать роспись вокруг двери. Здесь опять-таки у народных художников нужно учиться, у народного орнамента.

А абажуры, полочки, занавеси? Здесь полный простор для фантазии юного художника! Да, да, мотивы нужно черпать в народном искусстве. Но не надо бояться вносить кое-что и от себя. Ведь народное творчество тем и хорошо, тем и живо, что каждый художник вносит что-то свое в старое, традиционное...

Старшие ребята, особенно те, кто занимается в столярных кружках, могут сами сделать отличную мебель для малышей. Да и покупную детскую мебель тоже можно по-своему расписать. Только не нужно увлекаться чрезмерной яркостью; самые скупые украшения могут быть веселыми, нарядными.

Малыши тоже непременно должны принимать участие хотя бы в расстановке вещей в квартире. Это и художественный вкус развивает и приучает с малых лет бережней относиться к вещам.

Комната, на мой взгляд, должна быть веселой, но не пестрой. Вещи могут быть самые простые. Важно, чтобы каждая нашла свое место. Как-то я был у одной старушки; так у нее над постелью висел ковер с воспроизведением репинской картины «Грозный и его сын». Картина-то сама по себе хороша, но не представляю, какие сны снятся этой старушке! Нет, ни убийствам, ни страшным зверям над кроватью не место!

...Какую вещь можно назвать декоративной? Мне кажется, что всякая вещь, если она сама по себе хороша, если она нашла свое осмысленное место, если она гармонирует со всем окружающим, может стать декоративной, то есть украшающей наш быт. И чтобы украсить быт, не нужно дорогих вещей. Для этого прежде всего нужен вкус, умение, а все это понемногу и при желании приобретается. Нужна для этого творческая фантазия, а ее сколько угодно у наших ребят.

Записала **Ю. Новикова.**

„Красота" базарная

Такие вещицы все вы, возможно, встречали на рынке... Вот они, уродливо размалеванные гипсовые мопсы, скорее смахивающие на свиней, чем на собак, аляповатые вазочки, рамки, разукрашенные по принципу «чем больше, тем лучше»...

Вот статуэтка — пастушка, похожая на овцу, и овца, напоминающая допотопное чудище... Люди, делавшие эти безделушки, лишены всякого воображения: они нагляделись на обстановку мещанских квартир прошлого века и кое-как воспроизвели эти безвкусные образцы. Какие безобразные формы! Под стать им и краски, которые мы здесь не имеем возможности воспроизвести.

Конечно, о вкусах не спорят. Но мы не советовали бы украшать комнату такими безделушками.

ОСТАНЦЫ

Я очень люблю свою работу, потому что она позволяет мне много путешествовать. И всегда, кроме киноаппарата, я обязательно беру с собой фотоаппарат и снимаю все интересное, что мне повстречается. Из каждой поездки я привожу уйму снимков.

Я был на Байкале, на побережье Тихого океана, побывал в Крыму, поднимался с киноаппаратом на вершину Казбека, проехал всю Военно-Грузинскую дорогу и Кавказское побережье, ездил на лошадях к истокам Печоры, несколько раз прошел на лодке Чусовую, побывал на месте падения Тунгусского метеорита и проплыл почти всю Подкаменную Тунгуску.

Из этих путешествий я привез много фотографий, на которых запечатлены диковинные скалы и камни. В народе их называют останцами.

Останцы — это свидетели длительного наступления на горы жары и мороза, воды и ветра, растений и животных, наступления, длившегося сотни тысяч, миллионы лет.

Днем солнечные лучи нагревают камни, и они расширяются, а ночью, остывая, сжимаются. Совсем ненамного то отодвигаются друг от друга, то сближаются мельчайшие зерна, из которых складываются горные породы, но проходят тысячелетия, ослабевают силы сцепления, удерживающие зерна вместе, и горная порода рассыпается. Чем резче колеблется температура дня и ночи, лета и зимы, тем скорее разрушаются горы.

Помогает этому и вода. По тончайшим, незаметным для глаза трещинам проникает она внутрь камня. Замерзая, она разрывает ходы, расширяет и углубляет их.

В воде есть кислоты и щелочи. Они растворяют известняки, превращают в глину полевой шпат, а железо — в охру.

В трещинах накапливается пыль, песок. Ветер приносит семена растений, и они прорастают, пускают свои корни глубоко в трещины и, как клинья, расширяют их, раскалывают большие куски породы.

Лишайники и мхи сосут из камня соли, выделяют из своих корешков кислоты, разъедающие даже твердые минералы.

Мельчайшие, невидимые бактерии и микроорганизмы — в одном грамме почвы их несколько миллионов — питаются горными породами. Одни из них предпочитают полевой шпат, другие пожирают слюду.

Вот сколько врагов у гор! Все они медленно, незаметно разрушают скалы. Ветер сдувает пыль и обломки пород, вода смывает и уносит с собой маленькие и большие камни. Остаются только самые стойкие, самые крепкие скалы — останцы.

Посмотрите внимательно на снимок каменных идолов — Мань-Пупы-Нер. Когда-то здесь был сплошной горный массив. Процесс выветривания расширял и углублял вертикальные трещины, и гряда постепенно разделилась на цепь отдельных камней — останцев. Только они уцелели от целой толщи пород, уничтоженной выветриванием.

Жаль, что я не могу показать вам всю свою коллекцию снимков: она займет слишком много места в журнале. Но мне очень хочется, чтобы те снимки, которые вы видите здесь, пробудили у вас желание снимать не только людей, но и неживую природу, окружающую вас.

Отправляясь в экспедицию или в поход, берите с собой фотоаппарат. Мертвую природу легче фотографировать, чем живую: животных и насекомых. Причудливые скалы и камни — прекрасные объекты для ваших съемок.

Снимайте все интересное, необычное. Свои снимки присылайте в редакцию.

М. Заплатин, кинооператор

Северный Урал. На мансийском языке эта гора — Ман-Пупы-Нер. В переводе на русский язык это значит «Гора малых идолов».

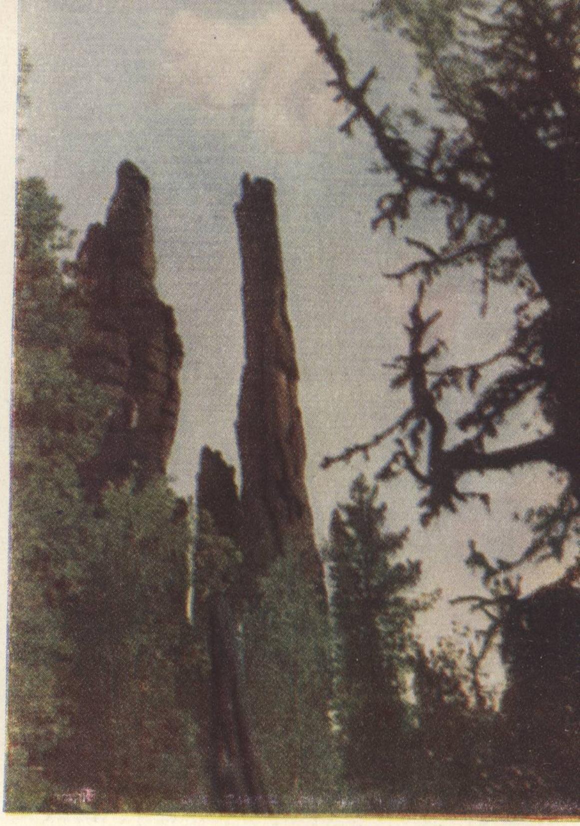
Фотографии М. Заплатина.

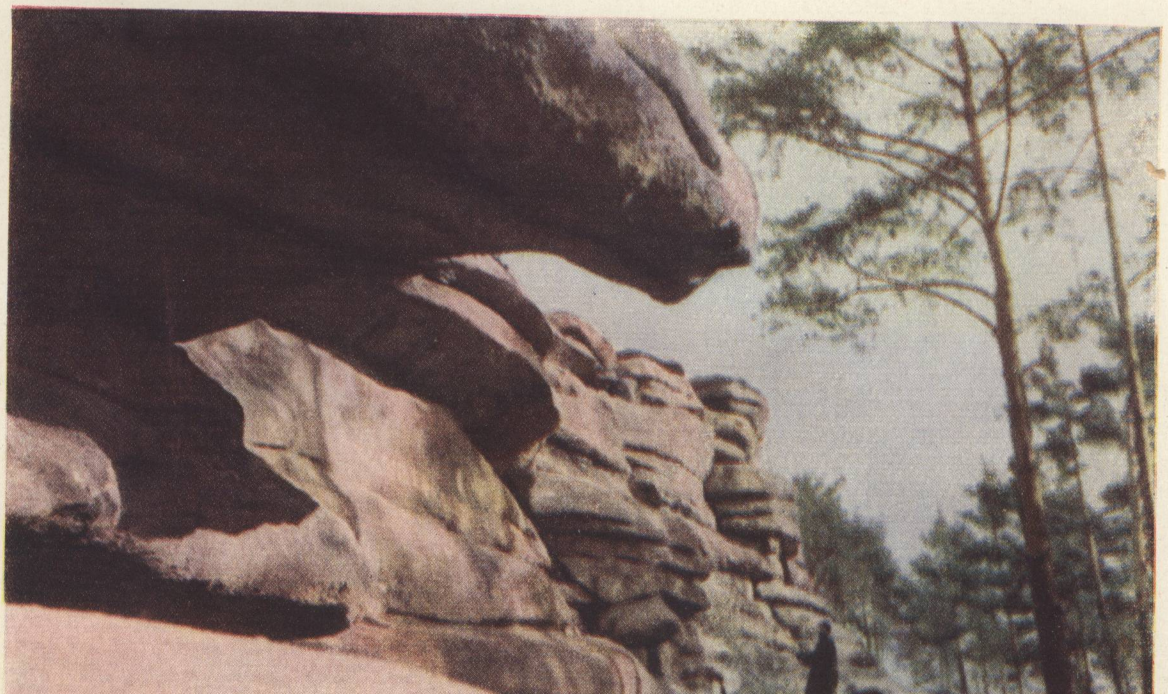
Эти камни, напоминающие человеческие фигуры, возвышаются возле Бахчисарая.

«Столбы» на реке Чусовой.

Береговые скалы на Подкаменной Тунгуске.

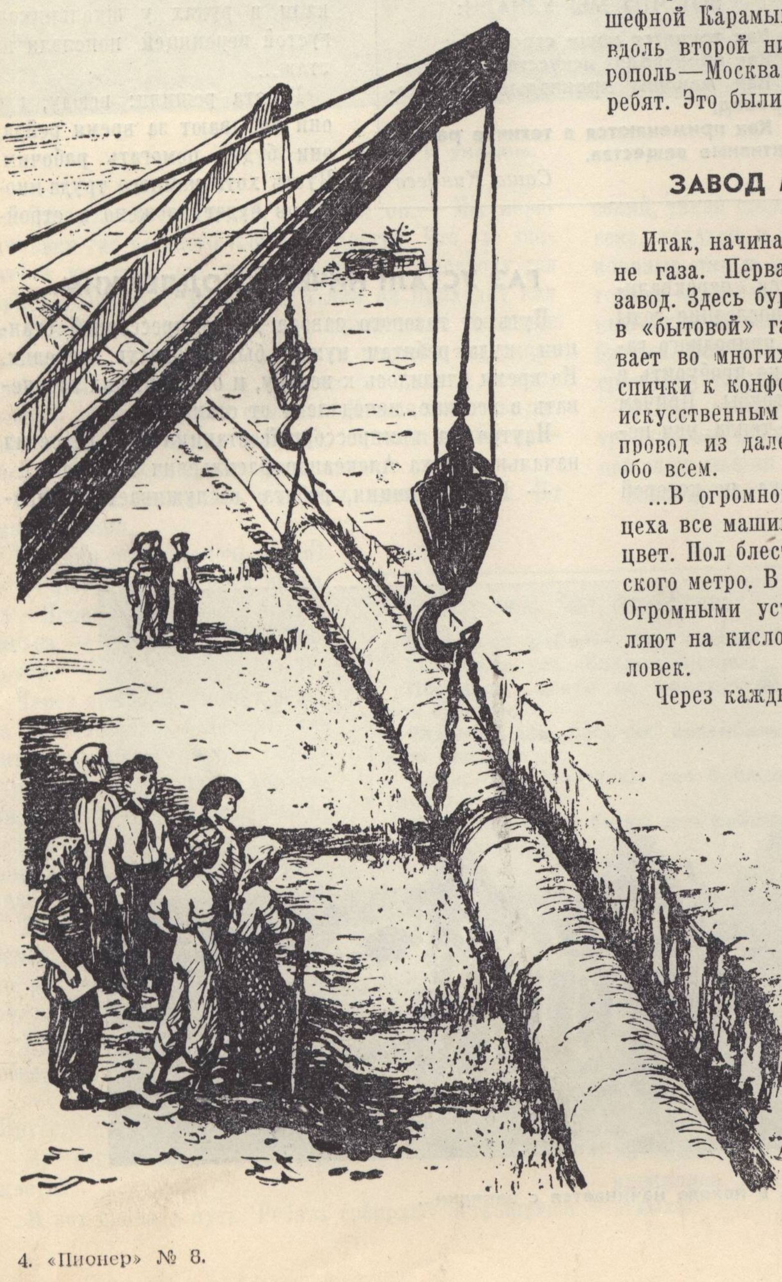
«Каменные палатки» у озера Шарташ под Свердловском.

Фотографии М. Заплатина.

ПО ПУТИ ПЛЕНЕННОГО ГАЗА

Л. ЭКОНОМОВ

Фото ученика 7-го класса
А. Благовещенского.

Первого сентября нет конца рассказам: кто где был летом, кто что повидал... В классах и коридорах первой тульской школы будут, конечно, говорить о рейде красных галстуков. Нынешним летом пионеры этой дружины вместе с пионерами из подшефной Карамышевской сельской школы прошли вдоль второй нитки строящегося газопровода Ставрополь—Москва. Я тоже побывал в походе тульских ребят. Это были очень интересные семь дней!

ЗАВОД МЕНЯЕТ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Итак, начинается наш рейд по удивительной стране газа. Первая остановка — Щекинский газовый завод. Здесь бурый подмосковный уголь превращают в «бытовой» газ, тот самый газ, который вспыхивает во многих домах, когда подносят зажженные спички к конфоркам на кухнях. Значит, пользуются искусственным газом? Зачем же тогда тянуть газопровод из далекого Ставрополя? Мы скоро узнали обо всем.

...В огромном светлом помещении кислородного цеха все машины выкрашены в мягкий серебристый цвет. Пол блестит, как на лучших станциях московского метро. В машинном зале почти не было людей. Огромными установками, в которых воздух разделяют на кислород и азот, управляют несколько человек.

Через каждые три минуты над крышей слышался резкий, заглушающий разговоры звук, будто на нее бросали с высоты листы жести. Это выхлопывался в воздух азот. Кислород же по тонким голубым трубопроводам направлялся в газогенераторный цех.

Многие ребята впервые увидели жидкий кислород. Один из рабочих налил его в ведро и поставил на пол. Голубая жидкость испарялась. Кислород кипел, и для этого его не нужно было подогревать. Ведь он закипает при температуре минус 182 градуса.

Нина Александровна, заведующая учебным комбинатом,

окунула в ведро конец резинового шланга, а потом стукнула им по полу. Резина разлетелась на мелкие куски. Под действием очень низкой температуры жидкого кислорода она стала твердой и хрупкой, как стекло.

Мы идем от цеха к цеху. Газогенераторный цех. Здесь с помощью кислорода и превращают уголь в горючий газ.

Цех очистки. Странный цех! Огромная, в несколько этажей аппаратура установлена прямо в поле. Даже крыши нет. Сколько нужно было бы затратить материалов, силы и времени для строительства специального помещения под эту аппаратуру! Ведь пришлось бы целый высотный дом ставить! В семилетке будет построено много заводов под открытым небом. За счет этого наше государство сэкономит колоссальные средства.

Рядом с заводом — строительная площадка. Возводятся новые корпуса.

И тут Нина Александровна рассказала нам об интересной судьбе Щекинского завода.

Оказывается, теперь заводу придется «переквалифицироваться». В нашей стране за последние годы открыто много новых месторождений природного газа, для получения которого надо только пробурить в земле скважину и подвести к ней трубы. Причем природный газ дает в два раза больше тепла, чем искусственный.

Сейчас прокладывается вторая нитка, по которой газ пойдет из Ставрополя в Москву. Вот почему выработка бытового газа на Щекинском заводе прекращается. Его оборудование будет использовано для других целей. Здесь вырастет большой капроновый завод.

— Это наша комсомольская стройка,— добавила Нина Александровна.— Руководит ею специальный молодежный штаб.

Ребята столпились около транспортера, которым строители подавали наверх кирпичи. Саша Киндеев молча поднял один кирпич и положил на бегущую ленту. То же самое сделал Коля Трухачев. Это послужило сигналом для других. И вот уже транспортер облепили со всех сторон ребята. Белые кирпичи замелькали в руках у школьников, густой вереницей поползли на этаж...

Ребята решили: всюду, где они побывают за время рейда, они будут помогать рабочим. Пусть хоть немного труда пионеров будет вложено в стройку!

ВОТ ЧТО МЫ УЗНАЛИ:

Как трудятся наши строители;
Как производят искусственный газ;
Как машины прокладывают газопровод;
Как применяются в технике радиоактивные вещества.

Саша Киндеев

ГАЗ УСТАЛ! НИЧЕГО, ПОДДЕРЖИМ...

Путь от газового завода до компрессорной станции, куда ребятам нужно было попасть, невелик. Но время близилось к вечеру, и отряд решил заночевать в лесочке, неподалеку от станции.

Наутро на компрессорной станции нас встретил начальник цеха Александр Васильевич Тимаков.

— Наша станция, ребята, обслуживает газопро-

День в походе начинается с зарядки...

Труба готова к укладке.

вод Ставрополь — Москва,— сказал он.— Мы перекачиваем газ с одного плеча на другое. Что это значит? А вот что: при движении по трубопроводу газ теряет скорость и давление. К нам он приходит как бы уставшим, словно путник, прошедший большое расстояние. С помощью сильных насосов мы снова повышаем давление газа и гоним его дальше, к следующей компрессорной станции. Можно было бы подавать газ и без таких станций, но тогда трубы приносили бы газа в четыре раза меньше.

Ребята распрощались с начальником станции. Но уходить рано.

Чем они могут помочь здесь?

— Вот цветы привез вчера из Ясной Поляны,— сказал завхоз, — Львиный зев, бархотки.

Через несколько минут ребята уже тащили к газонам, разбитым на дворе, ящики с цветами. Вооружившись лопатами, они стали рыхлить землю, делать лунки для рассады. Потом завхоз принес ведра, стали подносить воду для поливки.

Девочки высаживали в землю цветы. Мальчики где-то раздобыли тачку и принялись очищать аллейки от камней.

Пришли дежурные повара и доложили, что готов обед.

— Надо бы закончить газоны,— сказала Галя Прусс.

Все согласились. Работали, пока не высадили все цветы.

И вот снова в путь. Ребята собирают оставшуюся после привала бумагу и мусор. Решили прихватить с собой колья, на которых были натянуты палатки. Оказалось, с их помощью удобно нести палатки, да и не надо будет рубить деревца на новом месте.

Нам нужно засветло добраться до стана строителей новой линии газопровода. Стан в десяти километрах, около Скуратова.

Шли колонной по одному вдоль только что проложенного газопровода, который зарыт в земле. И только в оврагах, или, как говорят строители, на «переходах», труба лежала в траншее еще открытой.

Начался лес, да такой высокий, такой старый, дремучий!.. Ребята шли по просеке, гладкой и прямой. Потоки солнца падали на корявые пни и корневища, выбитые из земли тракторами-корчевателями, на земляные отвалы, сделанные бульдозерами, на черные лужицы застывшего битума. Все здесь говорило о только что прошедшем сражении техники с природой.

Иногда трасса пересекала дороги. В этих местах трубопровод прокладывали, не нарушая полотна,— с помощью машин горизонтального бурения.

Машину опускали в траншею, прорытую к дороге, и она начинала вращать огромный бур-сверло, вгрызаться в землю под дорогой. Одновременно с этим в образовавшееся отверстие постепенно вдвигали толстый металлический «патрон». В нем-то, как в туннеле, и проходит под дорогой труба газовой магистрали.

На «проколе» через шоссейную дорогу (так строители называют место бурения) ребята познакомились с бригадой бурильщиков Ивана Федина. Бригада была совсем небольшая — всего четыре человека.

— Может, помочь? — предложил Коля Трухачев.

— Спасибо, обойдемся,— улыбнулся помощник машиниста Алексей Сошнев.— Голыми руками в нашем деле не поможешь.

На фоне темного террикона старой шахты светло-зеленые вагончики механизированной колонны были видны издалека. Мы все уже изрядно устали, но крепились. До стана механизаторов решили идти без отдыха.

ВОТ ЧЕМ МЫ ПОМОГЛИ:

Дали для рабочих два концерта;
Выпустили два «боевых листка»;
Посадили цветы на компрессорной станции;
Разбили для рабочих волейбольную площадку;
Подарили строителям две библиотечки;
Подготавливали битум для работы, подавали кирпич.

Неля Захарова

На стане было еще тихо и безлюдно. Все рабочие находились на трассе. Они ведут магистраль к Тульскому металлургическому комбинату.

МЫ ДАЕМ КОНЦЕРТ

Решено: мы выступаем перед рабочими с концертом.

— Меня запишите, я спою!

— А я прочту стихотворение!

Шура Киндеев и Витя Ивлев решили показать инсценировку.

Часа за два перед концертом провели в овраге генеральную репетицию. К ребятам подошел заместитель начальника колонны Николай Васильевич Прокофьев.

— Хотите устроить концерт? Вот если бы вы отметили наших передовиков и покритиковали нарушителей трудовой дисциплины, а? — Он подал бумажку с фамилиями.

— Эх, жалко, поэта нет! — вздохнула Надя Медведева.

— Подождите, девочки, давайте вместе сочиним! — предложила Шура Белкина.

Шура достала карандаш, блокнот, и ребята приступили к делу. Список передовиков был большой, а пионерам хотелось каждому посвятить отдельную частушку.

...Вместо сцены — бугристая, изъезженная тракторами земля, вместо потолка — небо. Концерт идет неплохо, зрители рады.

И вдруг — частушки о строителях. Что тут творилось! Хлопали без конца.

— Ай да пионеры, ну и молодцы!

Не ждали рабочие и подарка от ребят. Подарок—маленькая библиотечка художественной литературы, которую нес в своем рюкзаке один из участников рейда,— конечно, пригодится на стройке.

На титульном листе каждой книги Нина Кузнецова заранее старательно написала:

«Дорогим строителям газопровода с пожеланием больших успехов в труде на благо нашей Родины от учеников 1-й тульскэй средней школы, в память о встрече во время похода-рейда по трассе газопровода Щекино — Тула.

3 июня 1959 года».

На следующий день участники похода были на ногах уже в пять утра: им хотелось помочь рабочим в очистке битума. Битумом покрывают трубы, чтобы они не ржавели. Его привозят на стройку в бумаж-

ВОТ ЧЕМУ МЫ НАУЧИЛИСЬ:

Быстро разбивать лагерь, ставить палатки;

Разжигать костер в самых трудных условиях;

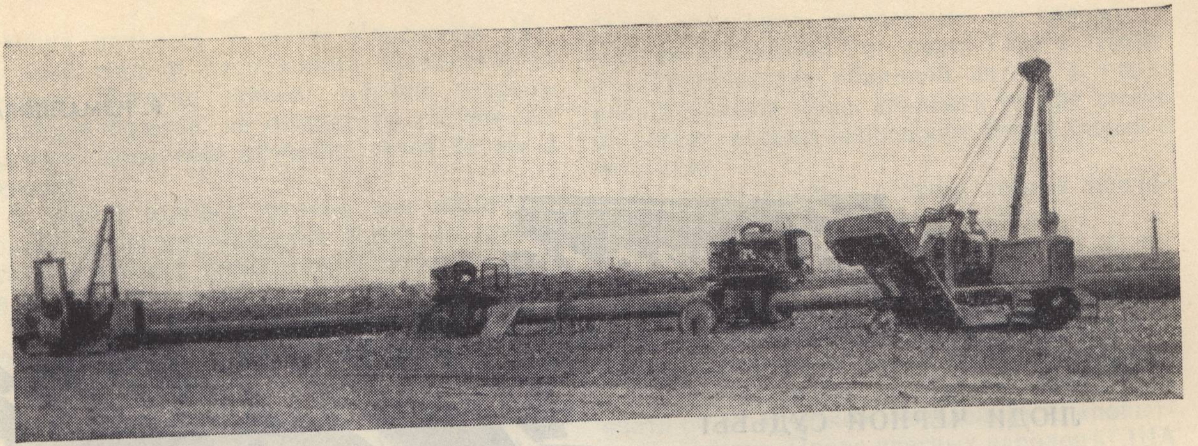
Варить вкусную походную пищу;

Правильно укладывать рюкзак, обуваться и одеваться по-походному.

Коля Трухачев

Хор, конечно, маленький, но разве в этом дело?..

Машины идут в наступление.

ных мешках. В битумоплавильную установку разрешается загружать только битум, очищенный от бумаги, а он крепко прилипает к мешкам.

Оставив двух девочек готовить завтрак, ребята вооружились топорами и стамесками и направились на склад.

— В нашем полку прибыло! — говорили рабочие.— Молодцы! Сразу увидели узкое место.

Сначала работа не очень клеилась, но уже скоро пионеры приноровились.

— Все-таки, наверно, не знают наши изобретатели, как трудно отдирать бумагу от битума, сколько времени уходит на это, иначе бы они придумали другой способ упаковки,— говорили ребята.

После завтрака стали собираться в дорогу: нас ждала новая трасса — Ставрополь—Москва.

БОЛЬШИЕ МАШИНЫ И МАЛЕНЬКИЕ АТОМЫ

Сваренная в нитку труба лежала на чурбаках. Вдоль нее медленно двигались машины.

Впереди шел мощный гусеничный трактор с металлической стрелой, как у подъемных кранов,— трубоукладчик. Свисавшие от стрелы тросы приподнимали трубу и поддерживали ее на определенной высоте. Затем двигалась надетая на трубу очистная машина. Ее стальные скребки и щетки с визгом и скрежетом крутились вокруг трубы, счищая с поверхности грязь, ржавчину и окалину. Другая машина грунтовала трубопровод специальной мастикой из битума и бензина. Замыкала шествие техники изоляционная машина. Она обволакивала трубу расплавленной изоляционной лентой.

Загородившись рукой от солнца, Леонид Петрович, начальник колонны, смотрел на берег Упы, где стояла крытая автомашина.

— Не уехали еще, на ваше счастье. Сходите туда и посмотрите, там наши атомщики работают...

К машине бросились со всех ног. Знакомимся с радиографом Алексеем Павловичем Алексеевым. Он проверяет качество сварных швов с помощью радиоактивного кобальта. Радиоактивные лучи пронизывали сваренные швы на трубе и отмечали на пленке все его недостатки. Делали шву рентгеновский снимок...

— А что это за авторучка такая странная у вас? — спросил Толя Ерусов, показывая на торчавший из нагрудного кармана радиографа светлый наконечник.

— Это не авторучка... Это прибор — дозонатор. Радиоактивные элементы опасны для живого организма. Человек может серьезно заболеть. Чтобы этого не произошло, нам и выдаются такие вот «авторучки», они предупреждают нас об опасности.

Механизаторы предложили ребятам разбить лагерь рядом со станом, пригласили поужинать в их столовой. А потом, когда строители немного отдохнули, участники рейда снова устроили концерт и подарили рабочим библиотечку. И еще договорились: утром напоследок ребята разобьют здесь волейбольную площадку и выпустят «боевой листок».

В тот вечер на стане механизаторов долго не смолкали голоса, музыка.

Пионеры разожгли большой костер. На огонек пришли рабочие.

— Ну, вот и закончился ваш путь,— сказал бригадир механизаторов Василий Герасимович Дрень, поудобнее усаживаясь около ребят.— Отдохнете у нас денек — другой и двинетесь обратно, к дому. А дома спросят, что видели. Что же вы расскажете?

Это был своеобразный экзамен: бригадир задавал вопросы, ребята отвечали.

— Ну что ж, не зря сорок километров прошли! Жизнь увидели трудовую — это главное,— подытожил рассказы пионеров Василий Герасимович.— А за помощь спасибо!

Р. ИЗМАЙЛОВА

Закон джунглей

ЛЮДИ ЧЕРНОЙ СУДЬБЫ

Если в центре Нью-Йорка сесть в автобус и поехать по прямой, как стрела, улице, мимо Центрального парка, в глубь города, то где-то за сотым переулком тебя внезапно охватит странное чувство. Покажется, будто пересек границу и попал в совершенно иную страну.

Почти все пассажиры выйдут к тому времени из автобуса. Останутся только темнолицые люди.

В этом районе всюду люди с темной кожей. Даже у господа бога и богородицы на иконе, висящей над входом в церковь, такие же необычно темные лица и густые курчавые волосы.

Дома здесь поплоше. Мостовые погрязнее. Дети одеты хуже. Нет роскошных автомобилей и крикливых реклам.

Это Гарлем. Негритянский квартал. Люди с черной кожей живут только здесь. В других районах квартир им не сдают.

Когда мои нью-йоркские знакомые пытались убедить меня, что разделение людей по цвету кожи в США давно исчезло, я спросила: «А Гарлем?»

Они обиделись: «Гарлем? Что ж, это дань привычке. Негры хотят жить все вместе, вот и все...»

Однако Гарлем не один. Мне пришлось видеть седьмой участок в Филадельфии — это такое же негритянское гетто. А Южная сторона в Чикаго? Еще хуже. Это самые бедные, самые неустроенные, дальние, изолированные районы...

Каждый день просматривая американскую газетную хронику, убеждаешься в том, что внукам дяди Тома, описанного Бичер-Стоу, все еще приходится нелегко. Рабства нет, но нравы США таковы, что если ты черный от рождения, то должен делать черную работу, есть черный хлеб и покоряться своей черной судьбе...

ОДИН СРЕДИ ВРАГОВ

Есть фотографии, которым не хочется верить. Я видела снимок, сделанный недавно на юге США, в штате Виргиния. Он рассказывает о юноше негре Люисе Кузенсе, которому наконец-то удалось в прошлом году попасть в лицей Мори в Норфолке. На этом снимке Люис сидит один среди пустых скамеек. Белые школьники встретили его враждебно и демонстративно пересели на другую сторону в классе.

Закон о допуске черных учеников в общие школы появился в Америке пять лет назад. Но не так-то легко переделать старые нравы в Виргинии и других штатах Юга, бывших прежде оплотом негритянского рабства. В школах совместного обучения Норфолка из десяти тысяч учащихся только семнадцать — негры. Но и это считается верхом дерзости. Представьте себе горькое чувство юноши Кузенса, на которого даже учителя боятся посмотреть. Многие из них помнят, как поплатились сорок четыре преподавателя школ Литл-Рока. Их выгнали с работы за то, что они осмелились защищать своих негритянских учеников.

Литл-Рок! Печальная известность у этого небольшого городка в далеком Арканзасе. Весь мир знает об отвратительных событиях, которые происходили там два года назад. Чтоб не допустить черных ребят в школы, здесь были устроены погромы под покровительством самого губернатора. В жилищах били стекла, нападали на негров прямо на улицах... И разве только в Арканзасе происходили подобные события? Они повторились тогда в шести южных штатах. И вот спустя два года я снова читаю, что такая же

история началась в штате Миссисипи. Известный своими расистскими настроениями сенатор Истленд заявил: «Лучше закрыть школы и больше не открывать их, чем допустить совместное обучение детей белых и негров».

В десяти южных штатах два миллиона триста тысяч негритянских детей, но только ста шестидесяти трем удалось добиться права на совместное обучение с белыми.

В Америке миллионы неграмотных негров. Причина — варварская расовая ненависть.

ДЖЕРАЛЬД КЕНЕЙ «ОХОТИТСЯ»

Для негритянских жителей Юга каждый день полон тревог и самых страшных неожиданностей. Весной этого года в Ричмонде семнадцатилетний Джеральд Кеней с пятью приятелями задумали «поохотиться на черных». Хулиганы сели в автомашину и, разъезжая по улицам города, стреляли из ружей в негритянских ребят, игравших на тротуарах. Двух они тяжело ранили. Только к вечеру полиция схватила парней. Но суд в Ричмонде не суров к белым — бандитов присудили только к денежному штрафу!

На автобусах, у ресторанов, у дверей гостиниц в американских городах часто встречаешь надписи: «Не для негров». На водопроводной колонке одной из окраин Алабамы висит короткое распоряжение: «С этой стороны брать воду разрешается только белым».

Недавно в том же штате Алабама произошла до нелепости глупая история. Писатель Гарт Вильямс написал сказку для маленьких детей, забавную, веселую. Издательство Харпер напечатало эту сказку с красивыми картинками. И вдруг во все магазины последовало указание: «Сказку изъять, запретить продажу». В чем дело? Оказывается, речь шла о двух кроликах — черном и белом. В конце сказки была их свадьба—все звери леса весело танцевали и пели песни. Но расисты штата Алабама разволновались всерьез. Как можно белой крольчихе согласиться на свадьбу с черным кроликом? Вот ужас! Газета «Новости Монтгомери» обвинила автора в нарушении законов. Ведь двадцать четыре штата из сорока восьми запрещают браки белых с черными!

Вот обложка книжки, на которую ополчились расисты Америки.

Невинная книжка о двух лесных кроликах была изъята из лавок штата.

Это история, над которой можно и посмеяться... Чаще, однако, узнаешь о фактах трагических. За что убили в штате Луизиана негра Дени Брайанта? Он не успел снять шляпу перед белым землевладельцем.

Ничего не стоит оклеветать людей, заявить об их «дерзком поведении», о «попытке к мятежу». Права цветных народов в США невелики. С общественными деятелями, с защитниками равноправия, с забастовщиками расправляются беспощадно. Погромная организация Ку-клукс-клан, цель которой — держать в страхе негритянское население, безнаказанно убивает негров, устраивая «суды Линча».

Но времена меняются, и негры становятся иными. Вот что произошло недавно на одной из улиц в штате Виргиния. Пятнадцатилетний Джони Грей шел со своей сестренкой Мэри. Им встретились два белых парня, один из них нахально заявил: «Убирайся! Неграм место на мостовой. Тротуары для белых!»

Джони ответил на это оскорбление сильным ударом. Он не позволил унизить свое человеческое достоинство, хотя и понимал, что может очень дорогой ценой заплатить за свою смелость.

Бесправные негры не хотят больше мириться с тем, чтоб их топтали. Они объединяются в Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и других общественных организациях. Некоторые действуют сами, отважно решившись на тяжелую борьбу с беззаконием. Один из таких мужественных людей — доктор Говард из штата Миссисипи. Он основал негритянский госпиталь. Говарда так преследовали, что он вынужден был для спасения жены и ребенка отправить их в Калифорнию. Сам доктор не

отступил и остался лечить негров. Однако обстановка такова, что друзьям доктора приходится все время охранять его от покушений...

Террор, запугивание, поджоги, отказ в приеме на работу, преследование негров за участие в выборах — все это каждодневные факты. И все же негры борются, бастуют, обращаются в суды, организуют походы в сенат... Негритянский народ выдвинул немало отважных борцов. Эсланда Робсон, жена известного певца Поля Робсона, гневно ответила тем американским деятелям, которые призывают негров к спокойствию, умеренности, смирению: «Давайте же оставим всякие разговоры о терпении. Негры продемонстрировали невиданное терпение. Однако теперь этому приходит конец. Возврата к прошлому нет».

Расизм — явление не новое. Его корни известны — это яростная борьба за передел мира. Купцы-завоеватели, пираты, фашисты — все любители легкой наживы уже не раз прикрывали лживой теорией о «высших расах» свои грабежи и насилия.

Такие надписи в Америке на каждом шагу: «Только для белых». Есть мороженое, стирать белье, ставить машины белые и черные американцы в своей стране должны порознь.

«ТЕБЯ ТАКЖЕ»

То, что произошло недавно во Франции, заставляет с горечью убедиться, что нравы Арканзаса проникли в Париж.

В конце весны в Париже случилось вот что. Неизвестные люди вошли в квартиру адвоката араба Мокрана Улд Аудиа, убили его и скрылись. Невзирая на желание властей всячески замолчать это дело, многое сразу же стало ясным. Молодой адвокат Аудиа, как и несколько его товарищей по профессии, принял близко к сердцу судьбу алжирских патриотов, которых допрашивали и пытали в полиции. Мужественный адвокат пренебрег опасностью и взялся защищать рабочего алжирца Резги Хосина. Резги Хосин был так истерзан пытками и побоями полицейских, что месяц пролежал в больнице. Он просил Аудиа рассказать на суде всей Франции правду о пытках, которым его подвергли. Аудиа получал письма с угрозами: «Ты конченый человек!» И все же он разоблачил полицейских.

Адвокат был смелым человеком, он пошел дальше: он написал одному из французских министров письмо, требуя, чтобы расследовали, как ведутся допросы, как обращаются с алжирскими заключенными в Версальской тюрьме и полицейском участке Аржантей.

К Аудиа обратились и арестованные алжирские студенты, и он также согласился защищать их, считая арест несправедливым. Не успел начаться процесс, как адвоката убили.

Четыре тысячи парижан пришли проводить его гроб на кладбище Монпарнас. Длинный молчаливый кортеж людей — профессора, адвокаты, студенты, рабочие. Полиция запретила речи, не разрешила принести цветы, требовала молчания. День похорон совпал с забастовкой городского транспорта — метро не работало. Казалось бы, никто не доберется на дальнее кладбище. И все же...

Вдова Аудиа была потрясена этим молчаливым и гневным сочувствием незнакомых ей людей. Многие из них приехали издалека на велосипедах или мотороллерах, иные добрались пешком. Они пришли почтить память человека, доказавшего, что

у него были воля, принципы, мужество. Один из корреспондентов, описывавших эти волнующие, многолюдные похороны, спросил у женщины, шедшей с ним рядом:

— Он был вашим знакомым?

— Нет,— ответила она.— Я прочла о его гибели в «Юманите». И подумала, что забастовка может помешать людям проводить его. Решила: пойду! Пусть за его гробом будут французы, чтобы не посмели сказать, что все мы на стороне тех... Вы меня поняли?

Она выразила настроение всех людей в этом молчаливом сомкнутом шествии.

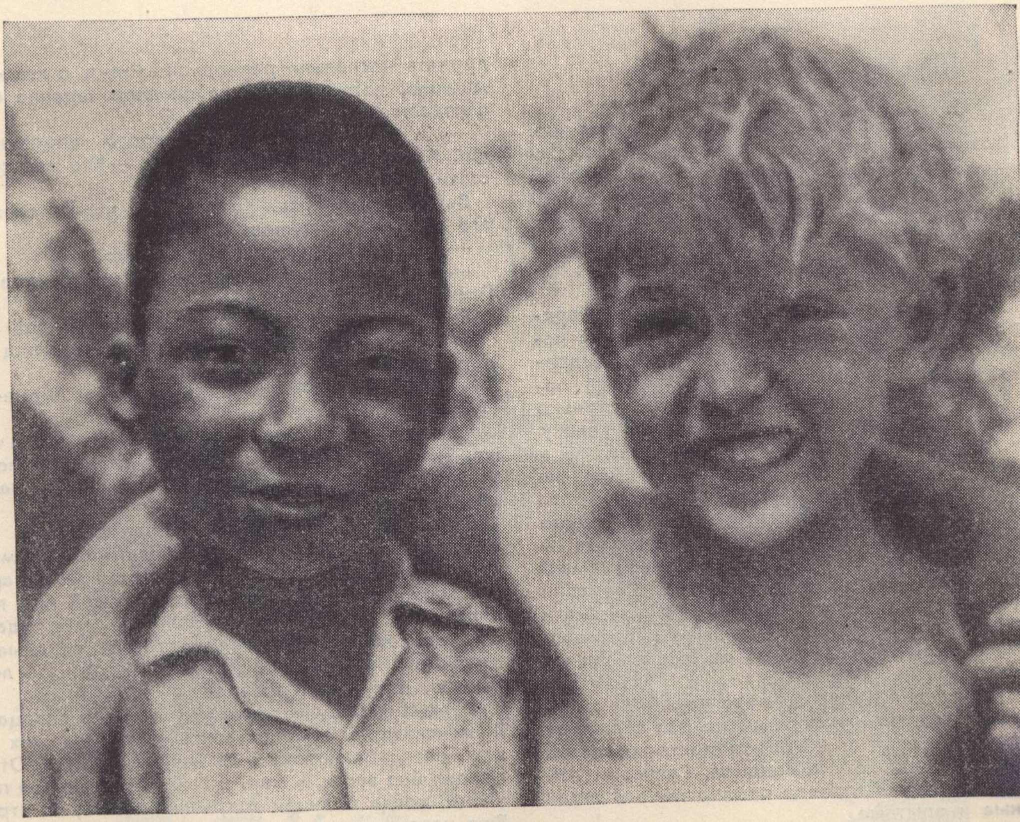
...Прошло еще несколько дней, и шесть других адвокатов, участвовавших в защите алжирских патриотов, получили новые письма с единственной строкой: «Тебя также... № 2», «Тебя также... № 3». В других стояло: «№ 4..., № 5..., № 6».

Номер указывал на очередь казни. Угрозу смерти № 2 прислали Жаку Верже — защитнику известной всему миру мужественной юной девушки Джамилы Бухиред, осужденной на каторгу...

Эти гнусные письма пишут расисты, которым хочется утвердить закон джунглей и во Франции. Расисты избивают и оскорбляют гнусными кличками живущих в Париже алжирцев. Колониальные войны и расизм всегда шагали вместе. Столько лет тянулась гнусная бойня в Индокитае, теперь продолжается несправедливая, жестокая война в Алжире — вот почему появились в Европе эти гнусные орды фашиствующих головорезов, так похожих на молодчиков Ку-клукс-клана.

Расистам, развращенным колониальными войнами, грабежом и разбоями, необходим фальшивый миф о превосходстве белого человека над черным и желтым. Он помогает им бесчинствовать.

Но расисты не так уж сильны. Им не удастся господствовать над цветными людьми, занимающими две трети земного шара. Наше время — время других законов жизни. С расизмом борются все прогрессивные люди мира, стоящие за братство людей честного труда, независимо от цвета их кожи.

Эти дети живут в Африке. Белый мальчик и черный мальчик хотят дружить, как братья. Они против расовой ненависти. Так должно быть во всем мире. К этому стремятся все честные люди.

О Т В А Ж Н Ы Е

(Продолжение)

Александр ВОИНОВ

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

Трудный поход

Да, Курт Мейер получил точную информацию. Хлеб у партизан действительно был на исходе. Силаев, Колесник и Геннадий Андреевич долго обсуждали, что предпринять. В ближайших деревнях хлеба достать нельзя. За последнее время не удалось отбить ни одного продовольственного обоза. Через три — четыре дня придется еще уменьшить и без того урезанный паек.

После долгого обсуждения штаб решил снарядить экспедицию за хлебом. В группу отобрали человек пятнадцать, возглавит ее Геннадий Андреевич. Она должна напасть на склад с мукой поблизости от мельницы и взять столько, сколько смогут увезти две лошади, запряженные в телегу.

Радуясь тому, что он наконец получил важное и самостоятельное дело, Геннадий Андреевич не знал, что Колесник вызвал к себе в блиндаж того партизана, которого больше всего ценил и именно поэтому больше всех ругал, — Федора Куликова — и строго приказал ему держаться поближе к командиру группы и помогать ему советами. Геннадий Андреевич, конечно, знал все подступы к деревне и к мельнице, ему хорошо известно было и расположение склада, но в военных делах он был не так уж крепок.

Первое, что сделал Куликов, — это подобрал десяток надежных парней, с которыми не раз бывал во многих опасных делах, и когда он построил их на поляне перед блиндажом командира, Геннадий Андреевич с первого же взгляда понял, что это люди проверенные и опытные.

К своему удивлению, он заметил на левом фланге две знакомые фигурки. Вооруженные автоматами Коля и Витя стояли рядом, изо всех сил стараясь принять несколько равнодушный вид, с каким, по их мнению, должны идти на опасное задание бывалые партизаны.

— А вы куда, ребята? — строго спросил Геннадий Андреевич, подходя к ним. — Кто вас сюда поставил?

Ребята смутились. Коля хотел что-то сказать, но его опередил Куликов:

— Я поставил, товарищ командир.

— Мы же идем на опасное задание!..— возмутился Геннадий Андреевич.

Куликов протянул ему сложенную вдвое бумагу:

— Вот распоряжение Колесника, товарищ командир: иметь двух связных.

— Ну, ладно! — пробурчал Геннадий Андреевич. — Пусть идут во втором эшелоне.

Куликов улыбнулся. Сразу видно, что человек изучал тактику на ящике с песком. Ну, ничего, пообтерпится, поймет, сколько «эшелонов» в партизанской войне.

Ребята любили Геннадия Андреевича и верили ему, но он оставался для них учителем, а молодой партизан Федор Куликов сразу стал их товарищем. Он держался с ними, как с равными. В нем привлекала сила, постоянная готовность идти туда, куда ему прикажут, и браться за самые трудные дела. Нравилось ребятам и то, как он ходил,— легко и быстро, покуривая папиросу.

Феде Куликову недавно исполнилось двадцать лет. В Белгороде у него остались двое младших братишек, о судьбе которых он ничего не знал. Отец его пропал без вести, а мать погибла от шальной пули на улице, когда полицаи открыли по кому-то стрельбу. Всю неистраченную нежность, которую носил в своем сердце Федя, он обратил на Колю и Витю.

В то утро, когда Колесник вызвал его для секретного разговора, он предложил включить ребят в

группу, которая отправится на поиски хлеба. Они смогут быть хорошими связными. Колесник посоветовался с Силаевым и согласился. Федор раздобыл два трофейных автомата и, отойдя с ребятами в сторону от лагеря, показал им, как надо стрелять. Когда Коля нажал на спусковой крючок и автомат затрясся в его руках, словно в припадке страшной ярости, выпуская одну пулю за другой в старый, почерневший пень, он вздрогнул от неожиданности. Коля много раз видел, как стреляют другие, но сейчас пережил новое, острое ощущение. Тяжелый автомат, широкий ремень которого резал ему плечо, послушно выполнял его волю. Витя тоже стрелял, но на него это не произвело сильного впечатления, может быть, потому, что стрелял он вдаль и не видел, куда летят его пули.

Отряд выступил в полдень. Четырнадцать партизан, вооруженных автоматами и винтовками, два связных и командир группы. Всего семнадцать человек. Позади шла телега. На ней сидел ездовой. Геннадий Андреевич, затянутый в ремни, ссутулился под тяжестью необычной для него ноши. Кроме автомата, он нес на себе полевую сумку, в которой лежала карта, и подсумок с запасными патронами. Перед самым выходом, когда отряд выстроился у штабного блиндажа, прибежала Мая и сунула Коле и Вите пакеты с бинтами...

— Счастливого возвращения!.. — шепнула она мальчикам.

Колесник произнес небольшую напутственную речь и крепко пожал руку Геннадию Андреевичу. Хриплым от волнения голосом Геннадий Андреевич скомандовал:

— Напра-во! Шагом марш!

Из лагеря вышли строем, а затем, когда вступили на лесную тропинку, пошли гуськом, в затылок друг другу. Группа из трех человек шла впереди, старшим в ней Геннадий Андреевич назначил Федю. На случай внезапного столкновения с противником это боевое охранение должно было принять на себя первый удар.

Предстояло пересечь шоссе, которое усиленно охранялось. По шоссе днем и ночью курсировали машины с солдатами, бронетранспортеры и даже броневики. Часто фашисты открывали по лесу огонь, чтобы припугнуть партизан, если они где-нибудь близко.

Коля и Витя очень устали, но виду не показывали. И даже ни разу не посмотрели в сторону телеги, на которой покуривал, привычно зажав вожжи между коленями, ездовой.

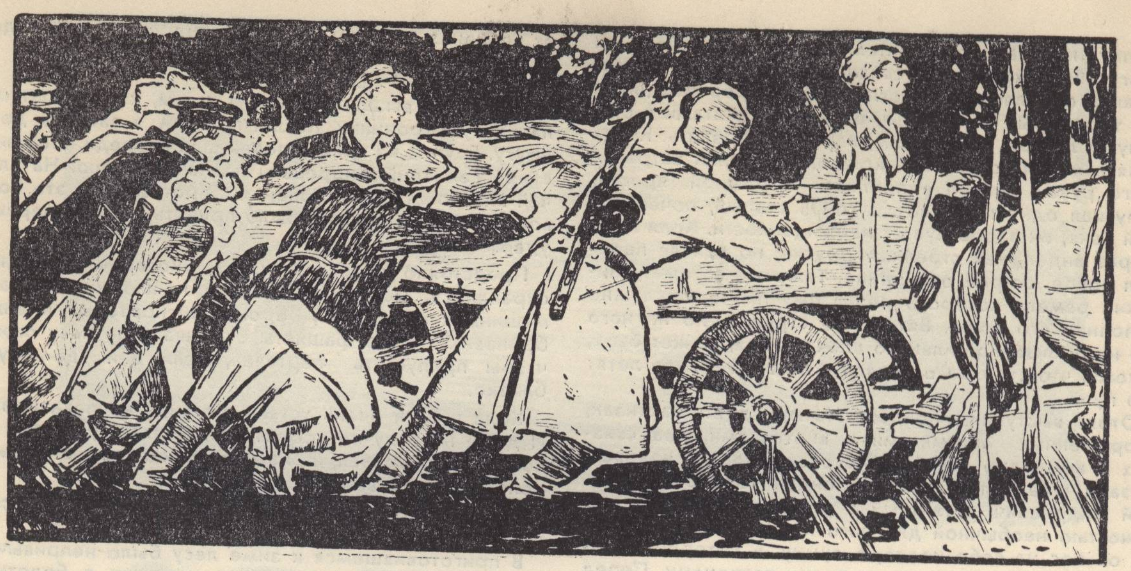
Солнце поднялось над лесом. Его холодные осенние лучи падали на оголенные ветви деревьев.

В приготовившемся к зиме лесу было непривычно тихо. Местами колеса телеги увязали в болотной грязи. Приходилось гуртом помогать лошадям.

Вскоре болото кончилось, и идти стало легче. Коля шел позади Вити. Витя устал, он волочил ноги и часто спотыкался. Круглое лицо Вити покрылось пóтом, и он то и дело оглядывался на Колю, как бы ища у него поддержки.

Перед выходом отряд выстроился у штабного блиндажа.

Колеса телеги увязали в болотной грязи. Приходилось гуртом помогать лошадям.

Коля нагнал его и тихо предложил:

— Давай автомат понесу!..

Но Витя уже знал строгий закон войны.

— Разве оружие отдают? — сказал он сердито.

И упорно зашагал вперед.

— Эй, ребята! —крикнул ездовой Егоров.—Садись ко мне!

Партизаны засмеялись.

— Садитесь, ребята! А то ему поговорить не с кем.

Витя нерешительно взглянул на Колю, схватился за край телеги и неловко перевалился через него. За ним сел и Коля.

Поскрипывали колеса. Телега подпрыгивала на неровностях дороги. Это неторопливое движение казалось совсем мирным. Если бы не автоматы, то можно было бы подумать, что это колхозники возвращаются к своим домам после трудового дня.

Вдруг издалека донеслась команда Геннадия Андреевича:

— Стой!..

Партизаны остановились. Егоров натянул вожжи.

— Тпрру... Приехали! Миша! Что там? — закричал он кому-то впереди.

— Шоссе! — ответил приглушенный голос.

Геннадий Андреевич и Федя притаились в кустах невдалеке от шоссе. По шоссе то и дело проезжали машины то с грузом, то с солдатами, каждые пять—десять минут на мотоциклах проскакивали эсэсовцы, вооруженные пулеметами.

— Да, дело трудное! — проговорил Геннадий Андреевич, проводив настороженным взглядом двух мотоциклистов в стальных касках.

Только они скрылись за поворотом дороги, как оттуда выскочила встречная машина с солдатами.

— Наверно, придется ждать ночи? — повернулся он к Феде.

За эти несколько часов Геннадий Андреевич убедился в том, что молодой партизан опытен и осторожен.

— Можно, конечно, подождать и до ночи, да только когда же мы доберемся до хлеба? К утру, не раньше. А там опять придется отсиживаться дотемна. Не войдешь же в деревню засветло! Потеряем целые сутки! — возразил Федя.

— Что ты предлагаешь?

— Давайте разделимся на две группы и перескочим дорогу в двух местах. Если одну группу заметят, она примет бой, а другая пойдет дальше!

— Бросить товарищей! — нахмурился Геннадий Андреевич.

— Зачем же бросать? Группа отойдет в лес, а гитлеровцы туда боятся нос сунуть. А потом кружным путем соединимся...

— А это нас не задержит?

— Может быть, задержит, а может, и нет! — уклончиво ответил Федя.

— А как же подвода? — спросил, помолчав, Геннадий Андреевич. — Ее издалека увидят...

Федя пригляделся к лесу, который плотной стеной стоял по другую сторону дороги. Да, пожалуй, подводе здесь не пройти. Она сразу же застрянет в придорожных кустах. Надо поискать хотя бы узкую тропинку. Он помнил: метрах в двухстах левее должна быть просека. Она, правда, заросла молодыми елками, трудно будет по ней пробираться, и все же меньше риска, чем искать путь ночью. Геннадий Андреевич согласился. Они углубились в лес и отправились на поиски просеки. Вскоре они снова подошли к шоссе.

Место здесь действительно было удобное: на противоположной стороне шоссе открывалась узкая просека.

— Группу, которая пойдет тут, разрешите возглавлять мне, — предложил Федя. — А вы с другой группой переходите у поворота. Вас будет видно только с одной стороны. Пойдем одновременно, как кукушка прокукует.— И он трижды прокуковал: — Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!..

— Художественно у тебя получается, не отличишь от настоящей, — улыбнулся Геннадий Андреевич.— Только осенью-то кукушки молчат. Ну, ладно, договорились. Забирай подводу и еще пять человек с собой, с остальными пойду я. Встречаемся вон там, в глубине просеки.

Группы разошлись. Федя остановил своих людей

в кустах и приказал замаскироваться, особенно тщательно прикрыв ветвями подводу.

Как назло, по шоссе шла бесконечная колонна автомашин с ящиками мин и снарядов. Федя насчитал сорок семь машин и сбился со счета. Видно, где-то готовилась операция. За машинами прошли танки...

Наконец на несколько минут шоссе очистилось. Казалось, самое время действовать. Но Федя выждал еще немного, и эта осторожность спасла отряд от большой опасности.

Внезапно из-за большого камня, лежащего метрах в трехстах от того места, где притаился Федя, поднялся мотоциклист-эсэсовец. Он скрылся на минуту в кустах, а затем появился снова, ведя мотоцикл с укрепленным спереди пулеметом. Вслед за ним из кустов вышли еще трое мотоциклистов. Видимо, они устроили здесь небольшой привал. Они вывели машины на дорогу, долго о чем-то говорили, оживленно размахивая руками, затем попрощались и по двое разъехались в разные стороны. Когда стрекот мотоциклетных моторов умолк вдали, Федя выполз на обочину, чтобы внимательнее осмотреть дорогу. Вдалеке, удаляясь, ныряли с подъема на подъем две темные точки. Наконец и мотоциклисты исчезли из виду.

Шоссе пусто!.. Нельзя терять времени!

Трижды прокуковала кукушка. И тотчас же в кустах свистнул кнут. Мимо Феди протопали кони; вот они стремглав пронесли подводу, на которой тряслась щуплая фигурка Егорова, и скрылись за деревьями.

— По одному!.. По одному!..—командовал Федя.

Взглянув направо, на шоссе, Федя вздрогнул и отпрянул за дерево.

— Ложись! — закричал он. — Подводу в сторону!

Никто не успел сообразить, в чем дело и с какой стороны опасность. Не добежав до шоссе, одни бросились на землю, другие укрылись за деревьями. Егоров так гикнул на лошадей, что они занесли его вместе с подводой в самую гущу кустов. Коля и Витя разом кинулись в канаву. Федя остался стоять за деревом, напряженно вглядываясь в шоссе.

Не прошло и минуты, как послышался нарастающий шум моторов; из своего укрытия Коля и Витя увидели длинную колонну грузовых машин, которая появилась из-за поворота.

На передней машине по четыре человека в ряд, в касках, надвинутых низко на глаза, сидели вооруженные немецкие солдаты. На других машинах ехали люди, одетые по-разному, но одинаково плохо: кто в ватниках, кто в старых шинелях, а кто и просто в гимнастерках. По бокам колонны, конвоируя ее, мчались мотоциклисты.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: в машинах пленные. Их перебрасывают в район строительства.

Сидя за кустом, Геннадий Андреевич считал машины. Насчитал тридцать две. В них было не меньше четырехсот человек. Возможно, это не первая партия.

План, который они выработали с Силаевым и Колесником, рухнул. События обогнали их. Теперь нужно предпринимать что-то другое. А главное, немедленно сообщить в партизанский отряд о том, что Мейер уже приступил к переброске пленных...

В это время Коля и Витя пристально рассматривали проезжавшие мимо машины.

— Отец! — вдруг вскрикнул Коля.

— Кто? — не понял Витя.

— Отца повезли! Вон он, в той машине!

Витя взглянул на машину — над длинным зеленым бортом грузовика видны были головы людей. Одни были обвязаны старыми бинтами, у других ветер развевал неприкрытые волосы. Давно не бритые, изможденные лица казались похожими одно на другое.

Из-за деревьев показался Егоров.

— Ребята! — тихо позвал он. — Начальник зовет... Быстро!

— Где он? — спросил Коля.

— В кустах, у поворота дороги.

Машины прошли. Шоссе вновь опустело, но отряд не двигался.

Ребята разыскали Геннадия Андреевича. Пристроив на коленях планшет, он что-то писал. Закончив, быстро перечитал, что-то поправил и сложил.

— Вот что, Коля, — сказал он строго, — ты дальше с нами не пойдешь. И ты, Витя, тоже... Вам надо вернуться в отряд вот с этим донесением... — Взглянув в растерянное лицо Коли, спросил: — Ты что?..

— Я отца видел, Геннадий Андреевич.

— Отца? Это точно?

— Точно! Он сидел около борта... Смотрел в нашу сторону...

— Тогда тем более торопитесь! Дорогу помните?

— Помним, — ответил Коля, принимая из рук Геннадия Андреевича пакет.

— Подальше спрячь! — сказал Геннадий Андреевич. — Лучше всего на грудь... А в случае опасности изорви... Ну, идите, ребята... Передайте: через сутки — двое вернемся. Как обстановка позволит...

...К вечеру ребята уже были в отряде. Там их ждало новое важное задание.

Испытания только начинались.

Задание

Ночью Силаеву не спалось: болела поясница, в голове копошились тревожные мысли. Что будет с отрядом, если Геннадий Андреевич не достанет продовольствия? События разворачиваются, и для борьбы нужны большие силы. А тут думай и думай о хлебе насущном!

Никита Борзов за двое суток узнал об отправке в район строительства машин с пленными и мобилизованными, но посланный им связной задержался в пути. Его трижды обстреляли в дороге, пришлось идти ночью. А за это время положение сильно осложнилось.

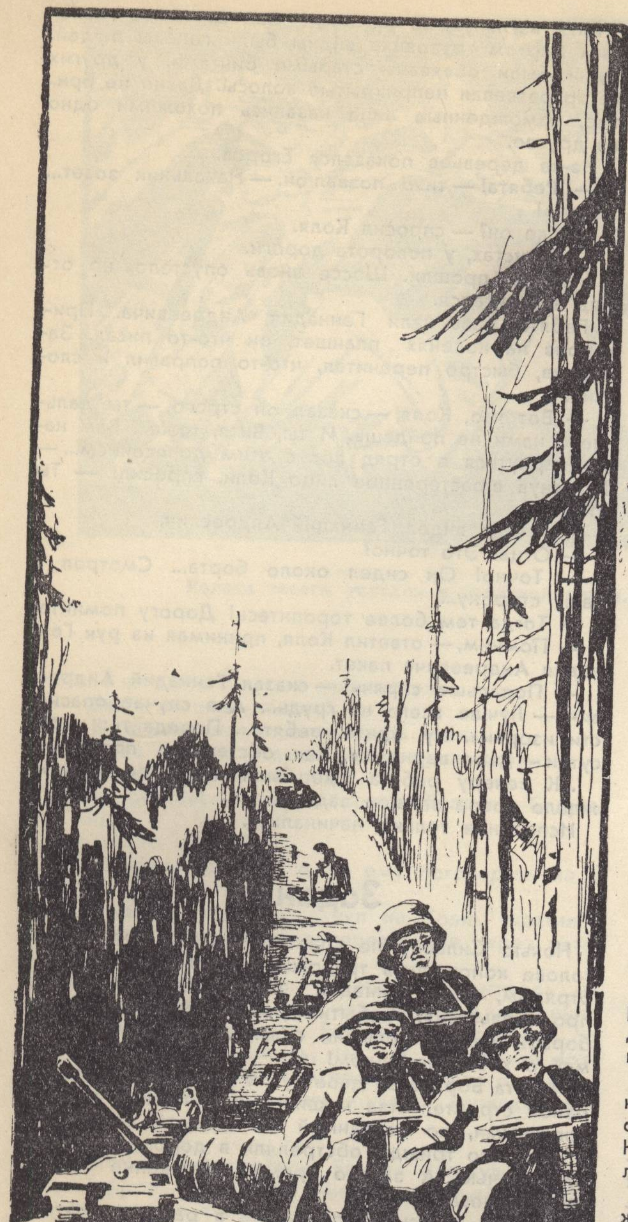
Что же делать? Пробиваться в район строительства? Ну, хорошо, отряд пробьется, хотя и с большими потерями, но все равно не известно главное: где строятся доты, сколько их, какие дороги простреливаются, как организована система огня? Это необходимо узнать для успеха будущего наступления. Укрепрайоном интересуется командующий фронтом. Необходимо проникнуть в него. Но как? Появись там кто-либо посторонний — его сразу же задержат. Если не расстреляют, то заставят работать. А убежать оттуда почти невозможно.

На рассвете к Силаеву зашел Колесник. Ему тоже не спалось. Он присел на нары в углу землянки и, нахохлившись, зябко протянул руки к едва тлевшей печке.

— Чего бродишь? — спросил Силаев, закуривая папиросу.

— Не спится...

Помолчали. Силаев смотрел в маленькое оконце под потолком, составленное из нескольких оскол-

По шоссе шла бесконечная колонна машин.

ков стекла, на светлые лучи солнца, поднимающегося из-за леса. Он был городской житель, и до войны ему редко приходилось видеть восход солнца. А теперь он уже к этому привык и все же иногда нет-нет да и засмотрится, залюбуется сиянием нарождающегося дня.

— Придется сообщить в штаб, — нарушил молчание Колесник, — проспали мы с тобой это дело, Григорий Ефимыч. Обошел нас Мейер...

— Да, — глухо отозвался Силаев. — Хорошего мало.

Колесник вдруг вскочил, стукнулся головой о притолоку и от этого пришел в еще большую ярость.

— Грош нам цена! — крикнул он. — Ломаная копейка в базарный день! Судить нас с тобой надо, вот что...

— Ну, что ж, — усмехнулся Силаев, — давай, назначай трибунал... Требуй себе расстрела...

Колесник досадливо махнул рукой и снова сел на нары.

— Не может быть! Не может быть! — твердил он. — Есть же какой-нибудь выход!.. Скажи, кого послать?.. Я сам пошел бы, да уж очень я приметный — меня за километр видно...

Силаев курил и молча наблюдал за Колесником... В детстве он был, наверное, вроде Коли Охотникова,— смелый, сообразительный парнишка. Вырос — дядя будь здоров! Пять пудов играючи выжимает. А вот сохранил в себе какую-то детскую непосредственность.

Мысль промелькнула и пропала. Но позднее, увидев Колю, который сноровисто чистил коня, Силаев остановился, пораженный новым поворотом своей мысли.

— Нет, нет, глупости, — возразил он самому себе,— нельзя...— И, круто повернувшись, пошел прочь.

Но назойливая мысль не оставляла его в покое. Вечером Силаев рассказал свой план Колеснику. Они уединились в землянке и долго обсуждали его.

Уже совсем стемнело, когда Колесник выглянул из землянки и приказал проходившему мимо Дудникову прислать к нему Колю и Витю.

План побега

Сначала Алексей Охотников решил, что их вывозят за город к рву, на расстрел. Так было с пленными соседних бараков. Это у охраны называлось «очистительной» операцией.

Но машины стремительно мчались степными дорогами час, другой, третий... Прижавшись друг к другу, пленные тихо переговаривались, строя разные предположения.

Сначала они были уверены в близкой гибели, но, когда окраины города остались позади, всем сразу стало легче. Значит, пока смерть прошла стороной. Но куда же их везут? В другой лагерь? Отправляют в Германию?..

Справа, тесно прижавшись к плечу Алексея, дрожал от холода Еременко. Он еще не оправился от контузии, и тяжелые работы в лагере изнурили его. Невдалеке в переднем ряду сидел Юренев. Он, прищурившись, смотрел на проносившиеся мимо поля и о чем-то напряженно думал. В его темных глазах горел мрачный огонек.

У Алексея с ним сложились странные отношения. Юренев как будто и стремился к дружбе, но иногда он становился замкнутым и нелюдимым. Он метался, видно, искал какого-то выхода. Несколько раз он в самый неподходящий момент заговаривал с Алексеем о побеге.

Алексей нередко подтрунивал:

— Артистическая натура!.. Нежная душа... Вот будешь когда-нибудь играть заключенного, ничего придумывать не придется: все сам пережил!..

Юренев вздыхал и отмалчивался.

И все же их многое связывало: общие лишения, жесткие нары, на которых они вместе лежали, воспоминания о прошлом, общие знакомые.

Курт Мейер уже давно не имел донесений от Юренева и словно забыл о его существовании. Но в этом был тайный замысел. Хитрая тактика: он давал возможность агенту расположить к себе окружающих. Если бы Юренев стал действовать сразу, его быстро разоблачили бы. Мейер вел свою игру осторожно, а Юренев, разделявший все тяготы с заключенными, все больше ожесточался. Нет, не о такой жизни он мечтал. К нему относятся, как к последней собаке, его сделали мелким шпиком, и будущее не сулит ему ничего радостного...

«Хорошо еще, что никто не знает и никогда не узнает о моем прошлом! Для всех, кто сейчас меня окружает, я останусь честным человеком...»— так думал Юренев в минуты отчаяния, которое все чаще и чаще им овладевало.

Но вслед за этим он начинал обвинять себя в слабости. Нет, он не должен, не имеет права изменять своей цели! Нужно вырваться отсюда любой ценой. В конце-то концов, кто эти люди, ради которых он обречен на жалкое существование? Бездарности, землекопы! Вот в такие-то моменты он замыкался в себе, озлобленный, внутренне ощерившийся, готовый на все.

Дни тянулись, а ему не удавалось узнать ничего значительного. Тогда он решил уговорить Алексея подбить группу пленных на побег, а затем предать их. Но лагерь усиленно охранялся, и все понимали, что побег пока обречен на неудачу.

Теперь, сидя в машине, Юренев размышлял о том, будет ли он на новом месте более удачлив. Разные люди окружали его. Одни были сломлены, истощены ранами, недоеданием, тяжелыми работами; другие, несмотря ни на что, держались. К таким относился и Алексей Охотников. Он не жаловался, а когда бывало особенно трудно, только крепче сжимал челюсти. Юренев его ненавидел. Ему казалось, что Охотников относится к нему с подозрением. Он старательно ловил взгляды Алексея, случайные его слова: во всем искал подтверждение этому. И, чтобы не мучиться, он твердо решил при первом же удобном случае уничтожить Алексея.

Проплутав несколько часов по проселочным дорогам, машины в полдень достигли деревни, названия которой никто не знал, а спросить было не у кого: в ней не осталось ни одного местного жителя. Но Алексей, хорошо знавший эти места, прикинул, что отсюда совсем недалеко до Нового Оскола.

Выйдя из машины, он быстро огляделся. Как видно, к их приезду подготовились. По тылам домов вокруг всей деревни в два ряда тянулись густые проволочные заграждения. На углах стояли вышки с часовыми. Здесь было не лучше, чем в городе.

Пленных развели по хатам и выдали им по куску хлеба. Это была единственная еда за сутки.

Алексей всегда старался держаться вместе с Еременко. Нельзя было оставлять его без поддержки: он погибнет.

Сам Алексей долго страдал от раны в ноге, но в конце концов его крепкая, здоровая натура победила. А вот Еременко так и не смог оправиться от контузии.

Еременко помимо своей воли располагал к себе. Точно определить, сколько ему лет, было невозможно, наверно, около пятидесяти. Невысокий, худощавый, с простым крестьянским лицом, он говорил неторопливо, и в его светлых, выцветших глазах всегда жило спокойствие.

С первых же дней Еременко невзлюбил «актера», как он называл Юренева. А почему, он и сам не мог объяснить. Может быть, потому, что Юренев держался с ним сухо и даже высокомерно. Так получилось, что два человека, с которыми Алексей был дружен, относились друг к другу с недоверием. Но Алексей терпеливо объединял людей, и постепенно вокруг него образовалась большая группа с крепкой внутренней дисциплиной.

Когда начало смеркаться, хаты заперли. Пленные лежали на холодном полу, подстелив охапки прошлогодней соломы. Затопить печи им не разрешили.

Алексей прикрылся своей шинелью, которая уже стала совсем ветхой. Он думал о Коле. Где-то сейчас его мальчик — единственное, что у него осталось в жизни?.. Какой страшной была их последняя встреча! Как исковеркана, наверное, его душа! Ах, Катя, Катя! Зачем ты осталась в городе?! Ты погибла одной из первых и так мало успела сделать!..

Была уже глухая ночь, когда кто-то осторожно дотронулся до плеча Алексея.

— Кто это?.. Что тебе?..—открыв глаза, тревожно спросил он.

— Тише, — услышал он шепот, — это я...

Алексей узнал голос Юренева.

— Ну что?

— Нам надо поговорить! О важном деле! Сейчас!..

На окно навалилась непроглядная темень. Рядом тяжело дышали и стонали смертельно уставшие люди. У порога кто-то бредил и звал неведомую Анну...

Алексей придвинулся поближе к Юреневу, но тот потянул его за рукав.

— Выйдем в сени...

Стараясь не наступить на лежащих, Алексей вслед за Юреневым с большим трудом добрался до порога. В сенях его охватил ночной холод, сжал плечи, забрался под гимнастерку и ледяной лапой лег на грудь.

— Сюда! — позвал Юренев из дальнего угла. — Прикрой дверь!

Алексей ощупью нашел Юренева. Под ногой скрипнула половица.

— Тише! — прошептал Юренев и прислушался.

На дороге перед домом разговаривали немецкие часовые, вдалеке завывала покинутая собака. Боец, лежавший у порога за дверью, по-прежнему звал Анну.

— У меня есть план, — быстро зашептал Юренев, — бежать отсюда! Ты слышишь? — Алексей кивнул головой, и Юренев продолжал: — Ты должен повлиять на людей... Нас используют здесь на работах. Мы обезоружим конвойных! Не в лагере, конечно, а там, в поле.

Алексей оглох от его жаркого шепота, половины слов он не разобрал. Юренев шептал сбивчиво, истерично.

— Давай думать, — спокойно сказал Алексей, когда Юренев замолк. — Это — дело серьезное.

— Долго думать нельзя! Нас могут распределить по разным группам!

— А бежать без подготовки — все равно, что пулю себе в лоб пустить. Нас всех перебьют.

— Что же делать? Ждать?

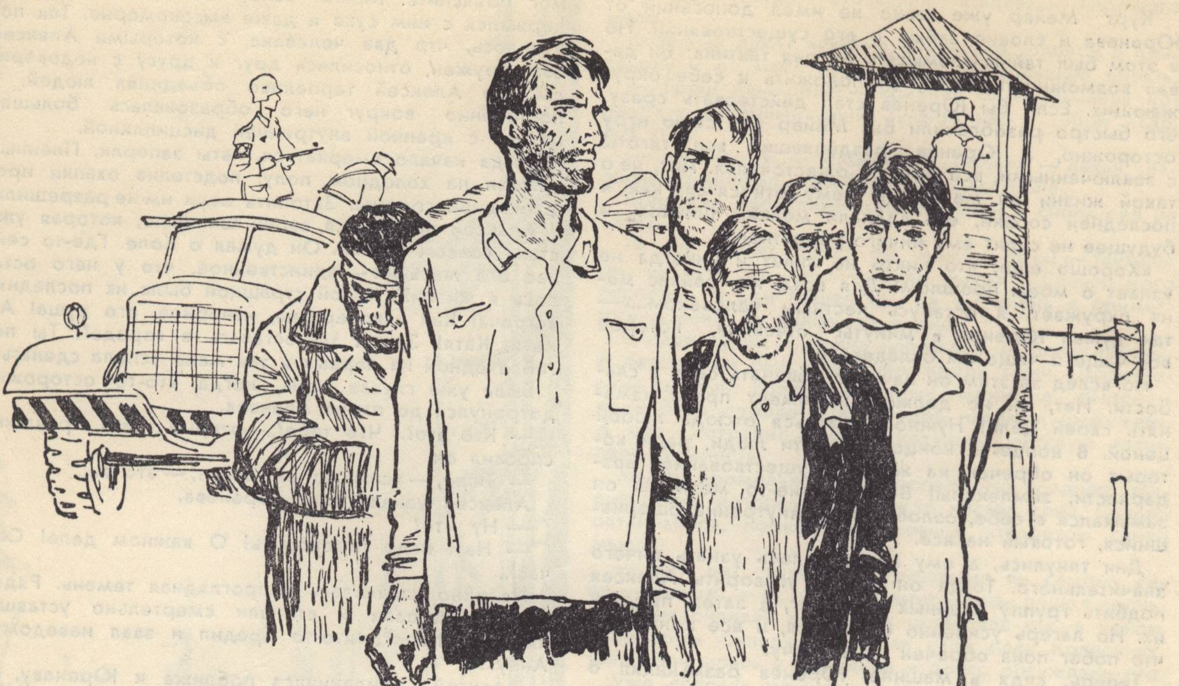
— Осмотреться по крайней мере надо.

Юренев помолчал, сжавшись в темноте.

— Зря тянешь ты, Охотников, — зло сказал он.

— Не говори глупости, Миша! — ответил Алексей. — Мне жить хочется не меньше, чем тебе. — Он в темноте нашел его руку и пожал ее. — Успокойся! Будь осторожен. Об этом пока ни с кем ни слова...

— Ладно! — согласился Юренев.

Выйдя из машины, Алексей оглянулся. К приезду пленных, видно, подготовились.

По дороге, стуча сапогами, проходил дозор. Они тихо разошлись по своим местам.

Разговор с Юреневым взволновал Алексея. Хорошо, что рядом такие смелые люди, как Михаил. Всего несколько часов прошло на новом месте, а он уже начал действовать. Михаил нетерпелив, но лучше действовать, чем медленно умирать, с каждым днем, с каждым часом теряя надежду.

А на расстоянии протянутой руки лежал Юренев и улыбался, смотрел в темный провал окна, за которым уже мерещился рассвет. Скоро Курт Мейер должен будет расплатиться с ним сполна. Он такую организацию раскроет, — гестаповцы взбесятся от досады, что это сделали не они. Больше выдержки! Он будет ждать! У него хватит терпения. А потом всех расстреляют, свидетелей не останется. Тогда он потребует, чтобы Курт Мейер выполнил свои обязательства. Да, близок день, когда он начнет новую жизнь...

Юренев тихо засмеялся. Алексей слышал этот смех, но решил, что Михаил смеется во сне.

В пути

На рассвете из партизанского лагеря вышли два крестьянских мальчика. Один из них, высокий, крепкий, со светлыми озорными глазами, был одет в домотканую синюю рубашку, подпоясанную тонким кожаным ремешком, и в черные обтрепанные снизу штаны. Старые, латанные-перелатанные, потерявшие свой первоначальный цвет ботинки были надеты на портянки и зашнурованы. За плечами мальчика висела тощая котомка с хлебом.

Рядом вперевалку шагал румяный толстячок, одежда которого была ничем не лучше, чем у товарища. Только поверх рубашки был наброшен старый пиджачок с заплатами на рукавах, да на ногах вместо ботинок — стоптанные кирзовые сапоги.

Ребята молча шли по тропинке. Только что они были среди близких людей, им говорили теплые, ободряющие слова, давали советы, а теперь они остались наедине со своими думами и тревогами. Два маленьких человека в большом, полном опасностей лесу.

С большинства деревьев листья уже опали. А те, что пытались еще сопротивляться порывам ветра, стали багряными, ярко-желтыми; издали они казались сделанными из металла. Лес глухо шумел. Под ногами с хрустом ломались сухие ветки...

— Мальчики!

Оба вздрогнули и остановились. Позади них на повороте тропинки стояла Мая. В военной гимнастерке, с подобранными на затылке в пучок волосами, она выглядела старше своих лет.

— Ну что тебе? — сурово спросил Коля.

Мая протянула ребятам небольшой сверток.

— Возьмите.

Витя взял сверток в руки и стал с любопытством разглядывать его.

— Что здесь? — спросил он.

— Сахар! — сказала Мая.

— Верни! Слышишь? — строго приказал Вите Коля. — Откуда сейчас у крестьянских ребят возьмется сахар?

Витя вздохнул и с сожалением вернул сверток.

— Да вы хоть по кусочку возьмите! — взмолилась Мая. — Ну хоть по одному!

Витя умоляюще взглянул на Колю, и тот неохотно согласился:

— Ну, по одному, пожалуй, можно!.. Давай!..

Мая быстро развернула сверток.

— Берегите себя, — сказала Мая. — Возвращайтесь вместе.

В груди у ребят защемило.

— Ладно, — сказал Коля, — уж как-нибудь. Скоро вернемся... Пошли, Витя...

Ребята двинулись по тропинке. В конце ее Витя оглянулся.

Мая помахала вслед им рукой, повернулась и медленно пошла назад...

Мальчики шли и шли... Силаев сказал, что они должны как можно дольше идти лесом, а когда лес кончится, выйти на дорогу. Не прятаться, а идти так, как идут люди, которым некого бояться.

День выдался теплый. Такие дни лето отвоевывает у осени, чтобы еще раз попрощаться, коснуться своими теплыми ладонями щек и волос, заставить пожалеть о том, что лето кончилось.

Идя своей дорогой, ребята не знали, что накануне Силаев послал связного к Никите Борзову. Может быть, тому удастся устроить себе служебную поездку на строительство и там встретиться с Охотниковым.

Силаев не понимал, почему гитлеровцы строят укрепрайон так далеко от линии фронта. Неужели они не верят, что их войска смогут удержать оборону по берегу Дона? Если они так торопятся — значит, боятся противника. А если это так, то партизанский отряд должен быть готов к решительным действиям. Как только на Дону начнется наше наступление, партизаны пойдут громить тылы гитлеровцев. Но это в будущем. А сейчас предстоит раскусить крепкий орешек...

Вот и кончился лес!.. Придорожные кусты скрывают ребят, а они из своего укрытия видят далеко. Дорога идет полями к большой деревне. Беленькие мазанки, между ними редкие кирпичные дома... Это Светличное. До него километров семь—восемь.

Пока ребята шли лесом, они чувствовали себя сравнительно спокойно. При опасности можно спрятаться, убежать, — попробуй догони! На открытой дороге не побежишь...

— Ну, что стоим? — сказал Коля, преодолевая страх, в котором он ни за что не признался бы Вите. — Пошли!..

И, раздвинув кусты, он вышел на дорогу. Витя последовал за ним, с опаской озираясь по сторонам.

Как хорошо было в лесу! Теперь как будто яркие прожектора зажглись по сторонам дороги, и все лучи перекрещиваются там, где идут ребята.

Мальчики прошли километра полтора, прежде чем успокоились. Дорога была пустынной. Этим старым грейдером войска не пользовались: при небольшом дожде его развозило так, что даже тракторы увязали в грязи.

И надо же было какому-то немецкому интенданту поехать именно этой дорогой! Ребята услышали нарастающий шум мотора и оглянулись. Вслед за ними, тяжело переваливаясь на колдобинах, шел большой «Крупп», груженный какими-то ящиками.

Ноги сами понесли ребят в разные стороны. И уже в поле Коля вдруг опомнился и заставил себя вернуться обратно на дорогу. Витя притаился было под каким-то кустом, но, увидев, что Коля стоит, не прячась, встал рядом с ним.

— Идем, идем, Витька, — сказал Коля, — а то гитлеровцы подумают, что мы с какими-то намерениями. Пусть видят... Не бойся, ничего они нам не сделают.

И ребята, изо всех сил стараясь не оглядываться, пошли дальше, хотя больше всего им сейчас хотелось бежать без оглядки от этой дороги и от приближавшегося к ним огромного грузовика.

«Крупп» уже совсем близко. Массивные колеса с хрустом подминали под себя колею. В кабине рядом с солдатом-шофером сидел ефрейтор, широколицый немец, и играл на губной гармошке. Оба улыбались. Когда машина догнала ребят, ефрейтор высунулся из кабины и что-то крикнул. Ребята не поняли.

В кузове на ящиках сидели три автоматчика. Они не обратили на ребят никакого внимания. Машина проехала, оставив за собой клубы вонючего дыма.

— Ну, вот видишь, и совсем не страшно! — сказал Коля. — Что мы для них! Видят, идут два паренька, никого не трогают...

Витя промолчал и только вытер рукавом пот с лица.

Теперь ребята пошли смелее. Не доходя до Светличного, они свернули в поле, чтобы обойти его стороной.

— Смотри-ка, самолет! — крикнул Витя.

Из низких туч вдруг вылетел истребитель и, круто развернувшись, пошел низко-низко над полем.

— «Мессершмит»? — прищурился Коля.

— Нет, не «мессер»!.. Короче!

— Куда он летит?.. Поворачивает!.. В нашу сторону!.. Ложись! — закричал Коля.

Ребята бросились в придорожную канаву, и в то же мгновение самолет со свистом пронесся прямо над ними... Нет, это был не немецкий самолет. На его крыльях ребята успели разглядеть красные звезды.

Они вскочили на ноги и стали наблюдать, что произойдет дальше. Самолет снова развернулся и пошел низко над дорогой. На этот раз ребята не прятались.

Грузовик обогнал ребят больше чем на километр. Самолет вдруг взмыл кверху, а затем стремительно спикировал. Тотчас же вдали над дорогой взметнулся черный столб земли, окутанный белым дымом, и до ребят донесся глухой удар взрыва. Самолет набрал высоту и скрылся в облаках.

Несколько мгновений ребята стояли в оцепенении, а затем, не сговариваясь, бросились бежать туда, где был взрыв. Будь они постарше, может быть, они и поостереглись бы это делать. Но какой мальчишка может отказать себе в том, чтобы прийти первым к месту происшествия? Тем более,

Алексей в темноте нашел руку Миши и пожал ее.

что дорога пустынная, и им казалось, что, кроме них, никого не было вокруг.

Коле было легче бежать: он был в ботинках. Кирзовые сапоги Вити стучали по ссохшейся глине, как деревянная баба, которой заколачивают сваи, но он старался не отставать от Коли, бежал, крепко сжимая в руках свою котомку.

Попадание было точным! Грузовик лежал на боку, ящики выпали из него и рассыпались. Несколько ящиков разбилось, и вокруг них на траве валялись небольшие предметы, чуть побольше куриного яйца. С одной стороны они были выкрашены в ярко-голубой цвет, с другой — ярко-красный; красную половину красиво облегала никелированная дужка.

Шофер и ефрейтор были убиты наповал. Ефрейтор вывалился из кабины и лежал навзничь на дороге, сжимая в руке гармошку. Тут же валялись трупы двух автоматчиков. Третьего не было видно. Наверно, его завалило ящиками...

Только теперь, добежав до грузовика, мальчики поняли, что торопиться было незачем. Ничего они не могли сделать, а если бы и могли, то неизвестно, чем бы все это для них самих кончилось.

Витя нагнулся и поднял красно-голубой предмет.

— Смотри-ка, Коля! Что это?..

— Наверное, это походные чернильницы, — не очень уверенно ответил Коля. — Голубая сторона — для чернил, а красная — крышка. Дужка ее прижимает. Носи в кармане, не выльется.

— А зачем же им столько чернильниц? — удивился Витя. — Только в одном этом ящике их, наверно, больше двухсот.

— Не знаю, — сознался Коля. — Может быть, они подарки везли. Видел, как ефрейтор на гармошке играл?

Ребята вертели в руках «чернильницы». Им хотелось отодвинуть дужку и было как-то боязно. Коля слышал, что гитлеровцы нередко оставляют «сюрпризы». Подкинут ручные часы или вечное перо, и как только дотронешься до них, они взрываются.

Витю тоже разбирало любопытство.

— Откроем? — сказал он.

— А если взорвется? — с опаской взглянул на «чернильницу» Коля.

— Ты же говоришь, что это чернильница...

В Коле заговорил здравый смысл:

— А вдруг не чернильница! Уж очень их тут много.

— Давай все-таки посмотрим, — настаивал Витя.

Сейчас, когда Коля начал колебаться, Вите хотелось доказать свою храбрость.

— Ну давай! — махнул рукой Коля. — Открывай!..

— А как открывать? — спросил Витя вдруг дрогнувшим голосом.

— Сам не знаю... Наверно, надо отогнуть дужку.

— Куда?

— Куда будет гнуться...

— Ну, ты на всякий случай отойди подальше, — сказал Витя. — Я начинаю...

Он переложил «чернильницу» в левую ладонь, крепко сжал ее, а указательным и большим пальцами правой руки взялся за дужку.

— Подожди! — вдруг крикнул Коля.

Рука Вити дрогнула, «чернильница» выпала и покатилась по земле.

Самолет со свистом пронесся над ребятами.

— Чего ты меня пугаешь? — обозлился он.

Коля подошел ближе.

— Я сам, — твердо сказал он.

— Нет, я! — не сдавался Витя; он поднял «чернильницу» и снова схватился за дужку. — Отойди! Слышишь?

И чтобы опередить Колю, он быстро свернул блестящую дужку в сторону. Тотчас же внутри «чернильницы» раздалось шипение.

— Кидай!.. Кидай!.. — закричал Коля.

Не помня себя, Витя размахнулся и как можно дальше отбросил «чернильницу». Ребята присели за кузов опрокинутой машины.

«Чернильница» взорвалась так оглушительно, словно это была стокилограммовая бомба. Несколько осколков провизжали над головами ребят, а один из них впился в шину автомобильного колеса.

— Вот тебе и «чернильницы»! — сказал Коля. — Да ведь это ручные гранаты...

Он приподнялся из-за своего укрытия.

— От деревни идет машина! — быстро сказал он. — Давай уходить!

— Куда?.. — растерянно спросил Витя. — Уже не успеем.

— Эх, надо же нам было связываться с этой гранатой! Они наверняка видели взрыв.

— Бежим!..

— Куда бежать?!

— В поле... Возьмем гранаты. Будем отбиваться!

Коля подумал: «Нет, нельзя нарушать строгий приказ Силаева. Если побежал, значит, в чем-то виноват».

— Вить, — вдруг сказал он, — я останусь на дороге, а ты спрячься вон в тех кустах... Если они мне ничего не сделают, ты выходи...

— А если сделают? — спросил с тревогой Витя.

— Тогда не знаю, — озадаченно ответил Коля. — Возвращайся назад...

— Я не буду прятаться, — решительно сказал Витя, — я устрою засаду. Если что, буду бросать гранаты.

Витя раскрыл мешок, положил в него десятка полтора «чернильниц» и, пригнувшись, побежал в густые кусты метрах в двадцати от дороги. Кусты эти были небольшим островком в поле. Отходить Вите некуда, но и подойти к кустам не так-то легко, если оттуда летят гранаты.

Коля поправил на плече мешок и взглянул на гранаты. Взять или не взять?.. А если обыщут?! Спросят, для чего брал гранаты... Не оправдаешься.

Поборов соблазн, он повернулся и пошел навстречу машине, которая быстро приближалась. Это была открытая легковая машина, битком набитая людьми. Один сидел верхом на заднем запасном колесе, и его голова возвышалась над ехавшими в кузове.

Коля торопливо шел по обочине и успел отойти от места бомбежки метров на триста, когда машина поравнялась с ним и шофер резко затормозил.

Рядом с шофером сидел уцелевший автоматчик; у него была забинтована голова. Позади, на втором сиденье, подавшись вперед, подозрительно уставился на Колю большеголовый человек с редкими растрепанными волосами вокруг лысины. Это был староста деревни Светличное. Рядом с ним, держа в руках автоматы, испуганно выглядывали два полицая, а третий примостился сзади, на запасном колесе.

— Эй, парень, что там взорвалось? — крикнул староста.

Коля был готов к этой встрече, но при виде такого количества вооруженных людей у него пересохло во рту.

— Я тебя спрашиваю, чертов сын! — выругался староста. — Подъехать можно?! Там ничего не горит?..

— Нет, — тихо ответил Коля.

— А что это за взрыв?

— Не знаю, дяденька...

Староста переглянулся с полицаями и вновь раздраженно обратился к Коле:

— Я тебя, дурака, спрашиваю: там, значит, больше ничего не взрывается?

— Нет, — сказал Коля.

Он почувствовал на себе странный, пронзительный взгляд автоматчика, сидевшего рядом с шофером.

— Ну, поехали! — сказал староста, удовлетворенный допросом, и тронул шофера за плечо.

Но в этот момент автоматчик открыл дверцу машины и выскочил на дорогу. Он медленно подошел к Коле и остановился перед ним, широко расставив ноги. Коля взглянул ему в лицо и вдруг понял, что все пропало, теперь ему не уйти. Он хорошо помнил этого солдата, дежурившего на переезде. Солдат первый начал представление с коровой: потащил ее на веревке к станции. Бежать!.. Но куда?! Солдат тут же скосит его автоматной очередью. Оставалось одно: стоять и ждать своей участи. Как жаль, что он не взял гранаты! Бросил бы сейчас одну в машину, другую себе под ноги... Сам погиб, но и врагов убил бы.

Гитлеровец постоял немного с мрачной улыбкой на худощавом, со впалыми щеками лице, потом не спеша подошел и со всего размаху ударил Колю по лицу.

Коля упал и, закрыв лицо ладонями, дико закричал:

— Дяденька! Не надо!..

Не понимая еще, в чем дело, староста удивленно наблюдал за этой сценой. Мальчишка как мальчишка. Мало ли их сейчас бродит по дорогам!

— Херр золдат, — сказал староста, мешая русские слова с немецкими, — к черту кнабе!.. Битте!.. Нам некогда!..

Гитлеровец шагнул к машине и стал яростно кричать на старосту, тыча пальцем в сторону Коли:

— Партизан! Коров!.. — Он вскинул руки кверху. — Бандит... Цвай киндер! Дохлый коров!..

Староста наконец понял, о чем кричит солдат. Солдат, видно, опознал одного из тех, кто привел корову на станцию. Так вот какая птица неожиданно попалась в руки! Нет, выпустить ее нельзя. Он сам выбьет из этого партизана все необходимые сведения и доставит его в город, в гестапо.

Староста выскочил из машины и, припадая на левую ногу, подбежал к Коле. Почувствовав на своем плече чужие цепкие руки, Коля рванулся, укусил старосту за руку. Тот охнул, но не выпустил его.

Через минуту со связанными руками и ногами Коля, согнутый в три погибели, лежал в машине у ног полицаев, которые насмешливо поглядывали на него.

— Вот щенок! — ругался староста, тряся укушенной рукой. — Погоди! Ты у меня узнаешь, с чем редьку едят!.. Я тебе покажу!

Коля молчал. Тонкие ремни, которыми он был связан, впились в тело чуть не до костей. Он не представлял себе, что способен терпеть такую боль.

Машина проехала немного и остановилась. Староста, автоматчик и полицаи вышли из нее и стали осматривать то, что осталось от «Круппа», а шофер закурил и привалился к спинке сиденья. Его дело — возить. Да и надо же кому-то сторожить задержанного партизана! Шофер курил, поглядывая одним глазом через спинку сиденья на мальчика. Может быть, где-нибудь в Германии и у него остался такой же сынишка. Шофер хмурился, жевал сигарету и вздыхал.

Автоматчик и полицаи перетащили трупы убитых на обочину и сложили их рядом. Староста ковылял от одного ящика к другому. Он был очень раздосадован. Ничего интересного. Были бы консервы, а то гранаты! Черт бы их побрал!

Несмотря на острую боль, Коля приподнялся и влез на сиденье. Отсюда ему было хорошо видно и то, что происходило у разбитой машины, и кусты, в которых притаился Витя. «Неужели он ничего не видел? — с тоской думал Коля. — А как было бы хорошо, если бы он сейчас забросал их гранатами!.. Ни один не ушел бы! Может быть, он боится попасть в меня? Лучше умереть, чем терпеть такие муки!..»

Коле хотелось крикнуть: «Витя, кидай!», — но он побоялся: а вдруг Витя замешкается, и тогда они погибнут оба.

Может быть, Витя и прав. Зачем рисковать? Он не имеет на это права. Кто же тогда вернется к партизанам и доложит Силаеву обо всем, что случилось? Если Силаев будет знать, что их постигла неудача, он пошлет кого-нибудь другого. Теперь отец уже никогда больше не увидит своего сына Колю.

Тяжелый взрыв раздался совсем рядом. Коля видел, как закричали и повалились полицаи. Автоматчик и староста кинулись в разные стороны. Шофер ошалело схватился за баранку и, не соображая, что делает, дал задний ход. Это спасло его при втором взрыве, который сразил побежавшего к кустам автоматчика.

Коля рванулся изо всех сил, перевалился через борт машины и упал на землю. Он беспомощно бился, стараясь освободиться от ремней.

Шофер что-то растерянно бормотал. Вдруг к машине подбежал староста. Одним махом он бросил Колю на заднее сиденье, сам прыгнул на переднее, хлопнул дверцей, и машина, круто развернувшись, помчалась назад, к деревне.

Староста всю дорогу ругался. Он не понимал, что произошло. Откуда летели гранаты? Шофер, не знавший почти ни одного русского слова, пытался что-то ему объяснить. Он, наверное, видел...

«Вот вам, вот вам!» — мстительно думал Коля. Он приготовился к самому худшему, но был рад, что не ошибся в Вите. Коля не знал, на что способен этот толстый, неуклюжий мальчик. Недаром говорят, что только в испытаниях проверяется подлинная дружба.

Витя действует

Виктор забрался в самую гущу кустов и примостился в неглубокой ямке. Над ним тихо шелестели уже сникшие, поредевшие ветви: ветер срывал листья, и они падали на шею и руки мальчика, словно стремясь прикрыть его от опасности.

Положив рядом с собой свой мешок, Виктор, опершись на руки, напряженно наблюдал из-за своего укрытия, как медленно бредет по дороге Коля навстречу быстро приближающемуся автомобилю.

Витя изо всех сил метнул гранату на дорогу.

«Что же будет? — в отчаянии подумал он.— Зачем он пошел? Пересидели бы вместе как-нибудь!..»

Ему захотелось выскочить и позвать, но уже было поздно: машина затормозила рядом с Колей.

Все, что увидел он потом: сильный удар солдата, сбивший Колю с ног, короткая и неравная борьба Коли с толстым хромым мужчиной,— потрясло Витю. Не зная, что делать, он заметался. Всегда чрезмерно осторожный, нерешительный, он готов был, не раздумывая, броситься туда, к Коле.

В то же время Витя понимал: один неудачный шаг—и они оба погибнут. Нужно что-то придумать! А если подкрасться и бросить в машину гранату?.. Нет, нельзя! Никак нельзя! Ведь там Коля! И взрослому, опытному бойцу решить эту задачу было бы трудно, а Витя должен был принимать свое первое ответственное решение без всякой помощи.

Витя всегда охотно подчинялся тому, кто вел его за собой. Это избавляло его от необходимости решать самому и отвечать за свои поступки. Так с самого детства воспитывали его в семье. Отца у него не было: он умер от тяжелой болезни, когда Вите не было еще и трех лет, — а мать приучила его никогда ни о чем не заботиться. «Учись, сынок, — говорила мать, — это твоя главная работа». Витя учился не очень хорошо, но из класса в класс переходил. Дома мать не разрешала ему даже вбить в стенку гвоздь; сама работала, сама и хозяйство вела.

Посмотрела бы она сейчас на своего сына, в отчаянии искавшего выход из трудного положения!

Что произошло на дороге? Почему солдат ударил Колю? Кто этот хромой дядька, который вдруг набросился на Колю? Витя не находил ответа на эти вопросы.

Бесполезное сидение в кустах становилось невыносимым.

Машина тронулась с места и направилась к разбитому грузовику.

Витя напряженно следил за высоким немецким солдатом с автоматом на ремне, который шагал впереди, что-то сердито выговаривая хромому толстяку. Когда они подошли поближе, толстый махнул рукой, подзывая полицаев, и они осмотрели грузовик со всех сторон.

Витя сосчитал противников: три полицая, солдат и дядька в пиджаке — пять; шофер в машине — шесть... Не мало!.. И все вооружены!..

Витя видел, как полицаи перетаскивают ящик, складывают в ряд на обочине трупы. Вдруг его рука задела вещевой мешок, о котором он совсем забыл, и под тонким брезентом нащупал «чернильницу». У Вити округлились глаза. Взять гранату и метнуть... Страшно! Вот они живые ходят по дороге, а через мгновение умрут. Он взглянул налево и увидел, как над краем кузова замаячило едва различимое лицо Коли. И вдруг Витю словно что-то в грудь кольнуло. Они убьют Колю, зачем же их жалеть?..

Витя вытащил из мешка гранату, подержал ее в нерешительности, а потом отчаянным движением провернул дужку. Граната зашипела, и, ничего не помня, желая лишь избавиться от нее, Витя изо всех сил метнул ее на дорогу. А сам упал ничком в траву и закрыл глаза, чтобы ничего не видеть.

Взрыв потряс землю. На дороге закричали. Витя слышал крики, но ему было так страшно, что он не решался поднять голову и посмотреть. Он лежал минуту, а может быть, и гораздо больше. Наконец открыл глаза. Над ним висел, касаясь лба, большой желтый лист с мелкими-мелкими прожилками, по лицу полз черный муравей... «Жив!»— подумал Витя.

Но времени, наверно, прошло не очень много. Он взглянул на дорогу. Полицаи лежали без движения там, где их настиг взрыв, а гитлеровец и хромой толстяк метались, не зная, куда им спрятаться. Вдруг автоматчик бросился к кустам...

Вторую гранату руки схватили сами, она полетела под ноги гитлеровца. Взрыв оглушил Витю. Над его головой, срезая ветки, просвистели осколки. Когда он вновь выглянул из своего укрытия, на

дороге остался только хромой толстяк. Он бежал к машине.

Что он делает?.. Нагнулся и схватил Колю! Бросил его в кузов!.. Машина разворачивается... Витя готов был метнуть и третью гранату, но удержался и стремглав бросился к лежавшему невдалеке гитлеровцу, чтобы завладеть его автоматом. Но уже ничего не смог сделать. На большой скорости машина увозила Колю к деревне...

Только теперь Вите стало по-настоящему страшно. Он повернулся и бросился бежать назад, к лесу. Скорее добраться до Силаева и все ему рассказать! Ноги несли его все дальше от страшного места.

Когда вдали замаячила желтая полоска леса, он почувствовал, что должен хоть немного передохнуть, и присел на обочину. Мешок с хлебом и гранатами остался в кустах, и только сейчас, ощутив голод, Витя вспомнил об этом.

Его раздирали сомнения. Ну, хорошо, прибежит он к Силаеву. А дальше что? Если даже Силаев пошлет группу партизан выручать Колю, то пока они доберутся, Колю наверняка убьют. Видно, он очень нужен полицаям, если даже в панике этот дядька о нем не забыл.

Чем больше размышлял Витя, глядя на широкие, по-осеннему поблекшие поля, тем яснее становилось ему, что возвращаться в партизанский лагерь не следует. Надо попытаться помочь Коле.

Он нагнулся, подобрал с земли автомат, накинул его на плечо и пошел назад, еще не решив, что ему делать. Проникнуть в деревню и узнать, где спрятан Коля? Или, притаившись где-нибудь, ждать, пока его поведут, и обстрелять охрану?.. Конечно, все Витины планы были наивны. В глубине души он и сам понимал это.

Взрыв потряс землю.

У поворота дороги, когда до разбитого грузовика оставалось меньше двухсот метров, Витя вдруг бросился в придорожный кювет. От деревни снова мчалась знакомая машина. На этот раз она была не одна, за ней шла другая, битком набитая полицаями.

Машина остановилась на довольно большом расстоянии от кустов; полицаи рассыпались цепью и, стреляя из автоматов, стали их окружать. Колченогий староста, выйдя из легковой машины, командовал, но сам старался держаться подальше.

Подкравшись ближе, один из полицаев метнул в кусты гранату, за ней другую... Затем, разом вскочив, полицаи с разных сторон устремились навстречу друг другу, ломая ветки.

Витя видел, как полицай, бросавший гранаты, вышел из кустов, размахивая Витиным мешком. Староста отобрал у него мешок и вытряхнул его содержимое на землю. А потом он вынул бинокль и стал внимательно осматривать окрестности.

Витя притаился. Если полицаи поедут по дороге к лесу, то они сразу заметят его.

Время шло, а машины не было слышно. На всякий случай он проверил автомат. Патронов много, он будет защищаться... Но что же все-таки делают полицаи? Витя чуть приподнялся и выглянул на дорогу. Полицаи грузили ящики на машину. Трупов уже не было видно: их, наверно, уложили раньше. Витя опять лег в кювет, выставив вперед автомат. Он решил стрелять первым, как только покажутся полицаи.

Время тянулось томительно долго. Наконец он услышал, как глухо заурчал мотор. Куда поедет машина?.. Сюда? Шум стал удаляться. Витю так и тянуло взглянуть на дорогу, но он удерживал себя. Выждал еще немного и приподнялся.

У него вырвался вздох облегчения: машины одна за другой удалялись, а вслед за ними строем шли полицаи. На обочине дороги колесами кверху валялись лишь смятая машина и обломки разбитых ящиков.

Витя выждал, пока полицаи отошли подальше, и осторожно приблизился к тому месту, где хромой толстяк вытряхнул содержимое вещевого мешка. Гранат не было. В пыли валялись куски хлеба. Какое счастье!

Под зубами хрустел песок, но Витя с жадностью ел, чувствуя такой острый голод, какого не ощущал никогда.

Сгущались сумерки. Тяжелая, темная туча нависла над полем, и холодные капли дождя упали на шею и руки, поползли по лицу. Витя поднял воротник пиджака и потуже запахнул его. Съев хлеб, он почувствовал, что снова может идти. Но куда?.. Его тянуло поближе к деревне. «Не может быть, — думал он, — чтобы там не нашлось добрых людей. Надо спрятать где-нибудь автомат, дойти до крайней хаты и постучаться. Документы у меня в порядке, справка есть, может, и пустят...» И Витя твердо решил, дождавшись темноты, идти в деревню.

Вскоре он увидел, как по едва заметной тропинке в поле медленно бредет паренек в старом, поношенном ватнике, с лукошком в руках. Временами паренек останавливался, нагибался и что-то выкапывал. Находку бросал в лукошко и снова шел, глядя под ноги.

Витя хотел спрятаться, но потом передумал. Как-никак он вооружен, и если мальчишка послан высматривать его, то, пока он вернется в деревню, Витя успеет скрыться в лесу.

А что, если с ним поговорить? Все равно паренек, наверное, уже заметил его и только притворяется, что ищет что-то...

Витя положил автомат на дно канавы, прикрыл его доской и, сложив у рта руки трубкой, крикнул:

— Эгей!..

Паренек поднял голову и прислушался.

— Эй, малый!..— снова крикнул Витя.

Паренек увидел Витю и быстро пошел к нему. На вид мальчику было лет тринадцать. Из-под кепки торчали спутанные светлые волосы, лицо его было бледно, с синеватым шрамом через всю щеку. Паренек шел осторожно, оставив свое лукошко в поле: наверно, боялся, как бы его не отобрали. Серые глаза его смотрели из-под белесых бровей смело и с любопытством.

— Что тебе? — спросил он недружелюбно, подойдя поближе.

— Это какая деревня?

— А тебе какая нужна? — вопросом на вопрос ответил паренек, внимательно и недоверчиво разглядывая Витю: таких толстых мальчишек не было в окрестных деревнях, наверно, издалека пришел.

— Это Светличное? — спросил Витя.

— Ну, Светличное, — ответил паренек. —А дальше что?

— А дальше... ничего, — пожал плечами Витя.

— Ты только для этого и звал меня? — насмешливо спросил паренек.

— Для этого!

— Ну, до свидания... Катись по дорожке... Мне некогда, — сказал паренек и повернулся, чтобы уйти.

— Ты что тут делаешь? — спросил Витя.

— Разве не видишь? — презрительно усмехнулся паренек. — Грибы ищу!

— Какие грибы? Грибы в поле не растут...

Не слушая его, паренек быстро пошел назад. Но Витя снова удержал его:

— Поди сюда!

Паренек не остановился. Витя видел, что он лишается последней возможности узнать что-либо о судьбе Коли, и в отчаянии решился на крайний поступок.

— Поди сюда, говорят! — громко крикнул он. — Поговорить надо!

Паренек обернулся. Очевидно, выражение Витиного лица поразило его, и он снова подошел поближе.

— Ты знаешь, кто я? — произнес как можно внушительнее Витя. — Я партизан!

Паренек недоверчиво взглянул на него.

— Врешь! — сказал он.

— Вот и не вру! — сказал Витя. — Я на самом деле партизан.

— А чем докажешь? — спросил парнишка.

Витя растерянно помолчал. В самом деле, чем доказать? Не рассказывать же, с каким заданием он сюда направлен!

Но тут взгляд его упал на доску и приклад автомата под ней.

— Вот что у меня есть! — И Витя поднял автомат над головой. — Теперь веришь?

Автомат, видимо, убедил парнишку.

Он подошел к Вите и опустился на траву, продолжая все же держаться настороженно.

— А ты зачем сюда пришел? — спросил он, подозрительно взглянув на Витю.

— Раз пришел — значит, дело есть, — ответил Витя. — Ты лучше на мой вопрос ответь...

— Может, и отвечу, — буркнул парнишка.

Витя решительно махнул рукой: эх, будь что будет!

— От вас на станцию корову водили? — спросил он.

— Водили, — сказал парнишка, и в глазах его что-то дрогнуло.

— А пастухов партизаны задерживали?

— Было дело...

— Одежду с них снимали?

— Снимали,— подтвердил паренек; лицо его выражало смятение: он то улыбался, то хмурился. — А какой масти была корова? Рыжая? — спросил он, прищурившись.

— И вовсе не рыжая, — сказал Витя, — а белая. Только морда у нее была черная с белой полоской от ушей до носа.

— Верно! — вскочил на ноги паренек. — А ты откуда знаешь?

— Как не знать, сам водил!

— Куда?

— На станцию!

Теперь паренек смотрел на него с удивлением и доверием.

— А ты видел ребят, которые вели корову из деревни? — спросил он.

— Нет, не видел, — сказал Витя, — их в кустах прятали.

— Зачем?

— Чтобы они нас потом не опознали. Мало ли что бывает!..

Паренек сел рядом с Витей.

— Знаешь, кто в кустах сидел? — спросил он, выдержал паузу и ткнул себя в грудь: — Я сидел! Это меня ваши задержали вместе с Васькой Ломакиным...

— А попало вам потом от старосты?

— Ух, и попало!.. Колченогий меня палкой бил. До сих пор вся спина в синяках.

— Тебя как звать?

— Сема. А тебя?

— Зови меня... Лешей! А теперь скажи, Сема, — перешел Витя к делу, — ты видел, кого сегодня в деревню привезли?

— Видел! Колченогий на машине привез. Мальчишка такой, как мы... худющий, злой... Колченогий его по рукам и ногам связал и прямо в подвал.

— В какой подвал?

— Ну, в доме, где полицаи живут. С решеткой...

— Подобраться туда никак нельзя?

— Что ты, сейчас полицаи злющие. Кто-то тут на дороге сегодня чуть самого колченогого не укокошил...

— Так этот хромой дядька и есть ваш староста?

— Наш... Гордеев!..

Витя вспомнил, что о каком-то Гордееве, с которым надо рассчитаться, говорили между собой Геннадий Андреевич и Силаев.

— Жалко, — проговорил он, — не знал я этого!

— Что тогда было бы?

— Не унести бы ему отсюда ноги.

Сема внимательно взглянул на Витю.

— Так это ты их тут?

— Я.

— Из автомата?

— Нет, гранатами... Вот что, Сема, нам нужно спасать товарища.

Сема пожал плечами.

— У нас с тобой сил не хватит. С одним автоматом против всех не пойдешь.

— А сколько их там?

— Полицаев? Человек десять.

— Не такая уж большая сила, — вздохнул Витя и подумал о Геннадии Андреевиче: вот бы разыскать его! А ведь он с отрядом должен быть где-то в этих местах.

— Скажи,— спросил он,— а ты о партизанах ничего не слышал?

— Слышал. Они, говорят, сегодня ночью подожгли мельницу в Малиновке.

— В Малиновке? — насторожился Витя; теперь он отчетливо вспомнил, что после Малиновки Геннадий Андреевич собирался идти в Стебловку: там у гитлеровцев склады с мукой.— А до Стебловки отсюда далеко?

— Совсем близко, семь километров. Иди вон в ту сторону.— И Сема показал рукой на запад.— Только иди прямо, а то в темноте заплутаешь. Доберись до мостика, а там дорога сама доведет...

Витя встал.

— Ну, хорошо, я пойду... А ты куда?

— Я тут старую картошку копаю. Колченогий не велит за деревню выходить, а я тайком. Не с голоду же подыхать...

Витя накинул на плечо автомат и попрощался.

— Ну, до свидания,— сказал Витя,— когда-нибудь свидимся!

— Иди до мостика,— крикнул ему вдогонку Сема,— никуда не сворачивай!

Тьма сгустилась над полями, где-то вдалеке шарил по небу бледный луч прожектора. Под ногами расползалась мокрая, жирная земля. Витя торопился.

(Продолжение следует.)

НА ПОЛКИЛОМЕТРА В ГЛУБЬ МОРЯ

Новый глубоководный снаряд, созданный советскими учеными, который вы видите на этом рисунке, позволит человеку заглянуть в глубь моря. Он сможет спускаться на глубину до шестисот метров.

Снаряд этот называется гидростатом. На вид новый гидростат очень прост: два прочных металлических цилиндра поставлены друг на друга. В нижнем цилиндре помещается вращающееся седло, на котором сидит наблюдатель. В стенках верхнего цилиндра расположено пять окон для наблюдения. На гидростате установлены осветительная аппаратура, фото- и киноаппараты, приборы для измерения давления и температуры воды, фотометры — приборы для определения освещенности воды.

А внутри гидростата расположены надежные приборы для поддерживания постоянных температур и состава воздуха, телефоны для связи с судном, кнопки и рукоятки для управления аппаратурой.

Гидростат спускается с судна на прочных тросах. Но в случае необходимости гидростат — а он без груза много легче воды — может самостоятельно всплыть на поверхность. Для этого нужно только сбросить аварийный груз.

Из гидростата наши ученые своими глазами увидят, как работают глубоководные орудия лова, узнают, как рыбы разных пород относятся к свету и звуку, к виду сетей и тралов.

Подслушают ученые и «голос» глубоководных рыб. А когда результаты новых знаний, добытых на большой глубине, обработают в лаборатории, тогда капитаны рыболовных судов еще увереннее, чем сегодня, пойдут в море на промысел, чтобы привезти богатые уловы морской рыбы.

В. Зайцев,
директор Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии

Это будет не просто дом-дворец, который можно было бы построить на любой улице или площади, а целый город — «пионерская республика». Чтобы обойти его кругом, придется совершить прогулку примерно в три километра.

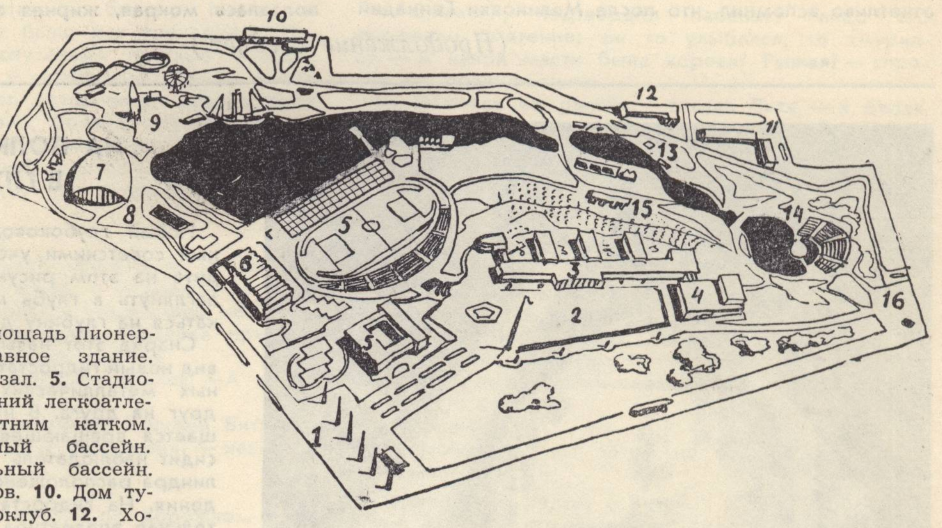
Как и всякий город, Дворец пионеров будет иметь главную площадь — площадь Пионерских парадов. Здесь на высоком флагштоке будут ежедневно поднимать флаг, а в торжественные дни загорятся пионерские костры. Для гостей выстроят гранитные трибуны. Вдоль трибун установят мраморные фигуры героев-пионеров.

Но ведь главное здание — это лишь одно из сооружений будущего города. А что еще строят здесь?

Много построек для юных спортсменов: стадион, корпус спортивных секций, стрелковый тир, зимний легкоатлетический манеж, летний каток, закрытый и открытый плавательные бассейны. На участке выроют несколько прудов и откроют лодочную станцию с гребным клубом. А морской клуб расположится в настоящем корабле.

Не забыты и юннаты. В их распоряжении фруктовый сад, огород, пасека, оранжерея, пруд для разведения рыбы и даже свой зоопарк.

ГОРОД ПИОНЕРОВ

1. Главный вход. **2.** Площадь Пионерских парадов. **3.** Главное здание. **4.** Большой концертный зал. **5.** Стадионы и спортзалы. **6.** Зимний легкоатлетический манеж с летним катком. **7.** Крытый плавательный бассейн. **8.** Открытый плавательный бассейн. **9.** Площадь аттракционов. **10.** Дом туриста. **11.** Автомотовелоклуб. **12.** Хозяйственный корпус. **13.** Зоопарк. **14.** Летний театр. **15.** Оранжерея. **16.** Южный вход.

Главное здание Дворца будет состоять из семи соединенных друг с другом корпусов. В основном корпусе — большие залы. Это торжественный Ленинский зал, зимний сад с бассейном и фонтаном, залы для игр, выставочные залы юных техников и художников.

В других корпусах расположатся пионерский театр, клуб занимательной науки. Много интересного найдут для себя юные «ученые» в лабораториях физики и химии, юные техники — в лабораториях радиотехники, авиамодельной и судостроения. Здесь будут водные бассейны, аэродинамическая труба и даже специальный аэродром для показа действующих моделей. В фотокиностудии можно будет пользоваться новейшей фотоаппаратурой и самим снимать фильмы. Для девочек будут оборудованы классы домоводства и кулинарии. Создаются студии живописи и скульптуры, музыкальные и хореографические классы, репетиционные залы для хоров и оркестров, для юных художников, музыкантов, артистов.

Для юных автомобилистов строят автомотовелоклуб. Здесь будут готовить «кадры» для пионерской автобусной дороги, которая опояшет весь городок. Свой отдельный дом-гостиницу и палаточный городок получат юные туристы.

Ну, а если пионер придет во Дворец просто так, развлечься и погулять? Тогда он пойдет в огромный парк, где будут жить разные звери и птицы, а по газонам можно бегать, как в лесу; или на площадь веселых аттракционов, где можно испытать свою смелость на «русских горах», покататься на «индивидуальной машине» в мотодроме и даже «слетать на Луну». Будет в парке и открытый летний театр с эстрадой на острове одного из прудов.

Летом у Дворца можно будет купаться и загорать на пляже с чудесным крымским песком, а зимой резвиться на коньках.

Вот какой чудо-город строят для ребят комсомольцы Москвы.

Архитектор И. Покровский

Что нам читать?

Человек-песня

«Песня над Босфором» — так называется книга, о которой я хочу здесь рассказать. Книга эта написана не о песне и не о лазурном проливе Босфор. Она о человеке. Человек этот живет среди нас, он ходит по московским улицам, разговаривает с детьми на бульварах, усталое и улыбчивое лицо этого человека можно увидеть на митингах и собраниях, в толпе первомайских демонстрантов.

Жизнь этого человека и есть песня — мужественная, исполненная поэзии борьбы и огромной человечности. Человек этот — коммунист и поэт, зовут его Назым Хикмет.

В книге «Песня над Босфором» шаг за шагом, год за годом рассказывается о жизни отважного поэта-коммуниста. Он был еще совсем юным, когда его душу захватила могучая революционная волна. Он оставил богатый дом, где родился, отказался от будущности привилегированного офицера флота, к которой его готовили, он все бросил ради революции, ради светлого будущего изможденных работой и нищетой турецких рабочих и крестьян.

Много раз враги трудящихся пытались приручить и поставить себе на службу великий дар поэта. А когда не удалось купить его, враги сделали все, чтобы убить поэта и его поэзию, они упрятали поэта и стихи в самой страшной тюрьме Турции. Но и там они не могли ничего сделать с этим живым источником революционной поэзии.

Стихи Хикмета находили дорогу и сквозь тюремные ограды. Они переводились на все языки мира. И когда поэт объявил голодовку в тюрьме, чтобы таким суровым и страшным путем добиться свободы, весь мир прогресса и культуры объединился, чтобы спасти человека, чье имя было дорого и любимо человечеством. Сотни и тысячи телеграмм с требованием свободы Хикмету шли к турецким властям. В Турции, во всех странах мира люди на митингах клеймили позором палачей, готовых убить поэта-революционера. И враги отступили. Они были вынуждены освободить Назыма.

В Советской стране, в Москве, в городе, который служит миру символом свободы, живет и работает Назым Хикмет. Его стихи и пьесы известны всему миру, его борьба за мир и дружбу людей завоевали ему любовь и признание человечества, он по праву носит

Если я гореть не буду,
и если ты гореть не будешь,
и если мы гореть не будем
так кто же здесь
рассеет тьму?

Назым

Назым ХИКМЕТ

СЕРДЦЕ МОЕ НЕ ЗДЕСЬ

(Стихи, написанные в турецкой тюрьме)

...Каждую ночь,
каждую ночь,
когда арестанты кричат во сне,
сердце мое,
как маленький гость,
летит домой, к матери и жене.

Десять лет
меня ждет мой нищий народ.
Мне надо ему что-нибудь подарить.
Как быть!

Сквозь решетку я протягиваю
единственное, что у меня есть
красное яблоко —
свое сердце, доктор.

Сердце мое не здесь,
не со мной.
Это я в лазарете лежу больной,

почетное звание лауреата Международной премии мира.

Книга **А. Тверского «Песня над Босфором»** о жизни и творчестве несгибаемого коммуниста, доброго и умного друга людей будет с радостью читаться всеми, кому дорога поэзия и борьба, кто хочет больше знать о замечательном человеке Назыме Хикмете.

Л. Разгон

а сердце мое всю ночь горит,
оно с далекой звездой говорит.
А вы говорите:
«Тюрьма. Никотин.
Надо бросить курить...»

Разве можно лечить сердце мое,
сердце мое лечить!!

Перевел
Ярослав Смеляков.

В погоне за невидимым

Тридцать лет назад инженеры крупнейших автомобильных фирм Америки были озабочены. Новые быстроходные машины, которые начали выпускать их заводы, выходили из строя одна за другой.

Такие же непонятные катастрофы стали происходить и в авиации. Пикирующие с бешеной скоростью самолеты в момент выхода из стремительного падения неожиданно испытывали какой-то страшный внутренний удар и рушились наземь.

Долго искали конструкторы причину катастроф и наконец нашли. При огромных скоростях новых машин оказалась недостаточной та шлифовка деталей, которая до сих пор считалась вполне удовлетворительной.

Механики возмущались.

— Да посмотрите на этот вал! — говорили они. — Ведь он так тщательно обработан, что блестит, как зеркало!

Но конструкторы рассматривали вал через особый микроскоп, и тогда механики могли убедиться собственными глазами, что казавшаяся блестящей и гладкой поверхность металла на самом

деле покрыта гребешками мельчайших зубцов.

Ни глазами, ни на ощупь этих зубцов не обнаружить. Их высота — несколько десятых долей микрона, а микрон — это всего лишь одна тысячная часть миллиметра. Но и такой ничтожной неровности порой достаточно, чтобы вывести из строя машину.

Вот тогда-то и появилась нужда в особых приборах, которые могли бы показывать абсолютно точно, насколько гладка поверхность той или иной детали мотора.

Но как создать такой чувствительный механизм, который улавливал бы на ощупь неровности, в сто раз более тонкие, чем самый тонкий волос? И не только улавливал, но и рисовал на бумаге в увеличенном виде и точно высчитывал их высоту.

Над этой задачей невообразимой сложности бились инженеры многих стран. Советские конструкторы ее решили. Они создали чудо-прибор.

О том, как шла эта погоня за невидимыми гребешками, рассказывает вышедшая в Детгизе новая повесть **Юрия Вебера «Профиль невидимки».** Его книга получила первую премию на Всероссийском конкурсе на лучшую детскую книгу о науке и технике. Обязательно прочти эту повесть! Читать ее интереснее, чем самый захватывающий роман о приключениях, так увлекательно она написана. А попутно узнаешь и много любопытного об изобретателях и ученых, создающих новые, невиданные машины, побываешь в заводских цехах и научных лабораториях и увидишь много такого, о чем и не подозревал.

А. Дорохов

Пионер—друг октябрят

Пионер — друг октябрят. Но ведь октябрята маленькие. Это совсем особенный народ. Они многого не знают, многого не умеют. С ними не так-то легко работать. Ведь их надо воспитывать. Вожатый звездочки — это уже воспитатель.

Как же и чем помочь октябрятам? Чем их порадовать? Какие проводить с ними игры? Как передать им полезные навыки и привычки? Как сделать их дружными? Все это мож-

но узнать из хорошей книги **«Октябрята»,** которую написала **Н. Панова.** На обложке этой книги напечатано, что она для вожатых октябрятских групп. Но она будет хорошим советчиком и для вожатых звездочек. И (сказать по секрету?) многое из того, что вы прочитаете в книге «Октябрята», пригодится вам для вашего звена. Например, игры. Умеете ли вы играть в Красную Шапочку и Серого Волка? Нет? Жаль, это очень весело! А кто такие Помогаи, не знаете? Вы и с Помогаями познакомитесь в книжке. И научитесь лесным играм. Словом, эта книга — отличный помощник для каждого пионера — друга малышей.

ЛЮБИМАЯ ПАПКА ПРОФЕССОРА КОЛЛЕКЦИАНИ-СОБИРАЙЛОВА

Дверь отворилась, и в редакцию вошли два пионера.

— Простите,— сказал один.— Мы хотим спросить вас, почему в журнале давно не печатались заметки из любимой папки профессора Коллекциани-Собирайлова.

— Мы очень любим этот отдел,— сказал другой.

— Любите! Вот и отлично! — обрадовались мы.— Вот вам папка профессора Коллекциани. Помогите нам. Выберите здесь что-нибудь для очередного номера.

Ребята бережно раскрыли папку, и тут из нее выпала фотография человека с грубоватым и несколько даже глуповатым лицом. На обороте фотографии размашистым почерком профессора было написано: «Поэт, которого никогда не существовало».

— Как это не существовало! — удивились ребята.— Раз есть портрет — значит, такой человек жил когда-то!

— А вот и нет! — вмешался в наш разговор находившийся в это время в редакции писатель Лев Васильевич Успенский.— Хотите, я расскажу вам о писателях и поэтах, которых не было!

— Это замечательно! — сказали мы Льву Васильевичу Успенскому.— Вы расскажите, а мы напечатаем ваш рассказ в очередном номере журнала.

Не верь глазам своим

«Если на клетке слона прочтешь надпись: «б у й в о л»,— не верь глазам своим!»

К. Прутков «Плоды раздумья».

Мудрое изречение, не правда ли? Вот только как его понимать? Чему не верить: тому, что это буйвол, или тому, что это слон? Изречение хорошее, но с лукавинкой, и немалой... Может быть, это насмешка?

Ну, нет. Передо мной — толстенький томик, 440 страниц. На коричневой обложке выведено: «Сочинения Козьмы Пруткова». Книга издана в Ленинграде в 1953 году. К книге приложен портрет автора и его автограф. Есть большая вводная статья «Козьма Прутков и «Современник». Имеется биография. «Козьма Петрович Прутков провел всю свою жизнь на государственной службе,— говорится в ней.— Он родился 11 апреля 1803 г.; скончался 13 января 1863 г.». Какие уж тут насмешки!

Если не верите, загляните в справочник. В БСЭ (том 35-й, стр. 200) сказано ясно: «Прутков, Козьма...— смотри Козьма Прутков». В старом словаре Брокгауза и Ефрона помещено целое исследование о жизни и творчестве писателя, оно подписано известным философом тех дней Соловьевым.

А лукавство все-таки есть. Дело в том, что никакого Козьмы Петровича Пруткова никогда не существовало на свете. Он не рождался и не умирал. Он не писал ни стихов, ни прозы. Не было ни его деда, Фаддея Козьмича, ни его отца, Петра Фаддеевича, о которых рассказывает биография,— ничего не было.

Словом, «Если на клетке слона прочтешь надпись: «б у й в о л»,— не верь глазам своим!».

Позвольте, но как же?.. Кто же сочинил тогда знаменитую, всем известную прутковскую эпиграмму:

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз Ханжу.
«Люблю,— он отвечал: я вкус в нем нахожу».

Кем придуманы прославленные глубокомысленные изречения:

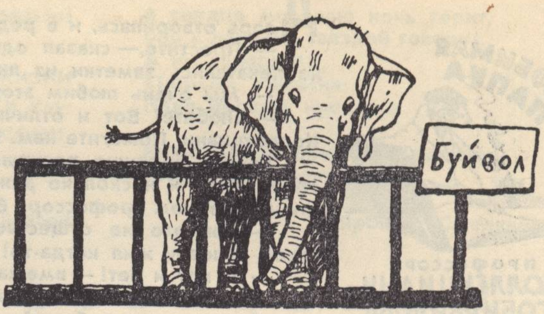
«И устрица имеет врагов».
«Не все стриги, что растет».
«И терпентин на что-нибудь полезен!»

Откуда взялось это все? А вот откуда. Несколько веселых и одаренных молодых людей — братья Жемчужниковы и поэт Алексей Толстой — лет сто с небольшим назад составляли жизнерадостную компанию острословов, умниц, озорников и забавников. Двое из них писали стихи, один учился живописи, остальные просто любили всяческие шутки. Собираясь вместе, они так и сыпали ядовитыми эпиграммами на чиновничью трусость, на сановное чванство, на всякую бездарность и невежество. Сыновьям богатых и знатных семей, все им было доступно, все сходило с рук. Они поставили в императорском театре злую комедию «Фантазию» про собачонку: царь Николай I, правда, приказал спектакль запретить, но авторам за пьесу не попало.

В конце концов им пришло в голову, что еще смешнее все это будет, если они свои стихи и прозу станут печатать не под своими именами, а п р и д у м а в для этого в о о б р а ж а е м о г о автора—чванливого, самонадеянного, глупо - глубокомысленного чинушу. Так и «родился» на свет — не в 1803, а около 1851 года ставший вскоре знаменитым новый писатель—Козьма Прутков.

Произведения этого писателя-призрака печатал на своих страницах лучший журнал того времени, издаваемый Некрасовым,—«Современник». Автор-выдумка пережил славу десятков и сотен самых настоящих «живых писателей». О нем до наших дней пишут работы уважаемые профессора. Его мудрые изречения и сейчас цитируют с усмешкой государственные деятели. Сочинения его знает в СССР каждый культурный человек; а вот собственные стихи одного из настоящих творцов Пруткова, поэта Алексея Жемчужникова, известны теперь разве только ученым критикам, да и то больше потому, что он был «частью Козьмы Пруткова». Ну как же не повторить, узнав про все это, замечательное прутковское изречение: «Если на клетке слона прочтешь надпись: «б у й в о л»,— не верь глазам своим».

Таким образом, Козьма Прутков был грандиозной литературной шуткой, может быть, самой удивительной, но далеко не единственной на памяти людей литературной мистификацией. Интересно, как пришла в голову Жемчужниковым и Толстому такая удивительная мысль — одурачить всех, выдумав для действительно написанных произведений никогда не существовавшего автора!

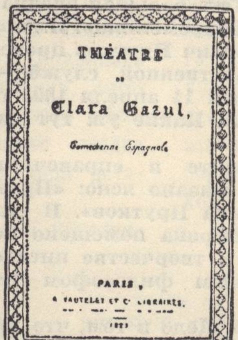
Оказывается, они не были первыми. И раньше талантливые люди занимались порой такими проделками. И случалось уже, забава перерастала их намерение: из шутки рождались интереснейшие дела. Совсем серьезные.

Вы наверняка читали, а может быть, даже знаете наизусть чудесное стихотворение Пушкина «Что ты ржешь, мой конь ретивый». С раннего детства помним мы все и «Трусоват был Ваня бедный». Заглянув в сочинения Пушкина, каждый может убедиться, что эти два стихотворения и четырнадцать других входят в маленькое собрание, называемое «Песни западных славян». И тут выясняется, что Пушкин не совсем сочинил эти шедевры. По его словам, большую их часть он перевел из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года под названием «Гузла» (то есть «Гусли»), или собрание иллирийских поэм, разысканных в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине». Автор книги остался неизвестен публике, однако до Пушкина дошли какие-то слухи о нем, и он поручил одному из своих друзей выяснить это дело. Друг (фамилия его была Соболевский) обратился к французскому писателю Просперу Мериме. И у загадки оказалось совершенно неожиданное решение.

В 1827 году два молодых французских писателя, еще не успевшие прославиться (одним из них и был сам П. Мериме), задумали попутешествовать по Италии. Расстелив карту, они начали вычерчивать по ней маршрут поездки, придумывая заодно, что с ними по пути должно случиться. Но, доехав до славянских земель на севере Адриатики, они обнаружили, что у них «вышли все деньги». Такое, по словам старика Рабле, «ни с чем не сравнимое несчастье» ужаснуло путешественников. Но Мериме нашел выход; он всегда был остроумным и насмешливым человеком. «А что,— сказал он,— если мы еще до поездки опишем свои впечатления, издадим их, получим деньги, а потом двинемся в путь и честно посмотрим, много ли напутали?» На том и порешили.

Мериме добыл брошюру одного француза, жившего в нынешней Югославии, прочитал, что удалось достать из книг о тех краях, переписал оттуда одну славянскую песню в итальянском переводе, выудил упоминавшиеся авторами сербские и черногорские слова и за короткий срок сочинил целый ряд высосанных из пальца «славянских баллад». Маленький томик был затем издан, и автор потешался, серьезно уверяя окружающих, что баллады эти подлинные. Но хотя он и сумел подшутить таким образом над читателями, его большой талант сыграл куда большую шутку над ним самим.

Оказалось, что ему удалось, почти помимо воли, отлично передать самый дух балканской поэзии. Его «Гузлу» прочел великий польский поэт Адам Мицкевич, превосходно знавший славянские языки, и не заподозрил подделки. Она попалась в руки какому-то немецкому профессору — тот написал целую ученую работу о южнославянских песнях. Наконец, эти сербские стихи, сочиненные в шутку двадцатичетырехлетним парижанином, никогда в глаза не видевшим ни одного серба, дошли до Пушкина. И Пушкин, плененный их суровой и великолепной поэзией, сделал из них настоящий шедевр славянской литературы: в самой Сербии поэты стали после этого писать, подражая пушкинским «Песням западных славян». Разве это не удивительные последствия немного легкомысленной выдумки двух французов?

Надо сказать, что П. Мериме был вообще великий мастер «дурачить» своих читателей. Кроме славянской «Гузлы», он выпустил в свет еще сборник очень талантливых театральных пьес, будто бы написанных испанской актрисой Кларой Газуль и переведенных им на французский язык. Он довел свою проделку до того, что приложил к книге свой собственный портрет в женском платье: это и была дивная актриса Газуль.

Очень многие были опять обмануты; пьесы хвалили, Мериме посмеивался, а мы и до сих пор еще не можем с полной точностью объяснить, почему он назвал эту выдуманную актрису «Газуль» (gazul), словно нарочно переставив в ее имени буквы, входящие в название первого его обманного произведения — «Гузла» (guzla).

Вы, может быть, подумаете, что Пушкин рассердился, когда узнал от Соболевского, как ловко его провел лукавый парижанин? Ничего по-

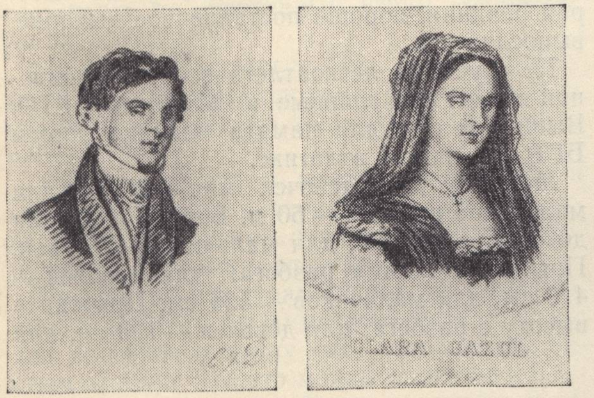
добного: он с удовольствием приложил к изданию «Песен» объяснительное письмо Мериме, а

Проспер Мериме, может быть, несколько сконфуженный успехом своей шутки, до конца жизни почтительно изучал творчество Пушкина, переводил его на французский язык и, став уже знаменитым писателем, неизменно говорил о нем как о величайшем из гениев всемирной литературы XIX века.

Нет, Пушкин не рассердился: он и сам был мастер на такие шутки. Разверните его сочинения на той странице, где начинается маленькая трагедия «Скупой рыцарь». Под ее заголовком вы увидите набранную мелким шрифтом строчку: «Сцена из Ченстоновой трагедии «The cowetous Knight» [1].

Исследователи творчества Пушкина, что называется, с ног сбились, стараясь выяснить, что хотел он сказать этим примечанием. После долгих поисков удалось установить: был в Англии в свое время незначительный писатель Шенстон; в России в дни Пушкина его и впрямь звали «Ченстоном». Но выяснилось и другое: никогда Шенстон не написал ни трагикомедии «The cowetous Knight», ни какого-нибудь на нее похожего произведения. Подзаголовок Пушкина был чистейшей мистификацией. Зачем она ему понадобилась? Очень трудно дать на это точный ответ:

Вглядитесь внимательно в эти два портрета. Вы сразу увидите, что это одно и то же лицо.

может быть, поэту захотелось пресечь надоедные попытки критиков отыскивать в русских произведениях приметы слабого знания западной жизни. Может быть, как бы "играя" в перевод с английского, он помогал самому себе перевоплотиться в своих нерусских героев, лучше понять их речи, мысли и чувства. Возможно, ему просто захотелось втихомолку посмеяться над тщетными попытками дотошных читателей отыскать подлинник удивившего их произведения; и такое случается.

Конечно, случается. У того самого А. К. Толстого, который в юности своей принимал участие в создании Козьмы Петровича Пруткова, есть великолепная поэма, написанная им уже совсем незадолго до смерти, в 1875 году. Называется она кратко «Дракон», но имеет подзаголовок: «Итальянский рассказ XII века». Тот же, кто читал письма А. Толстого к его друзьям, знает: сначала поэт обязательно хотел написать под заголовком: «Перевод с итальянского. XII век».

Друзья, несколько смущенные этим намерением, спрашивали его: зачем ему понадобилась такая неправда? А шестидесятилетний знаменитый писатель, лукаво посмеиваясь, отвечал: «А пусть Анджело де Губернатис покопается в итальянских рукописях, чтобы узнать, откуда я это взял!» Губернатис был хорошо знакомый Толстому крупный итальянский литературовед, женатый на одной русской даме.

Так что же, значит, это было чистое озорство? Пожалуй, не совсем. Толстой написал замечательное произведение, в котором с большой силой передается самый дух средневековья. Написал он его такими стихами, о которых критики говорили, что они выдерживают сравнение со стихами великого Данте; да и написана-то поэма терцинами — тем самым стихом, которым Данте Алигьери писал в XIV веке свою «Божественную комедию».

Так очень может быть, что Толстому просто захотелось испытать себя: ведь если его подделка не будет разгадана, если, как в свое время с «Гузлой» Мериме, знатоки поверят, что перед ними перевод средневекового подлинника,— нужно ли тогда лучшее доказательство большого успеха?

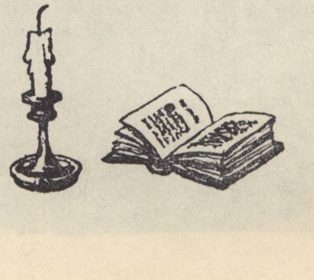
* * *

Меня просили написать для «Пионера» маленькую статью о литературной мистификации; она получилась не совсем маленькой, но все же я не могу рассказать в ней о множестве других забавных шуток, которые писатели разных веков и народов разыгрывали над своими читателями.

Не могу я поговорить здесь о замечательной работе шотландского поэта Макферсона, который наполовину сочинил, наполовину перевел целый ряд баллад давно умершего и даже, возможно, легендарного древнего певца Оссиана (Осина). Макферсон сочинил эти баллады от себя, но именно с восхищения ими началось изучение подлинных старинных народных песен Шотландии. Он наполовину выдумал их, но подражания им породили во всех странах Европы множество интересных поэтических произведений: тот же Пушкин написал в юности ряд «оссиановских» мрачных баллад.

Так или иначе, вам теперь известно, что такое литературные мистификации, и, если вам угодно, вы можете разыскать в истории мировой литературы и другие ее примеры.

Лев УСПЕНСКИЙ

[1] «Скупой рыцарь».

Осень на старте

Есть вещи такие же привычные, как то, что солнышко в сентябре встает позже, а заходит раньше, чем в июле, что осенние аллеи парков покрываются золотым ковром опавших листьев, что летние каникулы начинаются весной, а учебный год — в сентябре.

Такой же привычной, незыблемой вещью должен стать пионерский обычай осенних спортивных соревнований.

Это очень хороший, очень веселый и мудрый обычай. Мальчики и девочки, начавшие новый учебный год, выходят на детские стадионы, на школьные спортплощадки помериться в силе, в ловкости, показать, чего они достигли, что накопили за солнечные месяцы летнего отдыха.

Сейчас спортивная пионерская осень уже приближается, так давайте подумаем, как проводить соревнования отрядов и звеньев.

Прежде всего, в каких видах спорта соревноваться.

Первым делом, конечно, это должна быть легкая атлетика. Ведь легкая атлетика — фундамент, основа всякого спорта вообще и всех спортивных игр. Чтобы забросить мяч в кольцо на баскетбольной площадке, нужен высокий прыжок и сильный разбег. Чтобы не пропустить мяч в свои ворота, чтобы хорошо пройти дистанцию на коньках, нужна быстрая реакция, хорошо поставленное дыхание, выносливость.

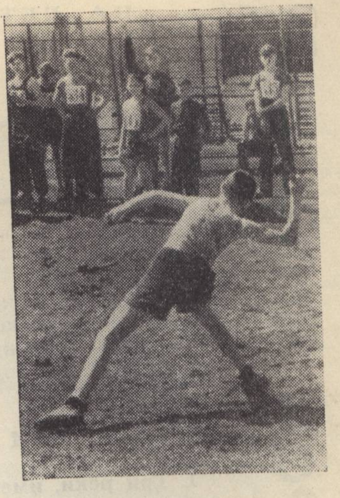
Не случайно легкоатлетические упражнения входят как главные в комплекс БГТО. Выпишите себе для памяти высшие нормы БГТО по легкой атлетике.

Метание: для девочек мяч — 45 м, для мальчиков граната — 50 м. Бег на 60 м: для девочек — 8,8 сек., для мальчиков — 7,8 сек. Прыжки в длину с разбега: для девочек — 420 см, для мальчиков — 525 см. Прыжки в высоту с разбега: для девочек — 120 см, для

мальчиков — 145 см. Лазание по канату: для девочек — 11 м, для мальчиков — 10 м.

За такие результаты присуждают по 100 очков и значок «Отлично». А запомнить их мы советуем потому, что, готовясь к соревнованиям, каждый спортсмен стремится дать наивысшие результаты: только это приносит победу.

Кроме легкой атлетики, хорошо провести состязание по спортивным играм, например, по баскетболу.

Но спортсмены могут быть очень хорошими, а соревнования плохими, если их не подготовить. А ведь это зависит от вас самих, ребята!

Мало вывесить в классе программу и график отрядных соревнований. Очень важно вместе с другими отрядами хорошо оборудовать школьную спортплощадку.

Расчищена ли, утрамбована ли у вас дорожка для бега на 60 метров? Есть ли у вас для прыжков в длину яма, заполненная чистым песком? Все это можно подготовить самим. И не только это. Очень интересно своими руками сделать все оборудование для соревнований, применив знания столярного и слесарного дела, использовав школьные мастерские. Сделайте стойки и планки для прыжков в высоту, стартовые колодки, деревянные или металлические — смотря по вашим техническим возможностям. На двух нижних фотографиях на предыдущей странице вы видите и те и другие колодки, устройство их несложно.

Надо подумать и о болельщиках: надо, чтобы им было удобно и интересно, чтобы они все видели и слышали. Кто не испытывал досаду, когда, сидя на соревнованиях, не мог разобрать имя победителя, показанные им секунды в беге или высоту в прыжке! Это ведь и правда очень досадно. А между тем так просто установить на судейском пункте микрофон. Приладить его может каждый радиолюбитель из школьного кружка. Посмотрите на нижнюю фотографию: этого судью услышит весь стадион. Такой микрофон может быть и у вас. И такой судья тоже. Надо, как это делается во многих школах, подготовить своих судей, организовать для них семинар. Кстати, умение судить — одно из требований «пионерских ступеней».

Есть такая старинная народная пословица: «Цыплят по осени считают». Употребляют эту поговорку реже всего птичницы. Тут подразумевается конечный результат любого дела. «Спортивные цыплята», которых вы, ребята, будете подсчитывать, придя к финишу осенних соревнований,— это упругость и сила ваших мускулов, это новые сантиметры в прыжках, новые метры полета гранат и мячей, новая скорость на беговой дорожке.

Счастливого старта!

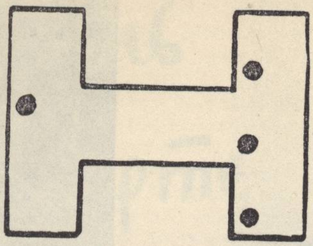
Счастливого финиша!

ЧАСЫ ДОСУГА

НА ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ

Эту фигуру нужно разделить на четыре равные и одинаковые по форме части так, чтобы в каждой из них оказалось по одному кружочку.

Составил **А. Соловьев.**

ТРИ РЕКИ

1. Три реки, имеющие одинаковое название, протекают в Оренбургской, Сталинградской и Днепропетровской областях. Что это за реки и к бассейнам каких больших рек они относятся?

2. Три других реки являются левыми притоками Камы, Ангары и Кубани. Все три имеют одно и то же название. Какое?

Прислал **Ф. Ознобишин.**

ПОМЕЩЕННЫЕ В № 5

ТОЛЬКО ЯГОДЫ

1. Рябина. 2. Малина. 3. Черника. 4. Ежевика. 5. Брусника. 6. Голубика. 7. Клубника. 8. Костяника. 9. Смородина. 10. Земляника.

ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. В грудной клетке. 2. В строительных лесах. 3. Из подъемного крана. 4. Географическим поясом. 5. Роман. 6. Из кровеносного сосуда.

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

Рожденный ползать — летать не может.

В МИРЕ ФАНТАСТИКИ

1. Давыдов. 2. Камов. 3. Синяев. 4. Гордеев. 5. Кейвор. 6. Африка. 7. Крамер. 8. Коннор. 9. Шатров. 10. Тантра. 11. Костин. 12. Сатурн. 13. Анибал. 14. Николь. 15. Одинцов.

Из выделенных букв составляется: «В мире фантастики».

Содержание

На вклейках:
цветные фотографии
В. Минкевича, Е. Удовиченко и М. Заплатина.

На обложке:
«Город пионеров».
Рисунок архитектора И. Покровского.

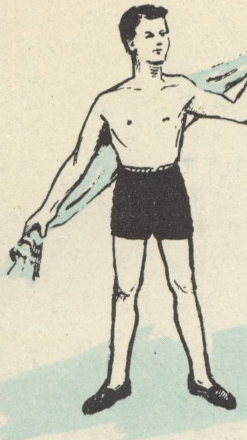
Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 06524. Подписано к печати 24/VII 1959 г. Тираж 520 000 экз. Изд. № 1170. Заказ № 1571.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Пионеры и школьники

Школьные организации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца организуют в школах кружки. Занимаясь в этих кружках, вы овладеете санитарно-гигиеническими умениями и навыками по требованиям «пионерских ступенек».

Пионерам, которые еще стоят на первой ступени, чтобы подняться на вторую ступень, надо научиться соблюдать режим дня, делать по утрам зарядку, закаливать свой организм. Они должны уметь убрать свою комнату, быть опрятными и заботиться о том, чтобы и другие ребята всюду соблюдали порядок и чистоту и правила личной гигиены.

Пионеры, стоящие на второй и третьей ступенях, в кружках научатся охранять и укреплять здоровье свое и своих товарищей, предупреждать различные заболевания, оказывать первую медицинскую помощь.

Большую роль в этой работе играют отрядные и дружинные санитарные посты, в которые входят лучшие юные активисты обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Члены санитарных постов активно работают в школе, в пионерских лагерях и в туристских походах. Они всегда в случае необходимости могут оказать первую медицинскую помощь, они знают и собирают лекарственные растения, умеют отличить съедобные грибы и ягоды от ядовитых, помогают руководителю туристской группы следить за питьевым и пищевым режимом в пути, дежурят в местах купания.

Ребята!

В каждом отряде и дружине организуйте санитарные посты, овладевайте гигиеническими и санитарными знаниями. Они помогут вам вырасти здоровыми и закаленными, сильными и смелыми, стать достойной сменой старшему поколению строителей коммунизма!

Исполнительный комитет Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

Цена 2 р. 50 к.

